11942.

11942.

Ю. ЕЛЕЦЪ.

БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН.

15880.

ИМПЕРАТОРЪ МЕНЕЛИКЪ

и

ВОЙНА ЕГО СЪ ИТАЛІЕЙ.

По документамъ и походнымъ дневникамъ

Н. С. ЛЕОНТЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова. Троицкая ул., № 18.
1898.

Библиотека НКФ СССР

39

76577

Дозволено цензурою. СПБ., 5 января 1898 года.

Предлагаемая читателямъ книга составлена главнымъ образомъ по документамъ и походнымъ дневникамъ Н. С. Леонтьева, которые онъ любезно предоставилъ въ полное распоряженіе автора, а также и по оффиціальнымъ итальянскимъ источникамъ. Имя нашего отважнаго путешественника извѣстно всему образованному міру и не безъ вѣскихъ къ тому причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не служащій русскій дворянинъ, благодаря неутомимой энергіи, рѣдкой настойчивости и недюжинному уму достигъ того, что создалъ для Россіи важную союзницу въ Африкѣ—Абиссинію. А это было далеко не легко: нужно было прежде всего туда добраться, имѣя передъ собою призраки вырѣзанныхъ дикарями его европейскихъ предшественниковъ; войти въ довѣріе къ негусу Менелику и убѣдить его, что родственная по вѣрѣ могущественнѣйшая въ мірѣ держава совершенно безкорыстно можетъ заинтересоваться Абиссиніею и не наложитъ на нее своей мощной руки; склонить негуса къ первому важному шагу въ отношеніяхъ двухъ государствъ—отправкѣ посольства на дальній Сѣверъ къ Монарху Всероссійскому, неустанно, не покладывая рукъ содѣйствовать къ дальнѣйшему развитію этихъ отношеній, не останавливаясь передъ большими матеріальными затратами и не падая духомъ передъ цѣлою сѣтью интригъ, навѣтовъ и злобы враговъ — неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всякаго крупнаго жизненнаго успѣха—и все это изъ любви къ своему отечеству и изъ желанія показать всему міру, что и мы—русскіе можемъ служить своей родинѣ и при томъ не прибѣгая къ огню и мечу не хуже англичанъ, французовъ

и нѣмцевъ, свившихъ себѣ при помощи этихъ двухъ факторовъ прочныя гнѣзда на материкѣ Африки. Здѣсь кстати будетъ припомнить легкомысленные вопросы, которые часто приходилось выслушивать пишущему эти строки: Что намъ Абиссинія? Зачѣмъ она нужна Россіи? Въ отвѣтъ на это, вспомнимъ только о томъ, какая важная роль предстоитъ намъ въ будущемъ въ Азіи, какою серьозною соперницей нашей является тамъ Англія, и какъ чувствительно для нея все, происходящее въ Африкѣ, гдѣ она, на случай предчувствуемыхъ и грядущихъ потерь въ Индіи, торопится создать новую Имперію, стараясь объединить подъ своею властью конгломератъ земель отъ Капа до Каира.

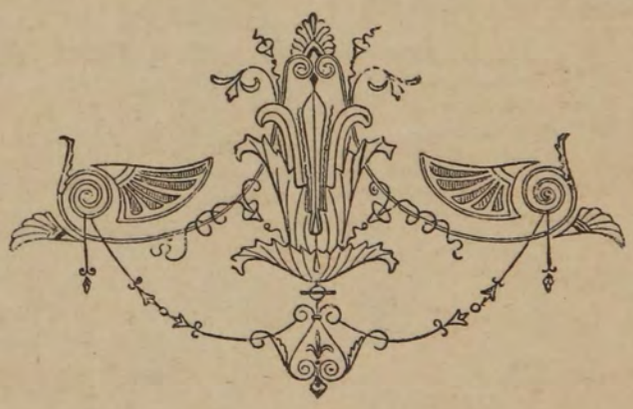
Труды г. Леонтьева, вполнѣ оцѣненные правительствомъ, увѣнчались успѣхомъ—учрежденіемъ россійской дипломатической миссіи въ Абиссиніи, а самъ онъ явился уже въ новой роли—генералъ-губернатора экваторіальныхъ провинцій Эфіопіи, на каковомъ поприщѣ онъ, конечно, также ревностно будетъ служить интересамъ Россіи, какъ дѣлалъ онъ это и до сихъ поръ. Будучи въ теченіе четырехъ почти лѣтъ близкимъ человѣкомъ къ Негусу Менелику и его совѣтникомъ по дѣламъ внѣшней политики и военнымъ вопросамъ, Н. С. Леонтьевъ естественно явился первоисточникомъ свѣдѣній по Абиссино-Итальянской войнѣ съ абиссинской стороны, что и придаетъ интересъ книгѣ, освѣщая со всѣхъ сторонъ многіе вопросы, остававшіеся до сихъ поръ только подъ лучами итальянской точки зрѣнія.

Благодаря г. Леонтьеву мы подробно могли познакомиться съ характеристикой храбрыхъ абиссинскихъ вождей, устройствомъ славныхъ ихъ войскъ и постараться снять съ нихъ покровъ дикарей, который предусмотрительно набрасывался на абиссинцевъ европейскими колонизаторами Африки. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы не можемъ не отдать должной дани уваженія доблестной итальянской арміи, офицеры и солдаты которой вели себя истыми героями—потомками римлянъ, умѣли драться и почти поголовно умирать вездѣ, гдѣ только вступали въ

бой и всегда съ многочисленнымъ противникомъ, и по нашему глубокому убѣжденію ни малѣйшаго пятна не должно лечь на нихъ за столь печальные результаты кампаніи — вся вина падаетъ на главу того, кто — преслѣдуя личныя цѣли своей честолюбивой политики, склонилъ итальянское правительство послать ихъ на убой. Вящщимъ же примѣромъ высокаго пониманія своего долга въ лѣтописяхъ военной исторіи займетъ отказъ генерала Альбертоне и его офицеровъ — воспользоваться свободой, предложенной имъ негусомъ.

Принося глубокую признательность Н. С. Леонтьеву за его готовность отдать всѣ рѣдко интересные документы и дневники въ полное распоряженіе пишущаго эти строки, авторъ считаетъ своимъ долгомъ искренно благодарить и секретаря негуса г. Ато-Іосифа, помогавшаго ему разбираться въ различныхъ фактахъ послѣдней абиссино-итальянской войны, которая, надѣемся въ интересахъ обѣихъ боровшихся сторонъ дѣйствительно сдѣлается таковою, т. е. послѣднею.

Ю. Елецъ.



БИБЛИОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

Императоръ Менеликъ II.

Императрица Таиту.

Н. С. Леонтьевъ, генералъ-губернаторъ экваторіальныхъ провинцій Абиссиніи и его оруженосецъ.

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

ГЛАВА I.

Введеніе. — Африка и европейцы. — Ихъ захваты и появленіе на сцену Италіи.—Роль Англіи и ея цѣли.—Стремленія Италіи.—Судьба Массовы.—Торговая компанія Рубатино.—Утвержденіе Италіи въ Массовѣ.—Научныя экспедиціи.—Первыя столкновенія съ абиссинцами.—Возникновеніе Эритрейской колоніи.—Учіалійскій договоръ.

Абиссинскій талеръ.

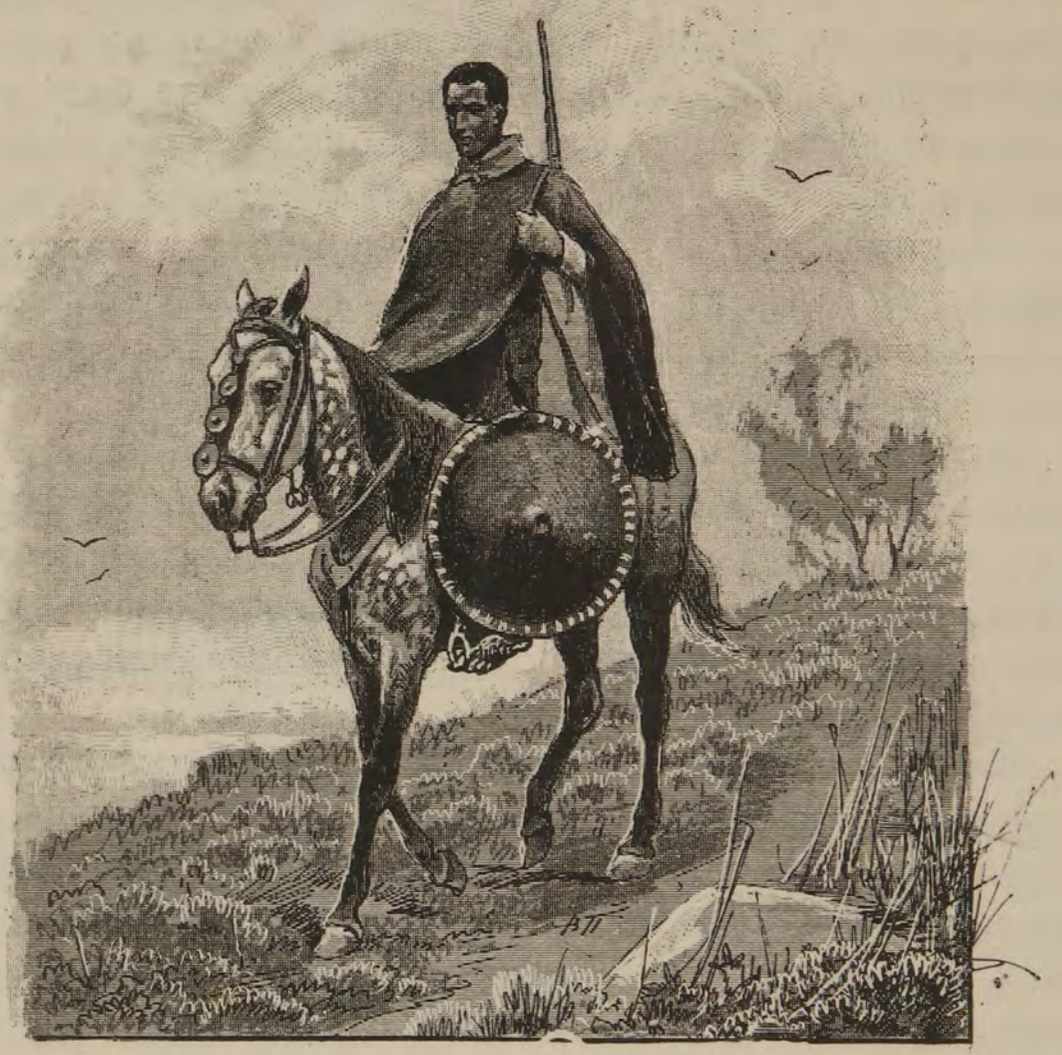
Приступая къ описанію абиссинско-итальянской войны, мы считаемъ нужнымъ поставить вмѣсто введенія нѣсколько вопросовъ, имѣющихъ общечеловѣческій характеръ, и какъ выводъ изъ нихъ, сдѣлаемъ заключеніе о томъ, имѣла-ли Италія нравственное право начать эту войну, а жестоко наказанная за свою необдуманную попытку—негодовать на своихъ скромныхъ и великодушныхъ побѣдителей. Высокопросвѣщенный Западъ, издавна стремящійся къ святымъ идеямъ правды и добра, проповѣдующій ихъ съ каѳедръ, амвоновъ, проводящій ихъ въ государственномъ строѣ, устраивающій „Красные“ и другіе кресты для помощи своему ближнему,—вмѣстѣ со всѣмъ этимъ остался по существу такъ же алченъ и дикъ, какъ и народы, которыхъ не коснулся свѣточъ цивилизаціи. Оказалось на фактахъ, что любовь къ ближнему существовала

только въ прописяхъ. Подтвердимъ это положеніе сравненіемъ двухъ недавнихъ войнъ. Съ какимъ вниманіемъ и трепетомъ слѣдила Европа за борьбой Франціи и Германіи. Какой ужасъ вызывали чтенія кровопролитныхъ сраженій, какое сочувствіе массѣ осиротѣвшихъ семей обоихъ боровшихся народовъ. Двадцать пять лѣтъ прошло послѣ Седанскаго погрома, и постоянно и газеты, и журналы всѣхъ странъ вспоминаютъ и разработываютъ всѣ детали этой братоубійственной войны. И вотъ недавно на нашихъ глазахъ японцы разгромили толпы безоружныхъ китайцевъ. Кто же въ Европѣ серьезно пожалѣлъ ихъ, какъ своихъ ближнихъ, кто подумалъ отправить имъ помощь, выразить сочувствіе, кого тронули слезы безчисленныхъ вдовъ и сиротъ? Да, можно сказать, никого. Почему же такая громадная разница въ отношеніяхъ къ двумъ войнамъ?—спросимъ мы. Вѣдь и тутъ и тамъ дрались и погибали люди — т. е. ближніе. Да вѣроятно потому, что франко-прусская война была близко, въ центрѣ просвѣщеннаго запада и могла задѣть и вовлечь въ борьбу не двѣ только державы, а и много болѣе. Ну а то, что дѣлала Японія съ Китаемъ—это было и далеко, и безопасно для Европы.

Теперь поставимъ другой вопросъ: почему же абиссинско-итальянская война сдѣлалась такою популярною? Отвѣтъ по нашему разумѣнію будетъ таковъ: потому что Абиссинія разгромила Италію. Произошло то, что не должно было произойти, что-то неожиданное и странное. Полудикій, плохо вооруженный народъ осмѣлился не только не подставить шею подъ занесенный надъ нею топоръ самонадѣяннаго пришельца, но и жестоко отпарировать ударъ. И такъ, слѣдовательно, если бы наоборотъ Италія разгромила, какъ и подобало, абиссинцевъ, Европа такъ же мало интересовалась бы этимъ, какъ бы хотя, напримѣръ, завоеваніемъ англичанами Индіи.

Формулируя все вышесказанное, сдѣлаемъ выводъ, что же собственно въ наше время должно подразумѣвать подъ лю-

бовью къ ближнему. Во-первыхъ то, что есть ближніе— близкіе, а есть и дальніе, которыхъ иначе приходится и любить Такъ, французъ скажетъ: я больше всѣхъ люблю французовъ, потомъ русскихъ, потомъ испанцевъ, и поста-



Галасскій кавалеристъ.

витъ въ концѣ нѣмцевъ, которыхъ хоть завтра же съ любовью разстрѣляетъ изъ своихъ пушекъ и ружей. Но это все ближніе; почему?—да потому, что въ борьбѣ за существованіе съ ними приходится считаться.

Для итальянцевъ абиссинцы не были даже и ближними,

потому что, по мнѣнію первыхъ, съ ними и считаться не приходилось. Италіи понадобилась богатая страна съ хорошимъ климатомъ, и явилось быстрое рѣшеніе — овладѣть этою страною. О любви къ ближнему тутъ уже не справлялись. Иное дѣло было бы, если бы этою страною владѣла какая-либо европейская держава — тутъ явилось бы на сцену и международное право, и высокія идеи. Разумѣется, завоеватели Африки, разныхъ національностей, могли бы возопить — кто же можетъ насъ остановить, если мы несемъ просвѣщеніе варварамъ? Но въ какомъ видѣ оно было преподносимо несчастнымъ нашимъ чернымъ братьямъ. Если бы нашелся кто-нибудь, который могъ бы собрать всѣ факты не у побѣдителей, а у побѣжденныхъ,—появилась бы исторія Африки, вопіющая къ небу, покрывающая позоромъ высоко цивилизованныхъ христіанъ, огнемъ и мечомъ отмѣчавшихъ свое появленіе среди беззащитныхъ дикарей.

Такимъ образомъ, для странъ просвѣщеннаго запада въ Европѣ существовали одни законы о любви къ ближнему, а въ Африкѣ—другіе. Въ Европѣ они поддерживались языческимъ: око за око и зубъ за зубъ, ну а въ Африкѣ этой опасности не представлялось, и можно было разгуляться въ волю.

Вотъ съ африканскою формулой и явились въ Абиссинію итальянцы. Результатъ этого появленія вышелъ очень печальный и, увы!—у попиравшихъ всѣ человѣческія и нравственныя права не осталось даже утѣшенія не только сложить на побѣдителей свою вину, но даже и негодовать на нихъ.

Третья часть стараго свѣта, знойная Африка, лѣниво прозябавшая подъ палящими лучами тропическаго солнца, долго бы оставалась въ своей вѣками отмѣченной косности, если бы западная Европа и въ особенности Англія не обратили на нее своего благосклоннаго вниманія. Научныя

изслѣдованія, сопровождаемыя мирными и съ бою захватами земель, одни за другими отторгали лучшія части, преимущественно побережья материка, и скоро карта Африки запестрѣла разными красками, отмѣчавшими владѣнія англичанъ, французовъ, португальцевъ, испанцевъ, нѣмцевъ и, наконецъ, итальянцевъ. Вотъ почему и какимъ образомъ Италія присоединилась къ своимъ европейскимъ собратьямъ въ дѣлѣ эксплоатаціи африканскихъ земель.

Для лицъ, мало-мальски посвященныхъ въ африканскія дѣла, давно уже не было тайною, къ чему сводилась здѣсь аггрессивная политика британцевъ. Въ основѣ ея лежала смѣлая и великая идея: основать въ Африкѣ, системою постепеннаго захвата земель съ сѣвера и юга, вторую имперію, и на случай неудачъ въ азіатскихъ владѣніяхъ королевы Викторіи перенести центръ тяжести колоніальной политики въ новое, заботливо свиваемое гнѣздо. Пододвигая постепенно южныя свои владѣнія къ сѣвернымъ, англичане вознамѣрились для большаго единенія всего конгломерата захватываемыхъ ими земель соединить ихъ двумя жизненными артеріями: телеграфомъ, который долженъ былъ прорѣзать независимое государство Конго и соединить Капъ съ Каиромъ, и желѣзною дорогою отъ Момбезы на берегу Индѣйскаго океана черезъ озера Викторія-Ніанца и Альбертъ-Ніанца вплоть до Хартума, откуда уже начинался судоходный Нилъ. Первое предпріятіе имъ пока не удалось, благодаря поддержки Конго Германіей въ отказѣ дать разрѣшеніе на постройку телеграфной линіи. Эта попытка въ то же время открыла глаза Европѣ на дѣйствительное значеніе англійской политики въ Африкѣ.

Второе дѣло достигло желаемыхъ результатовъ. И вотъ, здѣсь-то главною помѣхою въ будущемъ соединеніи во-едино сѣверной и южной части Восточной половины Африки и явилась Абиссинія—единственное здѣсь сплоченное, военное государство, съ устойчивостью, присущею христіанскимъ народностямъ. Издавна привыкши загребать жаръ

чужими руками, Англія и тутъ осталась вѣрною себѣ, и дабы устранить Абиссинію со своего намѣченнаго пути, близость послѣдней къ которому не мало ее тревожила, обратила на Эѳіопію благосклонное вниманіе.... итальянцевъ. Выборъ былъ сдѣланъ очень удачно. Италія переживала тяжелый экономическій кризисъ, ежегодная эмиграція въ Америку ея сыновъ возрастала все прогрессивно, и въ эти трудныя минуты ея вниманіе было обращено англичанами на берега Африки, золотое дно, новое эльдорадо, и предложено было, какъ зачатокъ будущей базы, занять Массову. Благодаря этому, Италія получала колоніальныя владѣнія, которыя могла бы эксплоатировать въ пользу метрополіи, и къ тому же въ сравнительно близкомъ отъ нея разстояніи. Эта идея была, какъ нельзя болѣе, на руку Криспи, который, подобно Наполеону III въ 1870 году, хотѣлъ внѣшними событіями отвлечь вниманіе народа отъ внутренняго безотраднаго положенія страны. Кромѣ того, съ прорытіемъ Суэзскаго перешейка явился ближайшій морской путь въ Индію, весьма важный для Италіи, которая, какъ государство Средиземнаго моря, хотя и не имѣла колоній въ Индіи, но давно уже вела съ нею торговлю. Когда европейскія государства стали хлопотать о пріобрѣтеніи гаваней и станцій для своихъ судовъ на Чермномъ морѣ, Италія также призадумалась и объ этомъ вопросѣ, который, какъ нельзя лучше, разрѣшался заманчивымъ предложеніемъ Англіи занять принадлежавшую египетскому хедиву Массову. Вотъ какимъ образомъ досталась она Египту. Въ началѣ второй половины XVI столѣтія Турція владѣла всѣмъ почти побережьемъ Краснаго моря и въ 1866 году уступила хедиву Массову, по преданію—основанную еще персами; хедивъ уже самъ впослѣдствіи присоединилъ къ себѣ земли Данакиля и Харрара и обратилъ свое вниманіе на Богосъ, но не могъ завоевать этой страны, а такъ какъ на нее имѣлъ виды и негусъ Абиссиніи Іоаннъ, то слѣдствіемъ столкновенія его съ хедивомъ на почвѣ захвата новыхъ владѣній явилась война, разгорѣв-

шаяся въ 1874 году. Египтяне были два раза на голову разбиты при Гудѣ и Гурѣ, не смотря на превосходство своего вооруженія, которое въ большомъ количествѣ досталось абиссинцамъ. Здѣсь кстати замѣтить, что исторія снабженія ихъ войскъ огнестрѣльнымъ оружіемъ есть ни что иное, какъ перечень пораженій ихъ противниковъ: послѣ каждаго эѳіопскія войска пріобрѣтали, какъ военную добычу, ружья той или другой системы, въ зависимости отъ того, съ кѣмъ они воевали. Такимъ образомъ, главными и безкорыстными поставщиками абиссинской арміи могли себя считать англичане, усердно снабжавшіе ремингтоновскими ружьями египтянъ и дервишей. Завладѣвъ Массовой, египтяне укрѣпили городъ и поставили въ немъ незначительный гарнизонъ. Не успѣла окончиться печально для хедива война съ Абиссиніей, какъ противъ него началось возстаніе суданцевъ, которые осадили Кассалу. Этимъ удобнымъ моментомъ не замедлили воспользоваться англичане: они заняли Суакимъ и принялись великодушно помогать Египту противъ махдистовъ, но вполнѣ безуспѣшно. За то съ другой стороны дѣло было поставлено блестяще, и при Измаилѣ-пашѣ не только финансы, но и все управленіе страною незамѣтнымъ образомъ очутилось въ рукахъ Британіи. Когда же англичане увидѣли, что трудно имъ будетъ справиться съ махдистами, они предложили итальянцамъ занять Массову, важный стратегическій и торговый пунктъ. Но въ признательность за великодушное предложеніе пользоваться чужимъ добромъ и брошенную Италіи кость, которой сами разгрызть не могли, британцы потребовали отъ нея содѣйствія для освобожденіи Кассалы, а затѣмъ и Хартума.

Италіи тѣмъ удобнѣе было воспользоваться сдѣланнымъ ей предложеніемъ, что уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ итальянскій флагъ появился на берегу Краснаго моря и вотъ какимъ образомъ.

Въ концѣ 1870 года торговая компанія Рубатино арендовала острова Демаркіэ при входѣ на рейдъ Буйо и потомъ купила ихъ, равно какъ и бухту Ассабъ. Десять лѣтъ спустя, итальянское правительство пріобрѣло ихъ у компаніи, какъ удобныя гавани, которыя были также уступлены

Абиссинскія сумки.

Италіи данакильскимъ султаномъ Ибрагимомъ, бывшимъ исконнымъ ихъ сюзереннымъ владѣтелемъ. Тогда, по соглашенію съ Англіею, Италія объявила свой протекторатъ надъ сосѣдними землями Бейлуль и Рахейта. Съ этого времени начались первые шаги итальянцевъ для захвата земель, сдѣ-

ланные, какъ и подобаетъ, подъ знаменемъ науки. Первая экспедиція подъ начальствомъ Гюльети-Бильери была вся перебита данакильцами въ 1881 году. Два года спустя, экспедиція Біянки подверглась той же участи, что и послужило предлогомъ для Италіи къ захвату въ 1885 г. Массовы, находившейся тогда подъ властью Египта. Относительно этого послѣдняго акта самоуправствъ былъ заключенъ даже договоръ между Англіей и Италіей, по которому послѣдняя въ знакъ признательности британцамъ, какъ уже сказано было выше, обязалась помочь Англіи въ борьбѣ съ махдистами для освобожденія Кассалы и Хартума и водворенія порядка въ Египтѣ. Египетскій гарнизонъ Массовы не оказалъ итальянскому десанту никакого сопротивленія. Занявъ городъ и очистивъ безъ выстрѣла крѣпость, итальянскій отрядъ подъ командою полковника Салетта двинулся далѣе на Хартумъ помогать англичанамъ, но махдисты уже овладѣли этимъ городомъ, и англійскія войска, потерпѣвъ значительный уронъ, отступили. Этимъ окончились взаимныя дѣйствія союзниковъ, и Италія принялась мало по малу захватывать земли между Ассабъ и Массовой, объявляя ихъ подъ своимъ протекторатомъ. Какъ продукціонная колонія, Массова не представляла никакихъ выгодъ: песчаная пустынная страна съ чрезвычайно знойнымъ климатомъ (до 56° по Цельзію въ тѣни), она явилась лишь гибельною для итальянскихъ войскъ, болѣзненность коихъ доходила здѣсь до 15%, изъ которыхъ умирала четвертая часть. Земледѣлію климатъ здѣсь совсѣмъ не благопріятствовалъ, и такимъ образомъ новая колонія не только ничего не давала, но сама еще требовала большихъ затратъ. Поэтому естественно, что взоры итальянцевъ обратились на сосѣднія земли, и прежде всего на плодородную,съ прекраснымъ климатомъ,сосѣднюю страну—Эѳіопію. Указавъ Италіи на Абиссинію, англичане предоставили ей занять временно Кассалу на условіяхъ векселя по предъявленію, т. е. возвращенія этого пункта Британіи при первомъ же ея требованіи. Англія же взяла на себя расправу

съ вновь образовавшимся царствомъ дервишей и махдистами, которыхъ, впрочемъ, временно, послѣ хартумскаго пораженія оставила въ покоѣ до окончаніи постройки желѣзной дороги, въ видѣ барьера на случай аггрессивныхъ цѣлей тѣхъ, кто бы съ сѣвера Африки захотѣлъ помѣшать неуклонному осуществленію ихъ смѣлыхъ проектовъ.

Уже съ 1886 года начались столкновенія между итальянскими войсками и данакильцами, но всѣ попытки завести переговоры и дружественныя отношенія съ Абиссиніей не имѣли никакого успѣха у эѳіопскаго царя Іоанна; также неудачны были отношенія съ расъ-Аллулой — правителемъ Асмары. Оба они, очевидно, не могли равнодушно смотрѣть на хозяйничанье Италіи въ ихъ владѣніяхъ, несмотря на то, что эта послѣдняя обязалась строго выполнять заключенный между Іоанномъ и египтянами трактатъ. Но въ этомъ договорѣ не было строгаго разграниченія земель и явились спорные пункты, какъ напримѣръ Саати.

Въ концѣ этого же года экспедиція графа Порро была уничтожена шайками данакильцевъ; виновные на этотъ разъ также не были наказаны Италіей. Тогда это ободрило абиссинцевъ, они арестовали экспедицію гр. Саламбини и потребовали очистки Уйа и Зулу, и въ январѣ 1887 года расъ-Аллула напалъ на итальянскій отрядъ Баретти, и хотя долженъ былъ отступить съ урономъ, но на слѣдующій день при Догали уничтожилъ отрядъ полковника Христофориса, взявъ 4 орудія.

Тогда другіе итальянскіе отряды отошли въ Массову, а изъ Рима были посланы подкрѣпленія, и правительство рѣшило перейти къ дѣятельной политикѣ въ Африкѣ: учрежденъ былъ спеціальный африканскій корпусъ, и силы итальянцевъ съ гарнизономъ Ассабы и туземными войсками были доведены до 20,000 человѣкъ. Главнокомандующій генералъ Марцано рѣшилъ наступать, съ цѣлью захватить Саати и обратить его въ укрѣпленный, независимый отъ базы пунктъ. Абиссинцы, видя ихъ намѣренія, уклонились отъ боя и запросили мира, условія котораго были поставлены Италіею

въ слѣдующихъ формахъ: 1) признаніе протектората Италіи надъ Габабъ и Ассаатти, уступка Саати и Уйа съ прилежащею мѣстностью и торговый договоръ съ Италіей. Негусъ Іоаннъ категорически всѣ эти условія отвергъ. Тогда часть итальянскихъ войскъ была отозвана на родину. Такъ безплодно окончилась вторая итальянская экспедиція 1888 года въ Эѳіопію, которая стоила имъ до 100.000,000 лиръ. Въ августѣ 1888 года снова послѣдовало столкновеніе итальян-

Абиссинская конница на походѣ.

цевъ съ бандами мятежнаго Дебаба, и первые снова были разбиты на голову. Тогда въ Римѣ опять заговорили о большой экспедиціи въ Абиссинію.

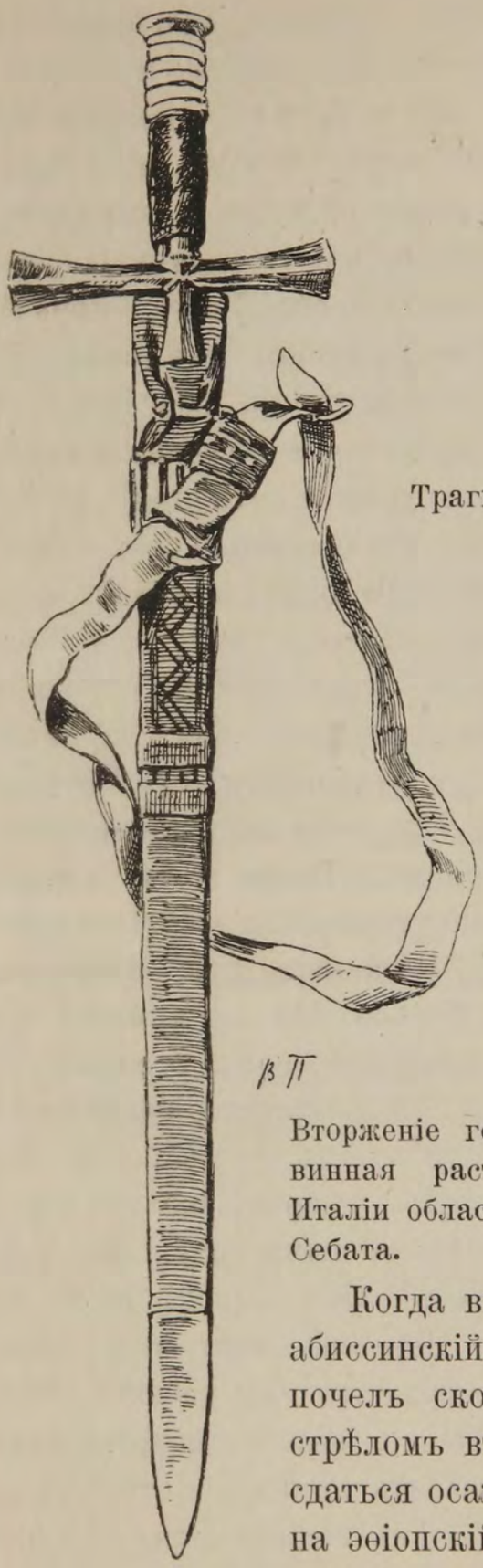
Въ то же время Италія старалась упрочить свое положеніе на берегахъ Краснаго моря, захватывая всѣ страны, прилегающія къ Эѳіопіи. Такъ, въ 1889 году былъ объявленъ протекторатъ надъ землею Оппія, побережьемъ отъ Зейлы

до владѣній занзибарскаго султана и землею аусскаго султана—Амхаромъ и Данакилемъ. Такъ что въ результатѣ въ одинъ прекрасный день Эѳіопія совсѣмъ была отрѣзана отъ моря. Въ 1890 году всѣ эти земли получили гражданское управленіе и были торжественно наименованы Эритрейскою колоніею. Въ томъ же 1889 году съ Менеликомъ, королемъ Шоа, былъ при помощи гр. Антонелли устроенъ учіалійскій договоръ, по которому признавались права Италіи на обладаніе занятыми ею землями, включая туда Керенъ, Асмару и часть Тигре до р. Мареба. Вотъ какимъ образомъ возникъ этотъ договоръ. Начальникъ одной изъ оставшихся въ живыхъ научной экспедиціи маркизъ Антинори не замедлилъ основать на берегахъ Чермнаго моря географическую станцію, названную по абиссински: „Марефіэ“ (Mon repos). Здѣсь онъ оставался два года подъ предлогомъ научныхъ наблюденій, причемъ поспѣшилъ войти въ отношенія съ королемъ одной изъ провинцій Эѳіопіи, Шоа—Менеликомъ, нынѣшнимъ императоромъ. Смѣнившій Антинори, молодой и талантливый итальянскій авантюристъ графъ Антонелли, покинувшій Римъ вслѣдствіе непріятностей съ отцомъ и ревностно принявшійся за дѣло Италіи въ Африкѣ, продолжалъ политику своего предшественника и старался снискать расположеніе Менелика подарками, въ видѣ драгоцѣнностей, ружей и т. п. предметовъ, и затѣмъ склонилъ его къ заключенію договора.

Король Шоа Менеликъ въ то время находился въ политической ленной зависимости отъ императора Эѳіопіи Іоанна, который, будучи ранѣе простымъ деджазмечемъ *) Каса (генераломъ), вступилъ съ войсками своими въ союзъ съ англичанами противъ предмѣстника своего царя Ѳеодора, свергнулъ его при помощи британцевъ и, какъ узурпаторъ, овладѣвъ престоломъ, принялъ титулъ императора Эѳіопіи и имя Іоаннъ.

---

*) Деджазмечь — чинъ, соотвѣтствующій нашему полному генералу.



Абиссинскій мечъ (суданскій).

ГЛАВА II.

Трагическая смерть царя Өеодора и воцареніе Іоанна II.—Усиленіе короля Шоа—Менелика.—Его повинная и брачный договоръ.—Возстаніе махдистовъ.—Борьба съ ними Іоанна и кончина его.—Менеликъ—императоръ Эөіопіи.—Итальянская политика. — Графъ Антонелли и 17-й пунктъ учіалійскаго договора. — Отношеніе къ нему европейскихъ державъ.—Пріѣздъ гр. Саламбини. — Его миссія и разрывъ съ Менеликомъ. — Вторичный пріѣздъ гр. Антонелли и оставленіе Эөіопіи итальянцами.—Миссія маіора Пьяно.—Вторженіе генерала Баратіери въ Тигре.—Повинная расъ-Мангаши Менелику. — Уступка Италіи области Околукзай и отложеніе расъ-Себата.

Когда въ 1868 году трагически погибъ абиссинскій царь Өеодоръ, который предпочелъ скорѣе покончить съ собою выстрѣломъ въ горло изъ револьвера, нежели сдаться осаждавшимъ Магдалу британцамъ, на эөіопскій престолъ явились три претендента: на югѣ — Менеликъ, царь Шоа, на сѣверѣ — Кассаи, правитель Тигре, и въ

центрѣ страны—Гобазіэ, владѣвшій Амхарой. Дальновидный Менеликъ, видя невозможность бороться съ сильнымъ соперникомъ Кассаи, à tiré son épingle du jeu, и во-время устранился отъ какой бы то ни было борьбы. Но между Кассаи и Гобазіэ таковая скоро приняла грандіозные размѣры и кончилась для послѣдняго полнымъ его пораженіемъ. Побѣдивъ Гобазіэ, взявъ въ плѣнъ и приказавъ ослѣпить его, Кассаи провозгласилъ себя императоромъ Эѳіопіи, принявъ имя Іоанна II.

Опасаясь за шаткое свое положеніе на абиссинскомъ тронѣ, новый царь съ тревогой слѣдилъ за все усиливавшимся своимъ вассаломъ Менеликомъ, и узнавъ, что тотъ вооружилъ свои войска при помощи итальянцевъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, рѣшился искать предлога къ войнѣ, дабы наказать своего вассала и разъ навсегда отнять у него охоту къ какимъ бы то ни было аггрессивнымъ предпріятіямъ. Осторожный Менеликъ, рѣдкаго ума и такта человѣкъ, временно уступилъ и уклонился отъ открытаго столкновенія, не чувствуя еще себя достаточно сильнымъ для борьбы съ императоромъ. Тогда этотъ, слѣдуя пословицѣ: „divide et impera“, не успокоился и добился того, что натравилъ одну часть Эѳіопіи—Шоа, на другую—Годжамъ, для взаимнаго ихъ ослабленія. Борьба эта окончилась побѣдою Менелика, который въ кровопролитномъ сраженіи на голову разбилъ негуса Годжама—Теклейманота. Тогда императоръ Іоаннъ справедливо усмотрѣлъ въ этомъ новую для себя опасность въ лицѣ короля Шоа; собравъ значительную армію (съ 75,000 ружей), форсированными маршами двинулся онъ къ границамъ Шоа черезъ Уоло, пославъ въ то же время приказъ своему леннику Менелику явиться къ нему въ Ороило. Менеликъ, предполагая, что ему грозитъ опасность быть схваченнымъ и, согласно обычаю, закованнымъ въ цѣпи, все-таки рѣшился исполнить приказъ и отправился къ императору въ сопровожденіи немногочисленнаго конвоя, всего изъ 40 человѣкъ. Передъ отъѣздомъ онъ предупредилъ своего дядю расъ-Даргэ объ ожидавшей его участи и,

считая себя уже достаточно сильнымъ, уполномочилъ раса тотчасъ же начать войну противъ Іоанна въ случаѣ, если тотъ лишитъ его свободы. Каково же было удивленіе Менелика, когда императоръ, вполнѣ удовлетворенный покорностью своего ленника, явившагося къ нему, согласно обычаю, съ камнемъ на шеѣ, вмѣсто плѣненія его, обратился къ нему съ просьбою о рукѣ его дочери для своего сына, наслѣдника престола расъ-Арея-Селасси и такимъ образомъ вмѣсто всѣми чаянной междоусобицы возникъ нежданный брачный договоръ.

Между тѣмъ мало по малу сплачивавшееся царство дервишей все чаще стало нарушать границы Эѳіопіи и искать столкновеній съ абиссинцами.

Въ 1884 году послѣдовало возстаніе Махди. Вскорѣ въ рукахъ дервишей былъ весь Суданъ; та же участь постигла и Нубію, причемъ былъ взятъ Хартумъ. Англія, безсильная остановить побѣдоносное шествіе мусульманъ, рѣшилась прибѣгнуть къ помощи Абиссиніи, всегдашняго исконнаго врага дервишей. Расъ-Аллула, правитель Тигре, обязался напасть на махдистовъ, но взамѣнъ по договору потребовалъ помощь ружьями, деньгами, а главное портъ Массову. А дервиши были на голову разбиты въ нѣсколькихъ бояхъ, и расъ-Аллула побѣдоносно двинулся къ Массову, но она была уже занята итальянцами. Когда въ 1884 году негусъ Іоаннъ попытался отдѣлаться отъ итальянцевъ и сосредоточилъ противъ нихъ свои главныя силы на востокѣ Абиссиніи, дервиши снова вторглись въ Эѳіопію съ запада, захватили Гондаръ и весь его сожгли. Дабы въ свою очередь ослабить Іоанна и вовлечь въ борьбу съ дервишами, Менеликъ подослалъ къ нему монаховъ, пользовавшихся славою предсказывать будущее, и тѣ увѣрили Іоанна, что видѣли сонъ, который предвѣщалъ ему полное пораженіе дервишей въ предстоявшей съ ними борьбѣ. Суевѣрный мистикъ, какъ и

всѣ абиссинцы, глубоко религіозный человѣкъ, Іоаннъ принялъ появленіе монаховъ за указаніе свыше, какъ ему поступать со своими врагами, и въ 1889 году двинулся противъ дервишей. Тѣмъ временемъ Менеликъ вступилъ въ союзъ съ итальянцами, которые предложили ему завладѣть Эѳіопіею и обѣщали свою помощь. Графъ Антонелли оформилъ этотъ договоръ, имѣвшій видъ дружественнаго трактата между двумя равными государствами. Когда борьба Іоанна съ дервишами приняла острый характеръ, Менеликъ, подговариваемый итальянцами, рѣшился открыто выступить противъ императора. На походѣ у озера Ана до него дошла нежданная вѣсть, что Іоаннъ погибъ въ сраженіи при Матама, гдѣ дервиши отрубили ему голову, которую отослали въ Хартумъ *). Удостовѣрившись въ смерти соперника, такъ кстати избавившей его отъ продолжительной съ неизвѣстнымъ исходомъ борьбы, Менеликъ быстро оріентировался въ новой обстановкѣ: возвратившись въ Шоа, онъ провозгласилъ себя императоромъ, тотчасъ же собралъ почти сто-тысячную армію и двинулся въ вассальное королевство Тигре противъ ея губернатора, самаго своего опаснаго соперника расъ-Мангаши, незаконнаго сына Іоанна, являвшагося претендентомъ на эѳіопскій престолъ за смертью законнаго наслѣдника Арея-Селасси, женатаго на дочери Менелика.

Послѣ незначительной борьбы съ Мангашей и его партіей Менеликъ заставилъ и въ Тигре признать себя императоромъ и, конечно, центръ тяжести его политики перемѣстился съ малаго Шоа на всю Эѳіопскую имперію.

Послѣ смерти Іоанна итальянцы были убѣждены, что насталъ психологическій моментъ дѣйствовать на Менелика въ смыслѣ достиженіи предначертанныхъ ими цѣлей.

Въ устроенномъ гр. Антонелли договорѣ 17-й пунктъ абиссинскаго подлинника гласилъ, что Эѳіопія *можетъ* поль-

*) Голова хранится тамъ и по сіе время.

зоваться посредничествомъ Италіи для сношеній со всѣми державами, что было предложено ей чуть-ли не въ видахъ экономіи.

Между тѣмъ въ итальянскомъ переводѣ слово *можетъ* безъ стѣсненія было замѣнено словомъ *должна*, и Италія не

Абиссинскія походныя фляги.

замедлила обратить дружественный союзный договоръ въ форму протектората, относительно котораго обратилась за апробаціей къ европейскимъ державамъ.

Эти послѣднія, очень мало въ то время интересовавшіяся Эѳіопіей ont accusé reception, за исключеніемъ лишь

76591

Россіи, которая заявила, что ждетъ аналогичнаго съ Италіей заявленія самого Менелика и не можетъ соглашаться съ заявленіемъ одной заинтересованной въ трактатѣ страны, не зная образа мыслей другой. Это „отдѣльное мнѣніе“ великой сѣверной державы нисколько не озадачило итальянцевъ, которые продолжали свою политику захвата и на слѣдующій же годъ объявили протекторатъ надъ Аусой съ портомъ Рахейта. Это было султанство, искони сюзеренное Шоа. Словомъ, Италія, въ силу договора и дружбы съ Менеликомъ, считала себя, здѣсь какъ дома, и исподволь старалась установить mise en scène, которая вполнѣ бы соотвѣтствовала идеѣ протектората—окончательно прибрать къ рукамъ всю Эѳіопію.

Съ этою цѣлью въ 1893 году явился въ Эѳіопію графъ Саламбини, въ роли какъ бы резидента, вѣрнѣе—совѣтчика Менелика, въ смыслѣ поступательнаго движенія Эѳіопіи по пути прогресса, справедливо разсчитывая найти въ новомъ императорѣ горячаго его сторонника. Съ резидентомъ явились два доктора, тотчасъ же получившіе отъ своего правительства военные чины капитановъ: Нераццини, назначенный, какъ бы политическимъ агентомъ въ Харраръ, а также для наблюденія за доходами таможни, и Траверси, который былъ назначенъ въ Шоа.

Саламбини, не смотря на мягкость характера, энергично принялся за свою новую роль, которая была опредѣлена въ Римѣ особою, строго разработанною программой. До какой степени заботливо была она составлена, свидѣтельствовалъ фактъ, что Саламбини открыто попросилъ у Менелика права участія въ туземномъ судѣ, съ цѣлью постепеннаго проведенія въ него европейскихъ идей, а также потребовалъ, чтобы дѣла абиссинцевъ съ итальянцами рѣшались въ Массовѣ, у генерала Баратіери. Этими двумя заявленіями было въ высшей степени задѣто и раздражено національное самолюбіе абиссинцевъ, къ слову сказать, очень сильно у нихъ развитое и итальянскіе дипломаты потерпѣли полное fiasco: въ

требованіяхъ ихъ имъ было категорически отказано. Тогда Саламбини, искренно убѣжденный въ существованіи протектората, создалъ изъ этого отказа цѣлый вопросъ и на основаніи трактата потребовалъ разъясненій. Они были охотно даны Менеликомъ, который тотчасъ же далъ понять Саламбини, что между Италіей и Эѳіопіей существуетъ дружба, но не вассальныя отношенія. По этому поводу возникла горячая дипломатическая переписка между резидентомъ и Римомъ, откуда рѣшено было послать опять гр. Антонелли, дабы повернуть дѣла на прежній путь и сдѣлать пополнительныя къ трактату объясненія. Эта миссія являлась тѣмъ болѣе удобной, что совпала съ пограничными осложненіями съ расъ-Мангаши, и гр. Антонелли долженъ былъ установить границу Тигре, чѣмъ и признавалось бы вмѣстѣ съ тѣмъ сюзеренное право Менелика надъ Мангаши. Антонелли явился въ столицу Эѳіопіи Энтото со своимъ секретаремъ, который былъ никѣмъ инымъ, какъ рѣзчикомъ печатей, и представилъ Менелику, какъ говорятъ, дополнительный къ первому договору актъ, снабженный печатью императора *). Императоръ былъ пораженъ этимъ небывалымъ документомъ и приказалъ узнать, какимъ образомъ онъ появился безъ его вѣдома. Когда все дѣло открылось, Менеликъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи отомстить желавшимъ обмануть его дипломатамъ. Но какъ? Онъ велѣлъ позвать къ себѣ мнимаго секретаря и, объявивъ, что онъ потерялъ нужную ему печать, просилъ сдѣлать ему таковую въ одну ночь, за что пообѣщалъ сто талеровъ и мула. Обрадованный итальянецъ принялся за легкую для себя работу во дворцѣ же, имѣя въ перспективѣ такую щедрую оплату. Тогда Менеликъ велѣлъ пригласить къ себѣ Антонелли и провести его черезъ импровизированную мастерскую. Можно представить себѣ удивленіе и смущеніе бѣднаго дипломата, которому такъ деликатно было указано на то, что игра его была раскры-

*) Печать во многихъ случаяхъ замѣняетъ подпись царя.

та. Вполнѣ удовлетворенный своею тонкою, и въ сущности очень невинною, местью Менеликъ не призналъ тѣмъ не менѣе новаго акта, имѣвшаго цѣлью оформить границы, а также и оговорить неудобный 17-й пунктъ. Тогда Антонелли въ бѣшенствѣ изорвалъ актъ и вмѣстѣ съ Саламбини, Нераццини и Травести покинулъ Эѳіопію, думая этимъ повліять на негуса. Для наблюденія за Эѳіопіей былъ оставленъ инженеръ Капуччи, въ роли придворнаго архитектора, который для внушенія къ себѣ большаго довѣрія женился на абиссинкѣ. Вскорѣ, а именно 18 іюня 1894 года, изъ Италіи явился маіоръ Пьяно съ ультиматумомъ—какъ считать отношенія между государствами. Отъ негуса послѣдовалъ тонкій отвѣтъ: по ходу событій—какъ вамъ угодно, и что если кто и можетъ считать себя обиженнымъ, то только Менеликъ, въ виду того, что король Италіи не удостоивалъ личными отвѣтами посылаемыхъ ему писемъ, а только черезъ Криспи давалъ неясныя уклончивыя объясненія, совсѣмъ не содержавшія отвѣта на постановленные вопросы.

Когда же въ отвѣтъ на это маіоръ Пьяно пригрозилъ разрывомъ и войною, Менеликъ отвѣчалъ, что если 17-й пунктъ договора останется по абиссинскому подлиннику—все уладится, если же нѣтъ, онъ согласенъ и на войну.

Тогда маіоръ Пьяно вернулся въ Римъ; отношенія между двумя странами прекратились и итальянцы, подъ командою генерала Баратіери, уже не стѣсняясь, стали расширять свои владѣнія на счетъ расъ-Мангаши.

Менеликъ, какъ искусный дипломатъ, обратилъ этотъ фактъ въ свою пользу. Онъ позволилъ до поры до времени хозяйничать Баратіери въ своей землѣ, достигая этимъ одновременно наказанія Мангаши за прежнее его неповиновеніе, ослабленія его силъ и возстановленія народонаселенія противъ иноземныхъ пришлецовъ.

Итальянцы въ свою очередь допустили громадную ошибку, громя Мангашу, и предпочтя пожинать дешевые лавры въ борьбѣ съ полувооруженными толпами тигрейцевъ дру-

гому, болѣе осмысленному и соотвѣтствовавшему обстановкѣ рѣшенію,—выпустить расъ-Мангаши на Менелика и обѣщать первому свою поддержку.

Между тѣмъ судьба не оставляла своего баловня Менелика, и въ маѣ мѣсяцѣ 1894 г. онъ съ радостью пожалъ плоды своей мудрой политики. Расъ-Мангаши, травимый безъ устали итальянцами, явился съ повинной къ негусу, въ сопровожденіи бывшаго своего опекуна, искуснаго генерала Іоанна расъ-Аллулы и большой свиты, съ подарками и податями. На шеѣ расъ-Мангаши былъ надѣтъ камень—знакъ покорности,—а въ рукахъ вторая скрижаль Моисея *), которую онъ передалъ Менелику, какъ законному ея владѣтелю, на что тотъ великодушно возвратилъ ее назадъ, приказавъ хранить въ прежнемъ мѣстѣ. Послѣ изъявленія покорности расъ-Мангашей, выступилъ впередъ расъ-Аллула и произнесъ Менелику слѣдующую рѣчь:

„Я совѣтовалъ этому юношѣ, чтобы онъ не являлся къ тебѣ съ повинной, но разъ это онъ сдѣлалъ и я признаю тебя императоромъ; я твой слуга, дѣлай со мною что хочешь, я остаюсь здѣсь и не возвращусь въ Тигре“.

Торжествующій Менеликъ отпустилъ съ миромъ и подарками расъ-Мангаши и его свиту обратно въ Тигре.

Вскорѣ послѣ этого событія произошла уступка имъ итальянцамъ сѣверной области Тигре—Околукзай, во главѣ которой находился расъ-Себатъ. Сдѣлано было это какъ въ видахъ боязни усиленія расъ-Себата и грозившей отъ этого опасности, такъ и въ видѣ уплаты землею за доставленіе Италіею во время голода 1890 года въ Тигре запасовъ хлѣба и зерна. Раздраженный этою сдѣлкою, расъ-Себатъ

---

*) Вторая скрижаль Моисея была вывезена изъ Іерусалима Менеликомъ, царемъ Эѳіопіи, сыномъ Израильскаго царя Соломона и царицы Савской. Эта послѣдняя дала ему имя Менеликъ, что означаетъ: «похожій на него», она подразумѣвала отца его, Соломона, который такъ очаровалъ ее своею мудростью. Скрижаль до того времени хранилась въ Аксумѣ.

тотчасъ же перешелъ на сторону итальянцевъ, которые начали уже свое вторженіе въ страну Менелика, объявивъ тѣмъ ему войну.

Въ концѣ 1894 года итальянцы распространили въ Эритреѣ слухъ, что расъ-Мангаши и расъ-Агосъ двигаются на ихъ владѣнія съ юга, и тогда Баратіери, утилизировавъ расъ-Себата, тотчасъ же съ 4,000 отрядомъ быстро двинулся къ Адуѣ и занялъ ее 28 декабря. Расъ-Агосъ отступилъ тогда въ Аксумъ, а Мангаши отошелъ къ Сенафе. 7 января итальянцы отступили отъ Адуи. Мангаши двинулся за ними, но 13 и 14 января 1895 года былъ разбитъ при Галай и Коати, послѣ чего опять отошелъ къ Сенафе. Здѣсь онъ подвергнулся нечаянному нападенію итальянцевъ и войска его разсѣялись въ разныя стороны, самъ же Мангаши, собравъ понемногу своихъ воиновъ, отступилъ къ озеру Атангѣ, перешелъ на сторону Баратіери и сдѣланъ былъ имъ начальникомъ итальянскихъ черныхъ войскъ. Въ сущности говоря, уступка земли была фиктивная, такъ какъ расъ-Мангаши былъ плѣнникомъ Менелика и поступокъ его являлся такимъ образомъ актомъ самоуправства, который въ силу соображеній, уже разсмотрѣнныхъ выше, былъ оставленъ негусомъ безъ послѣдствій и изъ него была извлечена лишь польза для императора.

Эти послѣдніе захваты были въ сущности демонстративнымъ отвѣтомъ на снаряженную географическимъ обществомъ ученую экспедицію Н. С. Леонтьева въ концѣ 1894 года, которая должна была прибыть въ Энтото, столицу Абиссиніи, въ мартѣ 1895 года.

Восьмая серебра.

ГЛАВА III.

Абиссинскія легенды о Россіи.—Пріѣздъ экспедиціи Н. С. Леонтьева.—Журнальная противъ нея война въ Италіи.—Происки итальянцевъ въ Эѳіопіи.—Встрѣча экспедиціи въ Джибути, Харрарѣ и Энтото.—Рѣшеніе Менелика.—Военный совѣтъ.—Планъ войны съ Италіей.

Абис. талеръ Маріи Терезіи.

Интересуясь всѣмъ происходящимъ въ Европѣ и желая открыть своему государству двери цивилизаціи, императоръ Менеликъ скорбѣлъ душой надъ попытками Италіи подчинить его страну своей власти съ одною лишь цѣлью—эксплуатировать въ свою пользу ея богатства.

Куда ни обращалъ онъ взоръ, онъ видѣлъ лишь агрессивныя стремленія разныхъ народностей, и лишь одна великая сѣверная держава—Россія—невольно внушала къ себѣ симпатіи негусу. Какъ ни странно, тѣмъ не менѣе абиссинцы почему-то всегда тяготѣли къ послѣдней; издавна сложились о ней цѣлыя легенды въ странѣ, имѣвшія болѣе или менѣе основаніе. Въ представленіи абиссинцевъ половина всего свѣта съ искони вѣковъ принадлежала Россіи, и могущество ея было до такой степени велико, что всѣ остальные народы всегда во всемъ слушались Рус-

скихъ Царей. Такъ, когда англичане заняли Эѳіопію,—Русскій Царь однимъ словомъ прекратилъ ихъ дальнѣйшіе захваты и заставилъ остановиться въ Магдалѣ, а потомъ и совсѣмъ уйти изъ страны. Затѣмъ, когда въ Іерусалимѣ началось избіеніе христіанъ и пришла русская эскадра, первый выстрѣлъ ея сразу сбилъ турецкій флагъ, и рѣзня тотчасъ же прекратилась, какъ по мановенію волшебнаго жезла...

Въ абиссинскихъ хроникахъ, очень подробно и тщательно ведущихся, сказано, что негусъ Ѳеодоръ предлагалъ Императору Николаю I союзъ и дѣлежъ всего міра пополамъ. Существуютъ также историческія данныя, гласящія, что одинъ изъ абиссинскихъ негусовъ предлагалъ Іоанну III предпринять совмѣстно крестовый походъ для завоеванія Іерусалима. Таковы легенды, имѣющія въ основѣ нѣкоторыя фактическія данныя и вовсе не обладающія ими. Такъ или иначе, но дѣло въ томъ, что Эѳіопія давно, скорѣе инстинктивно, чѣмъ отдавая себѣ должный отчетъ, тяготѣла къ Россіи.

Не трудно поэтому представить себѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ поджидалъ негусъ Менеликъ русскую экспедицію, этотъ давно желанный откликъ съ далекаго сѣвера, о скоромъ пріѣздѣ которой императоръ былъ увѣдомленъ изъ Джибути французскими властями.

Экспедиція наша состояла: изъ начальника Н. С. Леонтьева, архимандрита о. Ефрема, доктора А. В. Елисѣева, капитана Звягина, двухъ лицъ для спеціальныхъ занятій и наблюденій во время пути и нѣсколькихъ слугъ.

Встрѣча, сдѣланная французами экспедиціи въ Джибути, носила на себѣ торжественный и въ то же время сердечный характеръ. Весь городъ былъ украшенъ русскими и французскими флагами. Власти соперничали другъ съ другомъ въ любезностяхъ по отношенію къ начальнику экспедиціи и его сотоварищамъ, располагающія личныя качества и рѣдкій тактъ которыхъ были сразу всѣми оцѣнены по достоинству. Въ цѣляхъ же выраженія особыхъ симпатій своимъ гостямъ, властями было сдѣлано распоряженіе снять кандалы со всѣхъ

БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

Н. С. Леонтьевъ.

каторжныхъ на все время пребыванія экспедиціи въ Джибути. Вѣсть о русскихъ съ быстротою молніи пронеслась по пустынѣ вплоть до столицы негуса и вся Эѳіопія, находившаяся подъ обаяніемъ Россіи, ждала своихъ рѣдкихъ гостей, точно предчувствуя, что не однѣ же ученыя цѣли могли заставить ихъ желать болѣе близкаго знакомства съ отчасти родственною имъ по вѣрѣ землею въ далекой полуденной странѣ...

Лишь только русская экспедиція вступила на африканскую почву,—въ Италіи забили тревогу, во всѣхъ газетахъ возникла ожесточенная полемика о цѣляхъ и намѣреніяхъ экспедиціи, и высказывались различнаго рода догадки и соображенія. Во многихъ журналахъ прямо высказывалось мнѣніе, что пора положить конецъ русскимъ „ученымъ" предпріятіямъ въ Африкѣ, высказывалось и крайнее недовольство негусомъ Менеликомъ, который смѣлъ помимо Италіи изъявить свое согласіе на принятіе таковыхъ.

Какъ прямой отвѣтъ на посылку нашей экспедиціи, явилось оффиціальное повелѣніе генералу Баратіери сдѣлать демонстрацію по направленію къ Адуѣ, — причемъ прямо говорилось, что надобность въ таковой вызывается появленіемъ русской экспедиціи. Какъ широко понималъ генералъ Баратіери сущность демонстраціи, явствуетъ изъ фактовъ занятія Адиграта и Адуи, которыми и окончилось наступленіе итальянцевъ.

Видя въ появленіи Н. С. Леонтьева, архимандрита Ефрема и ихъ спутниковъ какъ бы посягательство на свою собственность и права, итальянцы, находившіеся въ Эѳіопіи, кромѣ прямыхъ демонстрацій, не пренебрегли и другими мѣрами. Такъ, былъ распущенъ слухъ между воинственными и алчными сомалійскими племенами (исса и гадабурси), что экспедиція везетъ съ собою много денегъ и драгоцѣнныхъ подарковъ негусу и его свитѣ. Сдѣлано это было съ цѣлью побудить туземцевъ напасть на караванъ и разграбить его. Кромѣ того, головы г. Леонтьева и архимандрита Ефрема были

оцѣнены, и путешественники не разъ замѣчали, что за ними внимательно слѣдили, и только присутствіе многочисленнаго конвоя и персонала слугъ, взятыхъ г. Леонтьевымъ (всего численностью до 120 ружей), удерживало въ почтительномъ отдаленіи охотившихся за ними сомалійскихъ дикарей. Особенно труденъ въ этомъ отношеніи былъ переходъ черезъ Данакильскую пустыню, гдѣ были принимаемы усиленныя мѣры охраны. До какой степени всѣ ожидали какой-нибудь бѣды съ путешественниками, свидѣтельствуетъ распространившійся передъ самымъ появленіемъ ихъ въ Харрарѣ слухъ, что вся экспедиція перерѣзана до единаго человѣка. Тѣмъ пріятнѣе было абиссинцамъ убѣдиться въ противномъ, и наши путники были приняты въ Харрарѣ съ рѣдкою торжественностью, по повелѣнію императора, расъ-Маконеномъ.

Въ пяти верстахъ отъ города Н. С. Леонтьевъ и его товарищи были встрѣчены громадною процессіею съ духовенствомъ и хоругвями во главѣ и толпами народа, а по сторонамъ дороги вплоть до Харрара стояли колѣнопреклоненныя войска.

Здѣсь экспедиція сразу завоевала себѣ симпатіи властей и народа, что въ связи съ престижемъ, присущимъ ей уже вслѣдствіе ея національности, подготовило г. Леонтьеву и его спутникамъ надежную почву для должнаго и желательнаго пріема повелителемъ страны. Дѣйствительно, встрѣча въ Энтото превзошла харрарскую. Предупредительность, вниманіе и гостепріимство абиссинцевъ положительно не поддавались описанію. Для экспедиціи былъ отведенъ особый домъ, съ разными угодьями. Негусъ Менеликъ, въ знакъ особаго расположенія къ пріѣзжимъ, помиловалъ на Страстной недѣлѣ трехъ преступниковъ, приговоренныхъ къ смертной казни за убійство. По абиссинскимъ обычаямъ, это былъ неслыханный фактъ, такъ какъ за смерть карали всегда смертью и право расправы съ виновными принадлежало по закону родственникамъ убитаго. Въ описываемомъ случаѣ негусъ какъ бы выкупилъ преступниковъ, щедро заплативъ

большія суммы семьямъ пострадавшихъ. Начальникъ экспедиціи роздалъ привезенные подарки, кресты и иконы абиссинцамъ, которые были приняты съ глубокимъ благоговѣніемъ. Онъ сразу пріобрѣлъ полное довѣріе императора, который не замедлилъ посвятить его въ сокровенныя свои мысли и планы, и вскорѣ Н. С. Леонтьевъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Менелика II.

Въ скоромъ времени послѣ пріѣзда экспедиціи до негуса дошелъ слухъ о пораженіи войскъ расъ-Мангаши, взятіи Адиграта и занятіи Адуи: императоръ Менеликъ пришелъ къ заключенію о необходимости выйти изъ пассивнаго положенія, въ которомъ онъ до сихъ поръ находился, въ виду неизбѣжности войны съ Италіей. Положеніе дѣлъ представлялось таковымъ: не заступиться за Тигре и предоставить тамъ хозяйничать итальянцамъ—для негуса Менелика значило бы окончательно уронить не только въ глазахъ враговъ, но и собственныхъ вассаловъ, свое императорское достоинство; въ то же время это давало право расъ-Мангаши не чувствовать себя болѣе зависимымъ отъ негуса и развязывало ему руки въ будущемъ; болѣе того—это могло заставить его передаться на сторону итальянцевъ, какъ болѣе сильныхъ, дабы при помощи ихъ добиваться впослѣдствіи императорской короны, правъ на которую фактически его лишилъ Менеликъ II. Такимъ образомъ, въ отвѣтъ на призывъ о помощи расъ-Мангаши являлся вопросъ: чѣмъ же ему помочь? Нѣсколько разъ еще ранѣе онъ просилъ оружія и патроновъ, но негусъ именно этого и не могъ ему дать, справедливо опасаясь, чтобы оказанная помощь не послужила впослѣдствіи во вредъ ему же самому, и данное имъ оружіе не было бы направлено противъ его же войскъ. И такъ, оставался другой единственно возможный родъ помощи: живою силою—войсками.

Когда Менеликъ окончательно остановился на рѣшеніи начать военныя дѣйствія противъ итальянцевъ, былъ вытребованъ изъ Харрара въ Энтото расъ-Маконенъ, какъ самый

талантливый абиссинскій генералъ, и въ началѣ марта 1895 года состоялся во дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ императора, совѣтъ, въ которомъ принялъ участіе и г. Леонтьевъ. Этимъ послѣднимъ былъ изложенъ присутствующимъ планъ операцій, веденныхъ въ 1812 году Россіей противъ коалиціи, разсказанъ ходъ нашей отечественной войны съ ея результатами, а также проведена возможная аналогія между тогдашнимъ положеніемъ Россіи и настоящимъ—Абиссиніи.

Всѣми участниками было признано заслуживающимъ вниманія предложеніе г. Леонтьева: составить планъ кампаніи по примѣру таковаго въ 1812 году.

Послѣ разнаго рода мелкихъ измѣненій и преній планъ войны съ итальянцами выразился въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: отступая долгое время передъ противникомъ, заманить его какъ можно далѣе вглубь страны, затѣмъ; не уклоняясь отъ рѣшительнаго удара, начать партизанскую войну мелкими отрядами, постоянно тревожа врага нечаянными нападеніями, преимущественно ночными, дабы парализовать его артиллерію; устраивать засады, принимать всевозможныя мѣры къ порчѣ путей сообщенія, колодцевъ и т. п., и наконецъ, когда непріятель будетъ въ достаточной мѣрѣ истощенъ и обезсиленъ—окружить его и нанести главный рѣшительный ударъ. Въ случаѣ же невозможности нанести ему полное пораженіе, рѣшено было, бросившись быстро впередъ, отступать далѣе, и переводя все населеніе со стадами и имуществомъ изъ Тигре въ богатую страну галасовъ, обратить первую въ пустыню, и устроить, такимъ образомъ, противъ Эритреи широкую, безлюдную зону.

Это рѣшеніе было возможно, конечно, только при неограниченной власти негуса, и оправдывалось тѣмъ, что Тигре не давало никакихъ доходовъ и кромѣ хлопотъ ничего не доставляло правительству. Наряду со всѣмъ этимъ, рѣшено было устроить нападеніе на тылъ итальянской арміи, дѣйствовать на ея операціонную линію и стараться окончательно отрѣзать отъ нея базы. Принято было также за правило не брать

укрѣпленій противника *), не атаковать его на занятыхъ имъ позиціяхъ, гдѣ превосходство оружія, а главное артиллеріи, давало бы итальянцамъ всѣ шансы на успѣхъ надъ ихъ противниками. Такимъ образомъ, мы видимъ, что планъ былъ цѣлесообразенъ по существу и представлялъ всѣ выгоды принявшей его абиссинской арміи. Благодаря этому способу веденія военныхъ дѣйствій, слабыя стороны абиссинскихъ войскъ въ значительной степени теряли свое значеніе. Такъ, ихъ иррегулярная организація уравнивалась съ регулярною итальянскою, благодаря партизанской войнѣ.

Плохое, сравнительно съ итальянскимъ, вооруженіе не такъ сильно сказывалось въ пересѣченной, горной мѣстности, исключавшей возможность пораженія съ дальнихъ разстояній. Артиллерія, — столь страшная въ началѣ для абиссинцевъ,—по той же причинѣ была значительно парализована въ своихъ дѣйствіяхъ. Наконецъ, на сторонѣ абиссинцевъ было полное знакомство со своею родною страною и привычка къ тяжелому, знойному климату, съ которымъ изнѣженнымъ итальянцамъ пришлось впослѣдствіи такъ много считаться. При столкновеніяхъ всего желательнѣе было для абиссинцевъ, какъ можно чаще сходиться „на штыкъ“ съ врагомъ. Негусъ выразился на совѣтѣ такъ: „я въ одномъ увѣренъ, что разъ мои люди доберутся до нихъ на разстояніе локтя, врядъ-ли что останется отъ ихъ сабель“.

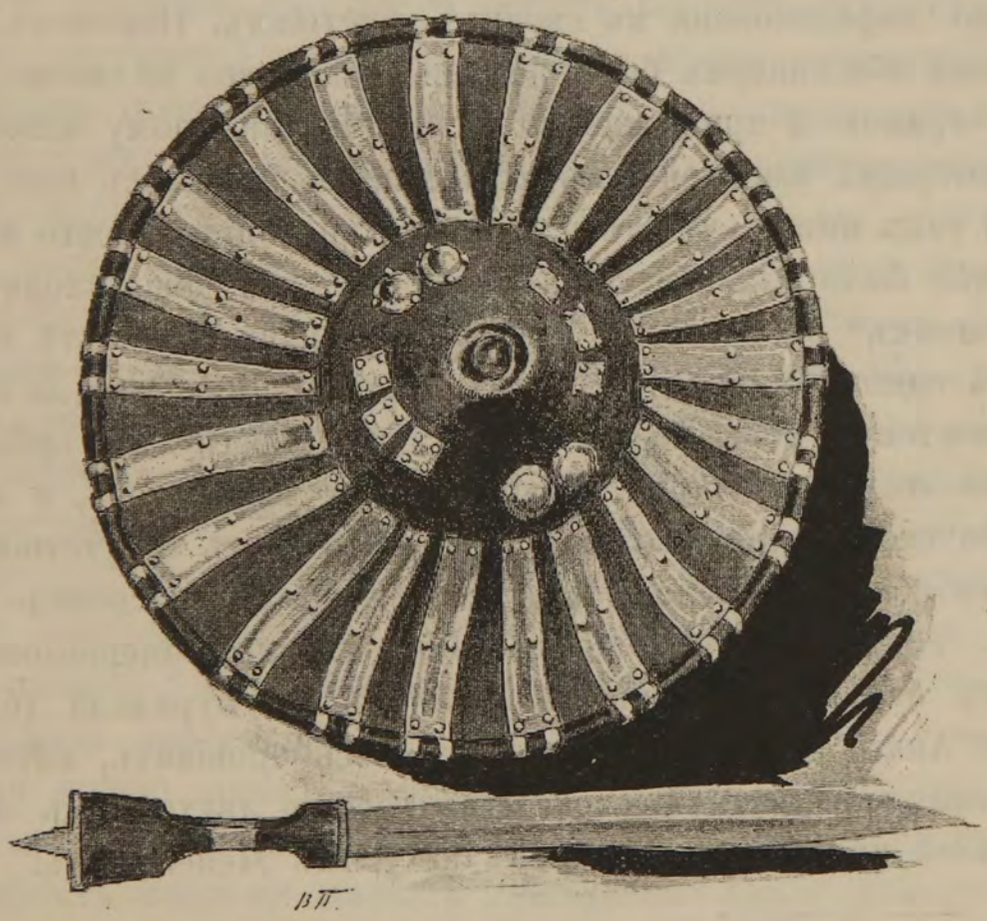
На этомъ же совѣтѣ было рѣшено выработать, и какъ можно скорѣе, продовольственный планъ, отъ отсутствія котораго абиссинцы очень страдали въ прежнихъ своихъ войнахъ. Тогда было рѣшено устроить главный операціонный базисъ будущихъ военныхъ дѣйствій въ Бурамеда (близь озера Аикъ), гдѣ и сосредоточить весь провіантъ, который въ разныхъ пунктахъ страны въ теченіи двухъ лѣтъ заготовлялся предусмотрительнымъ негусомъ Менеликомъ.

---

*) Какъ образно выражался г. Леонтьевъ, совѣтуя абиссинцамъ: не разбивать себѣ носовъ объ итальянскіе брустверы.

Кромѣ того, рѣшено было сдѣлать значительный заказъ ружей во Франціи, и какъ можно скорѣе, дабы провезти ихъ ранѣе начала войны и закрытія границъ.

Нужно замѣтить, что, какъ убѣдился г. Леонтьевъ, въ Эѳіопіи существовало передъ войной преувеличенное убѣжденіе въ превосходствѣ европейской организаціи, вселенное розсказнями о необыкновенномъ дѣйствіи ихъ оружія, какъ напримѣръ: будто одинъ артиллерійскій снарядъ убиваетъ сразу чуть-ли не цѣлые отряды; не мало наслышались они и о страшномъ дѣйствіи динамита и меленита, и только увѣренія въ преувеличенности всѣхъ этихъ фактовъ, а также надежды на неприспособленность европейскаго организма къ африканскимъ условіямъ войны придавали энергію абиссинцамъ для веденія труднаго дѣла.



Абиссинскій: щитъ и кинжалъ.

ГЛАВА IV.

Положеніе негуса Менелика относительно европейскихъ державъ и чрезвычайное посольство въ Россію.—Пребываніе его въ Петербургѣ.—Пріѣздъ въ Римъ генерала Баратіери.—Оваціи и пріемъ его правительствомъ и обществомъ.—Планъ войны итальянцевъ и ихъ силы въ Африкѣ.—Итальянскіе агенты и ихъ дѣятельность. — Инженеръ Капуччи и судъ надъ нимъ Менелика.

Абиссинскій талеръ.

Энергія Менелика въ борьбѣ съ Италіей не мало парализовалась тѣмъ положеніемъ, которое приняли противъ одинокой Абиссиніи великія европейскія державы, когда императоръ обратился къ нимъ съ протестомъ противъ дѣйствій итальянцевъ. Отвѣтомъ Англіи былъ совѣтъ стараться оставаться въ согласіи съ Италіей; Германія посовѣтовала то же самое, и кромѣ того, приказала своему консулу въ Аденѣ не принимать писемъ изъ Эѳіопіи, рекомендовавъ негусу вести съ нею всѣ сношенія черезъ Италію, причемъ въ письмѣ его именовали: *Votre altesse*. Положеніе негуса было таково, что онъ не могъ поручиться, что въ одинъ прекрасный день участь его государства не можетъ быть рѣшена въ кабинетѣ какого-нибудь европейскаго дипломата, безъ всякаго вѣдома съ его стороны.

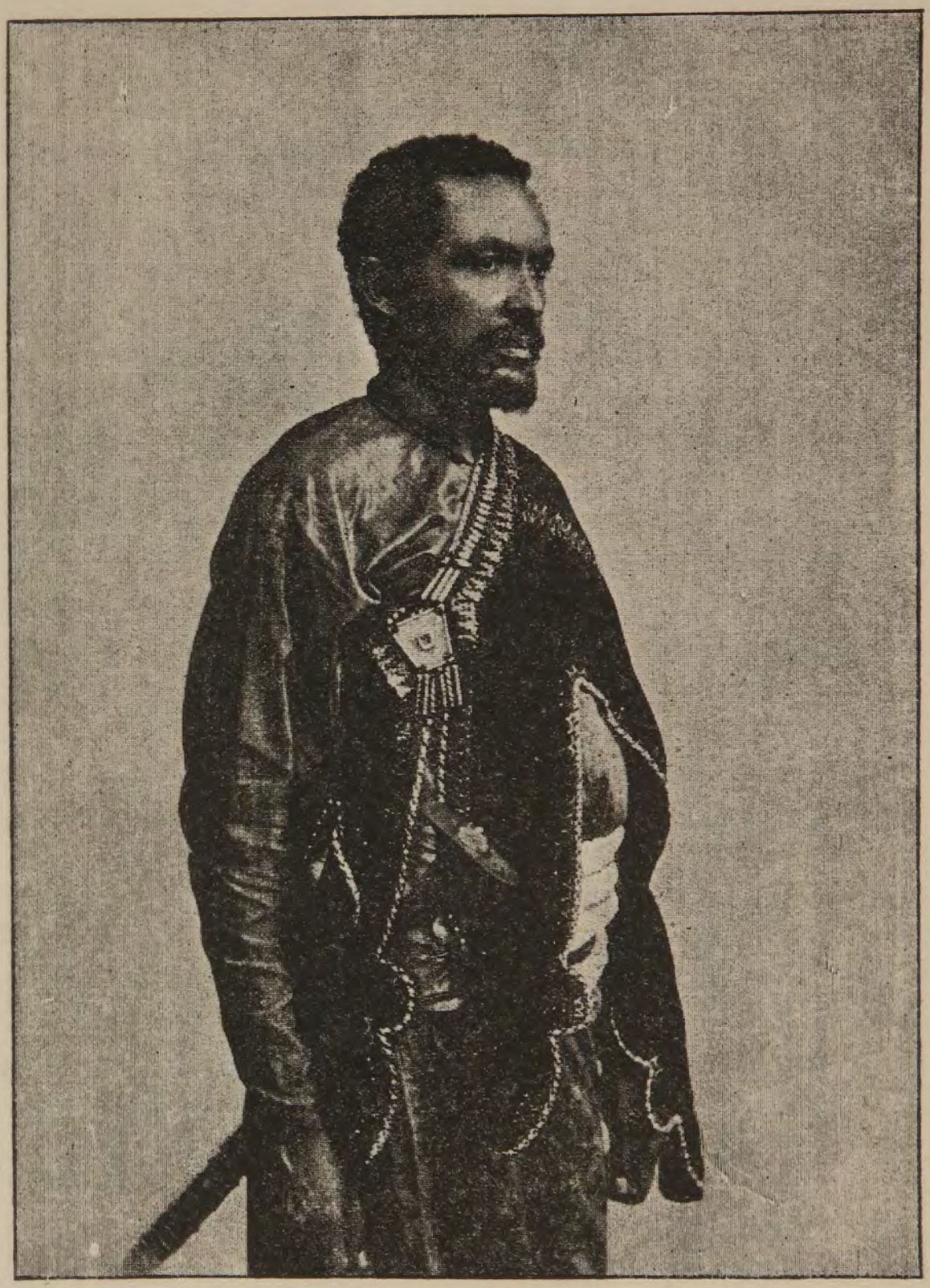
Такимъ образомъ, нравственная поддержка являлась необходимою для Менелика II въ его трудномъ положеніи, и нужна была вѣрная гарантія въ томъ, что когда онъ будетъ занятъ войною за цѣлость своей страны, эта послѣдняя не исчезнетъ съ карты дипломатическимъ путемъ.

Вполнѣ поэтому естественно, что взоры его обратились къ Россіи, и негусъ рѣшился снарядить туда посольство, которое поручено было Н. С. Леонтьеву, дабы руководить его членовъ въ новой для нихъ обстановкѣ. Цѣлью миссіи было: во-первыхъ, возложеніе вѣнка на могилу Царя-Миротворца, перваго изъ русскихъ Императоровъ, вспомнившаго объ Абиссиніи и написавшаго любезное письмо негусу, отправленное съ путешественникомъ поручикомъ В. Ф. Машковымъ въ 1891 году; во-вторыхъ, Менелику II желательно было во-очію убѣдиться въ расположеніи Россіи и въ основательности надеждъ на ея моральную поддержку.

Составъ чрезвычайнаго посольства въ Россію былъ слѣдующій:

Чрезвычайный посолъ принцъ Дамто, двоюродный братъ негуса, епископъ Харрарскій Габро Экзіавіеръ, кавалерійскій генералъ Генемье и принцъ Белякіо, племянникъ негуса, Ато-Іосифъ, секретарь негуса, два офицера, два оруженосца и Н. С. Леонтьевъ, оффиціально сопровождавшій посольство и уполномоченный руководить его дѣйствіями.

Присутствіе въ миссіи епископа Харрарскаго было вызвано, во-первыхъ, сходствомъ религій двухъ государствъ, а также являлось отвѣтомъ на пріѣздъ съ нашею экспедиціей архимандрита о. Ефрема, къ слову сказать, умѣвшаго своимъ тактомъ разсѣять искони сложившееся среди абиссинцевъ предупрежденіе противъ европейскихъ духовныхъ лицъ. Дѣйствительно, эти послѣдніе являлись въ Эѳіопію, которая отъ Европы требовала въ мирное время мастеровъ, а въ военное оружіе,—въ роли какихъ-то духовныхъ ревизоровъ, всюду мѣшавшихся и контролировавшихъ народную совѣсть; поэтому полное невмѣшательство о. Ефрема въ какія



Принцъ Дамто, бывшій чрезвычайный посолъ въ Петербургѣ, убитый въ сраженіи подъ Адуей.

бы то ни было дѣла и братское отношеніе къ эѳіопскому духовенству явились очень симпатичнымъ факторомъ въ глазахъ абиссинцевъ.

Прибывъ въ Петербургъ, эѳіопское посольство послѣ двухъ-мѣсячнаго безпрерывнаго, тяжелаго путешествія, прямо съ вокзала отправилось въ полномъ составѣ въ Петропавловскій соборъ, для панихиды и возложенія вѣнка на могилу Императора Александра III. Этимъ актомъ миссія сразу завоевала себѣ всѣ симпатіи русскаго общества, которыя, при болѣе близкомъ его знакомствѣ съ невиданными дотолѣ представителями единовѣрческаго народа, возростали все болѣе и болѣе, особенно послѣ выказанной абиссинцами рѣдкой набожности и религіозности при посѣщеніи ими столичныхъ церквей и монастырей. Пріемъ, сдѣланный въ столицѣ Россіи посольству, былъ великолѣпенъ. Какъ правительство, такъ и общество всячески старались обласкать ихъ и съ чисто русскимъ гостепріимствомъ все время относились къ своимъ рѣдкимъ гостямъ. Можно прямо сказать, что ни одно посольство не пользовалось еще въ Россіи такою популярностью, какъ эѳіопское: въ помѣщеніе его ежедневно доставлялись со всѣхъ сторонъ письма съ выраженіями симпатій, въ громадномъ количествѣ цвѣты и подарки. На систематически поднятую во всѣхъ итальянскихъ газетахъ кампанію противъ абиссинской миссіи, съ цѣлью ея дискредитированія въ глазахъ Россіи, не было обращено никакого вниманія. Послѣ сорока-дневнаго пребыванія въ Петербургѣ, посольство въ сопровожденіи г. Леонтьева вернулось къ себѣ домой, гдѣ его нетерпѣливо ожидалъ Менеликъ, которому, по возвращеніи, всѣ съ восторгомъ передали подробности рѣдкаго пріема, который поразилъ ихъ не столько своею грандіозностью и великолѣпіемъ, къ чему они уже заранѣе были подготовлены, сколько своею задушевностью, проявленною какъ высшими сферами, такъ и народомъ. Такимъ образомъ, вопросъ, отъ котораго зависѣлъ дальнѣйшій образъ дѣйствій, разрѣшился очень счастливо: свѣдѣнія, полученныя негусомъ, превзошли

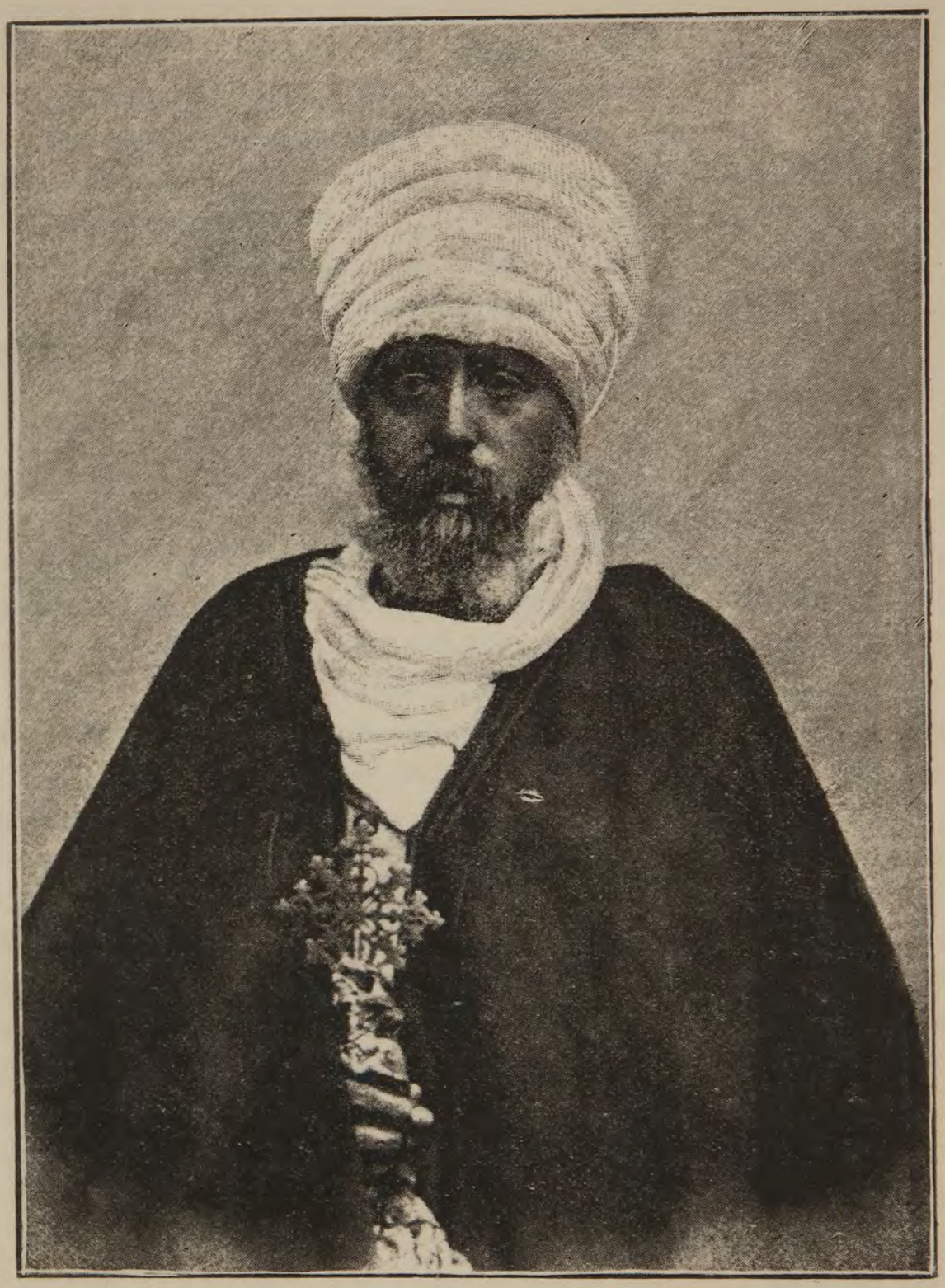
всѣ его ожиданія,—самостоятельность его была признана державою, мнѣніе которой ему было такъ дорого, и онъ съ полною энергіей принялся за распоряженія къ походу противъ итальянцевъ, которые уже шли на Менелика. Всѣмъ вышеописаннымъ вполнѣ объясняются тотъ подъемъ духа, та жизненность, которыя въ такой высокой степени были проявлены абиссинцами и ихъ достойнымъ вождемъ въ послѣдней ихъ побѣдоносной кампаніи.

Какъ разъ съ появленіемъ эѳіопскаго посольства въ Петербургѣ совпадалъ пріѣздъ въ Римъ генерала Баратіери, и стѣны этого древняго города узрѣли встрѣчу, достойную Цезаря. Побѣдитель толпъ плохо вооруженныхъ тигрейцевъ былъ принятъ въ роли тріумфатора; еще по пути итальянскія колоніи, а затѣмъ и страна сооружали ему пышныя встрѣчи, забрасывали цвѣтами, устраивали въ честь его праздники и иллюминаціи. Король Гумбертъ горячо благодарилъ генерала; Криспи облобызалъ достойнаго защитника интересовъ и величія Италіи.

Сенаторы и депутаты въ большомъ числѣ собрались на вокзалѣ желѣзной дороги встрѣтить генерала Баратіери. Всѣ военные агенты иностранныхъ державъ явились къ нему съ визитомъ. Но особенно блестящъ былъ пріемъ въ палатѣ депутатовъ 26 іюля, куда генералъ Баратіери явился, какъ недавно выбранный депутатъ округа Брено провинціи Бресчіа, съ цѣлью принять присягу. Вся палата встрѣтила его, стоя и съ громомъ апплодисментовъ, не исключая и крайней лѣвой *l'estrema sinistra* — всегдашней ярой противницы африканской политики. Президентъ Вилли горячо обнялъ генерала и отъ имени палаты преклонился передъ Баратіери.

Опьяненный успѣхомъ, Баратіери вездѣ повторялъ одно и то же: „Откройте мнѣ кредитъ, дайте еще два баталіона берсальеровъ и мортирную батарею—и я ручаюсь, что привезу Менелика въ клѣткѣ въ Римъ!“

По мнѣнію Баратіери, чтобы стереть съ лица земли не-



Габро Экзіавіеръ епископъ Харрарскій

гуса, достаточно было 10,000 итальянцевъ, 8,000 горныхъ войскъ и кредитъ на экспедицію въ 10 милліоновъ лиръ, такъ какъ кампанія, по его мнѣнію, не должна была протянуться болѣе трехъ, четырехъ мѣсяцевъ.

До какой степени было велико, въ сущности весьма непонятное, озлобленіе въ Италіи на „непокорнаго“ негуса Эѳіопіи, свидѣтельствуетъ подлинная фраза министра иностранныхъ дѣлъ Блана въ парламентѣ, въ рѣчи его объ абиссинскихъ дѣлахъ: „Надо наконецъ раздавить змѣю Менелика“.

Послѣдующія событія показали, какъ жестоко ошибался генералъ Баратіери, какъ мало зналъ онъ своихъ противниковъ, почему конечно и не могъ предвидѣть, насколько позорнымъ и унизительнымъ для него будетъ его вторичное возвращеніе изъ Эѳіопіи. Итальянскій генералъ явился живымъ примѣромъ положенія, что чѣмъ выше человѣкъ поднимается, тѣмъ ниже ему приходится падать.

Между тѣмъ, преждевременно ликующая Италія совсѣмъ не была оріентирована относительно своихъ враговъ. Не только общество, но и генералы, поставленные во главѣ колоніальныхъ войскъ, не имѣли должнаго представленія ни о характерѣ и качествахъ абиссинцевъ, ни объ ихъ силахъ и намѣреніяхъ. Имъ казалось, что они имѣли дѣло лишь съ толпами плохо вооруженныхъ варваровъ, которые въ смятеніи побѣгутъ передъ первымъ появленіемъ правильныхъ линій итальянскихъ мундировъ. До какой степени доходила увѣренность въ успѣхѣ и небрежность въ отношеніи къ веденію операцій, характеристичнымъ является фактъ, что итальянское правительство довѣрилось донесеніямъ изъ Африки своихъ агентовъ, увѣрявшихъ, что для того, чтобы справиться съ абиссинцами, достаточно будетъ 12,000 отряда.

Разсмотрѣвъ планъ абиссинцевъ, мы видѣли его полную цѣлесообразность и соотвѣтствіе требованіямъ обстановки, характеру войны и свойствамъ противника. Прежде чѣмъ

разсмотрѣть, въ чемъ заключался планъ итальянцевъ и на какихъ стратегическихъ данныхъ онъ основывался, взглянемъ сначала на обстановку, въ которой находился Баратіери. Прежде всего, генералъ былъ почему-то убѣжденъ, что послѣ урока, даннаго имъ расъ-Мангаши, негусъ не рѣшится предпринять что-либо противъ итальянцевъ. Баратіери тѣмъ болѣе былъ убѣжденъ въ вѣрности своего мнѣнія, что до него дошли положительные слухи о желаніи расовъ отложиться отъ Менелика, чѣмъ онъ впослѣдствіи и думалъ воспользоваться. Кромѣ того, до него достигли извѣстія, во-первыхъ, что императрица Таиту горячо желаетъ мира, и во-вторыхъ, что самый храбрый и обладающій бо̀льшимъ числомъ войскъ расъ-Маконенъ распустилъ таковыя.

Баратіери былъ убѣжденъ, что съ плѣненіемъ самаго безпокойнаго расъ-Мангаши и нѣкоторыхъ другихъ и съ привлеченіемъ на свою сторону остальныхъ, въ странѣ будетъ возстановлено безусловное спокойствіе. Однимъ словомъ, война съ Абиссиніей представлялась очень легкимъ предпріятіемъ. При составленіи плана кампаніи (если только таковой былъ у итальянцевъ) заботились только о томъ, какъ бы болѣе захватить пространства въ свои руки. Конечная же идея операцій въ Абиссиніи заключалась въ томъ, чтобы разгромить Менелика, свергнуть его съ престола и раздѣлить всю страну на малыя данническія, зависимыя отъ Италіи, племена. Сначала предполагалось вовлечь въ дѣло и Англію, которая черезъ Зейлу должна была послать войска въ помощь итальянцамъ, но Британія уклонилась отъ этого предложенія. Главнымъ базисомъ итальянцевъ, конечно, явилась Массова, а промежуточными—Адуя и Адигратъ; соединенные между собою горнымъ хребтомъ, они вмѣстѣ съ нимъ образовали хорошую стратегическую позицію. Оба фланговые пункта позиціи были сильно укрѣплены, снабжены, хотя и не въ достаточной мѣрѣ, продовольствіемъ и большимъ числомъ боевыхъ запасовъ. Между ними по хребту была устроена оборонительная линія. Недостаткомъ операціоннаго базиса

являлась сильно пересѣченная мѣстность съ мало разработанными путями сообщенія. Силы итальянцевъ къ началу военныхъ дѣйствій представлялись въ слѣдующемъ видѣ: 16 января 1895 года изъ Неаполя былъ посланъ одинъ батальонъ, 30 января 2 батальона, 14 января 36 офицеровъ, 14 саперъ, 1,000 ружей, 2,000 шрапнелей, 600 ракетъ, 4,000 штукъ шанцеваго инструмента, 200,000 земляныхъ мѣшковъ и изъ Бомбея 100 лошадей. Кромѣ этихъ вновь прибывшихъ частей у генерала Баратіери были: батальонъ итальянскихъ войскъ, 8 регулярныхъ батальоновъ черныхъ войскъ (изъ аббисинцевъ) по 1,200 человѣкъ въ каждомъ, 8 ротъ туземной милиціи, по 200 чел. въ каждой, сформированныхъ генераломъ Баратіери въ началѣ 1895 года, когда онъ было отказался отъ присылки подкрѣпленій изъ Италіи; 4 банды изъ мѣстныхъ жителей, по 600 человѣкъ въ каждой, 12 артиллерійскихъ горныхъ батарей и нѣсколько незначительныхъ отрядовъ кавалеріи, два піонерныхъ парка. Все это давало въ суммѣ отъ 18,000 до 20,000 войскъ.

Уже съ самыхъ первыхъ шаговъ кампаніи изъ легкомысленнаго движенія въ глубь страны, на шестьсотъ верстъ отъ базы, безъ всякаго обезпеченія своей операціонной линіи, видно, что борьбу съ своими врагами итальянцы считали пустякомъ, и что или плана кампаніи совсѣмъ не было, или онъ основывался на иныхъ данныхъ, чѣмъ тѣ, которыя могли быть преподаны тактикою и стратегіею. Вотъ на это въ бумагахъ г. Леонтьева и нашлись весьма цѣнныя указанія, ясно освѣтившія образъ дѣйствій итальянцевъ и показавшія, на чемъ основывали они успѣхъ войны съ Эѳіопіей. Главнымъ орудіемъ въ подготовленіи себѣ легкой побѣды надъ врагами явилась надежда, что расы отложатся отъ Менелика и тѣмъ облегчатъ борьбу. Заведены были тайные переговоры съ королемъ годжамскимъ Теклейманотомъ, расъ-Маконеномъ и султаномъ аусскимъ, дабы

склонить ихъ передаться на сторону Италіи и помочь ей въ низложеніи негуса съ престола.

Для этой цѣли, одновременно съ поѣздкою генерала Баратіери въ Римъ, былъ командированъ въ Ауссу капитанъ Персико, который, передавъ султану привезенныя имъ ружья и деньги, потребовалъ снаряженія 20,000 отряда данакильцевъ; они должны были присоединиться къ отдѣльному экспедиціонному итальянскому отряду, отправленному на портъ Ассабъ; на этотъ отрядъ возлагалось веденіе военныхъ операцій на востокѣ страны, въ то время какъ главный ударъ итальянцевъ направлялся съ сѣвера на югъ; словомъ, имѣлось въ виду вести войну одновременно на два фронта.

Сверхъ того, капитанъ Персико долженъ былъ затребовать отъ султана Ауссы верблюдовъ для вышеуказаннаго отряда.

Султанъ принялъ ружья и обѣщалъ итальянскому агенту свое полное содѣйствіе, но тотчасъ же по его отъѣздѣ въ подробностяхъ сообщилъ Менелику о сдѣланномъ ему предложеніи и переслалъ ему полученныя отъ итальянцевъ ружья.

Но нельзя утверждать, чтобы все это онъ сдѣлалъ вполнѣ искренно и добровольно, скорѣе можно предположить, что султанъ вынужденъ былъ къ этому вѣстью, что обо всемъ происшедшемъ негусъ уже поставленъ въ извѣстность. Тогда, испугавшись его гнѣва, онъ не только поспѣшилъ сдѣлать обо всемъ подробное донесеніе императору, но и принесъ ему изъявленія своей полной покорности, предложивъ въ видѣ заложниковъ своихъ сыновей. Но, какъ и всегда, Меноликъ, не любившій сразу принимать крутыя мѣры, отклонилъ это предложеніе.

Порученіе склонить къ измѣнѣ харрарскаго короля было возложено на итальянскаго агента въ Харрарѣ, г. Фельтера, который не замедлилъ по этому поводу завести оживленные переговоры съ расъ-Маконеномъ; сей послѣдній, въ свою

Принцъ Белякіо, убитый въ сраженіи подъ Адуей.

очередь, послѣ каждаго сеанса съ г. Фельтеромъ, тотчасъ же извѣщалъ обо всемъ Менелика для полученія дальнѣйшихъ инструкцій по этому дѣлу. Отвѣтъ слѣдовалъ всегда такой: „Продолжайте въ томъ же духѣ“, и предписывалось, какъ можно дальше завлечь Фельтера въ его игрѣ, дабы этимъ, что называется, отвести глаза итальянскому правительству.

До какой степени непродуманно и наивно велось дѣло г. Фельтеромъ, явствуетъ уже изъ самаго его обращенія къ расъ-Маконену, ярому приверженцу Менелика, неоднократно доказывавшему ему свою преданность.

Король годжамскій Теклейманотъ получилъ предложеніе въ томъ же духѣ, но мудрый Менеликъ, хорошо знавшій характеръ своихъ вассаловъ и зорко за ними слѣдившій, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ на что-либо рѣшиться, послалъ ему сказать: „Я горюю не о тебѣ, но жаль мнѣ твоей страны, въ которой такъ много церквей и которую, кажется, придется скоро обратить въ пепелъ“. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы вставить Теклейманота въ вѣрноподданническія рамки и отнять у него охоту къ какимъ бы то ни было замысламъ. Такимъ образомъ мы видимъ, какъ тонко изучилъ Менеликъ характеръ своихъ вассаловъ, сообразно которому и примѣнялъ тѣ или другія средства.

Кромѣ того, зная о присутствіи итальянскихъ агентовъ и ихъ цѣляхъ, абиссинцы съумѣли держать ихъ въ такомъ полномъ неведеніи относительно ихъ плановъ, силъ и средствъ, что какъ и Фельтеръ, такъ и Капуччи давали однородныя донесенія, смыслъ которыхъ сводился къ тому, что, какъ упомянуто было выше, по ихъ глубокому убѣжденію, Эѳіопію можно было завоевать съ 12,000 человѣкъ.

И такъ, всѣ почти попытки подкупить вассаловъ Менелика потерпѣли полную неудачу. Мы сказали почти, такъ какъ все-таки одного изъ нихъ, Уакшима Буру, правителя

Сокоты, удалось склонить къ намѣренію отложиться отъ негуса, но при всемъ осторожномъ веденіи переговоровъ, счастливый случай и тутъ помогъ Менелику открыть измѣну. Тогда, двинувшись въ походъ на итальянцевъ, онъ приказалъ Уакшиму явиться къ нему по дорогѣ въ Уоло, и когда послѣдній это исполнилъ, то былъ тотчасъ же схваченъ, закованъ въ цѣпи и сосланъ на заключеніе въ крѣпость Авкру, а на мѣсто измѣнника Менеликъ возвелъ его сына Гуангуля. Во всякомъ случаѣ этотъ инцидентъ не имѣлъ особаго значенія на общій ходъ событій, и если интересенъ, то только въ томъ отношеніи, какимъ образомъ удалось открыть заговоръ, и какъ попался при этомъ итальянскій инженеръ Капуччи. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ все это произошло. Капуччи шифровалъ свои донесенія, а для благополучнаго доставленія ихъ въ Зейлу (портъ противъ Адена) отправлялъ ихъ въ выдолбленной палкѣ, которую давалъ въ руки прокаженному, дабы этимъ вполнѣ гарантировать бумаги отъ всякаго соприкосновенія. За доставленіе документовъ прокаженный получалъ въ задатокъ 50 талеровъ, а по успѣшномъ окончаніи порученія—100. Случилось, что какъ-то въ дорогѣ прокаженный, съ кѣмъ-то подравшись, обломалъ объ него трость, изъ которой выпали бумаги. Мѣсто ихъ нахожденія поневолѣ навело присутствующихъ на мысль о какомъ-то ихъ таинственномъ значеніи, и черезъ нѣсколько дней онѣ были въ рукахъ у негуса, которому съ помощью находившихся при немъ европейцевъ удалось найти ключъ и прочитать документы; они оказались самаго компрометирующаго свойства для правителя Сокоты и въ то же время, къ великому удивленію Менелика, принадлежавшими перу пользовавшагося его большимъ довѣріемъ и расположеніемъ итальянца Капуччи, лейбъ-инженера Менелика.

Въ это время, какъ разъ, негусу пришлось предпринять путешествіе въ село Гордома, гдѣ императоръ лично наблюдалъ за постройкой церкви. Прибывъ туда, Менеликъ от-

Ато-Іосифъ, секретарь негуса Менелика.

дѣльными повѣстками вытребовалъ всѣхъ находившихся при дворѣ его европейцевъ, какъ-то: Шефнефа, Мондона, Савуре, Дюбуа и, конечно, Капуччи, который явился чуть-ли не раньше всѣхъ, увѣренный, что его вызываютъ вслѣдствіе особаго расположенія негуса, для какого-нибудь важнаго порученія и заказа, въ виду надвигающейся военной грозы.

Когда всѣ собрались, уже нѣсколько недоумѣвая объ этомъ общемъ появленіи всѣхъ бѣлолицыхъ придворныхъ императора, Менеликъ, выйдя съ письмомъ въ рукѣ, обратился къ нимъ со слѣдующими словами:

— Господа, я нашелъ письмо, но не знаю его содержаніе. Не можете-ли вы мнѣ сказать, кто его написалъ.

Окружившіе негуса французы одинъ за другимъ заявили, что не были авторами этого посланія. Послѣднимъ подошелъ блѣдчый, какъ смерть, итальянецъ Капуччи и глухимъ, нетвердымъ голосомъ произнесъ:

— Это мое письмо.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Менеликъ,—прочти намъ его вслухъ.

— Я не могу этого сдѣлать, еще болѣе теряясь, проговорилъ Капуччи.

— Но почему же? настаивалъ негусъ.

— Здѣсь заключаются мои коммерческія тайны, и у насъ въ Европѣ считается безчестнымъ разглашать ихъ, видимо собравшись съ мыслями, отвѣтилъ итальянецъ.

— Ну, такъ я самъ тебѣ прочту его, тихимъ и спокойнымъ голосомъ произнесъ Менеликъ и, вынувъ изъ кармана абиссинскій переводъ шифрованнаго письма, громко прочелъ его всѣмъ присутствующимъ.

Впечатлѣніе его было громадное, и всѣ ждали, что скажетъ на это Капуччи.

Тотъ, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, началъ несвязно оправдываться, что это подложный переводъ и что французы хотѣли погубить его изъ злобы на его близость къ Менелику, и продолжалъ клясться, что кромѣ коммерческихъ

секретовъ въ письмѣ ничего не было, но Менеликъ прервалъ его несвязный лепетъ уже строгимъ восклицаніемъ:

— Довольно! Коммерческихъ тайнъ въ палкахъ не носятъ.

— Господа, продолжалъ онъ, обратясь ко всѣмъ,—вы находитесь въ присутствіи обличеннаго шпіона, котораго я пригрѣлъ, одарилъ, приблизилъ къ себѣ; вотъ чѣмъ онъ отплатилъ. Рѣшайте теперь сами, какъ за такой поступокъ надлежитъ наказать по вашимъ, европейскимъ законамъ.

Каждый по очереди отвѣчалъ, что Капуччи слѣдуетъ повѣсить. Остроумный Мондонъ замѣтилъ, что шпіоновъ вѣшаютъ тамъ, гдѣ ихъ находятъ. Прошло нѣсколько секундъ молчанія, которыя должны были вѣчностью показаться для обвиненнаго. Негусъ произнесъ:

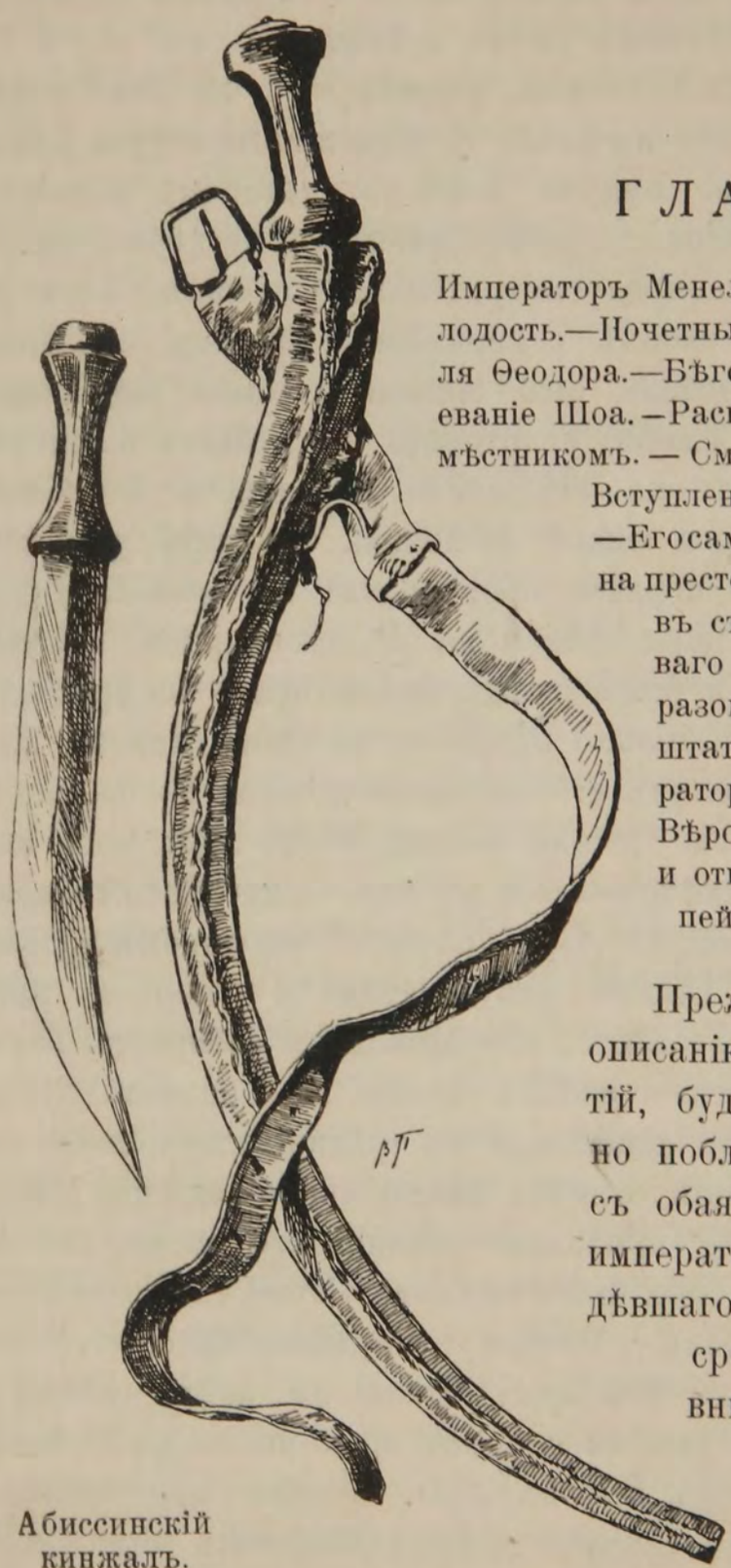
— Ну, а я его повѣсить не желаю, но сдѣлаю его по крайней мѣрѣ безвреднымъ для себя—и Менеликъ далъ знакъ своимъ воинамъ схватить итальянца.

Капуччи немедленно подъ сильнымъ конвоемъ былъ отправленъ на заключеніе въ крѣпость „Тамо“.

Какъ вящая характеристика благородства Менелика, является тотъ фактъ, что имъ строго приказано было оставить безъ всякаго преслѣдованія семью Капуччи, которая по абиссинскимъ законамъ должна была нести кару вмѣстѣ съ ея виновнымъ главою *).

Четверть серебра.

*) Интересно также слѣдующее обстоятельство, выражающее преданность абиссинцевъ тѣмъ, кому они служатъ; когда отъ слуги Капуччи потребовали, чтобы онъ указалъ, гдѣ спрятанъ шифръ, онъ отвѣтилъ: «сейчасъ», вышелъ въ другую комнату и пустилъ себѣ пулю въ сердце изъ револьвера своего господина.



Абиссинскій кинжалъ.

Абиссинская сабля «Шошаль».

ГЛАВА V.

Императоръ Менеликъ.—Ранняя его молодость.—Почетный его плѣнъ у короля Θеодора.—Бѣгство Менелика и завоеваніе Шоа.—Расправа съ своимъ предмѣстникомъ. — Смерть царя Θеодора. — Вступленіе на престолъ Іоанна. —Его самоубійство.—Менеликъ на престолѣ Эθіопіи.—Реформы въ странѣ.—Характеръ новаго государя. — Его образованіе. — Придворный штатъ.--Рабочій день императора.—Его резиденція.—Вѣротерпимость Менелика и отношеніе его къ европейскимъ новшествамъ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, будетъ вполнѣ умѣстно поближе познакомиться съ обаятельною личностью императора Менелика, завладѣвшаго въ столь короткій срокъ уваженіемъ и вниманіемъ всего образованнаго міра. Не смотря на усилія его враговъ изо-

бразить Менелика варваромъ, онъ предсталъ передъ цѣлымъ свѣтомъ въ образѣ рыцаря безъ страха и упрека, съ высокими понятіями о чести, благородствѣ и гуманности и недюжинными политическимъ умомъ и тактомъ.

Ранняя молодость Менелика, родившагося въ 1845 году, протекла такъ сказать въ плѣну у тогдашняго негуса Абиссиніи царя Өеодора. Будучи самъ узурпаторомъ и завладѣвъ престоломъ Эөіопіи послѣ борьбы съ негусомъ расъ-Али, Өеодоръ сталъ предусмотрительно устранять возможныхъ въ будущемъ своихъ соперниковъ. Однимъ изъ наиболѣе опасныхъ считалъ онъ Менелика, сына шоанскаго короля Ато-Гаэлю-Селасіэ, у котораго онъ отнялъ шоанскій престолъ и посадилъ на его мѣсто мердазмеча Безабеха. Опасность со стороны юнаго Менелика Өеодоръ усматривалъ въ томъ, что первый происходилъ по прямой линіи отъ израильскаго царя Соломона и легендарной царицы Савской, а потому и болѣе всѣхъ имѣлъ правъ на престолъ Эөіопіи. Дабы окончательно привлечь на свою сторону Менелика, Өеодоръ женилъ его на своей дочери. Но энергичный, свободолюбивый юноша только до 19 лѣтъ могъ вынести свою почетную неволю и въ одинъ прекрасный день исчезъ изъ дворца негуса. Предпринятые Өеодоромъ поиски не привели ни къ какимъ результатамъ и вскорѣ до правителя Эөіопіи дошла вѣсть, что Менеликъ собираетъ рать, дабы оружіемъ добиться своихъ правъ на престолъ Шоа. Нужно замѣтить, что абиссинцы по традиціямъ своимъ—легитимисты. Въ Эөіопіи отлично знали происхожденіе Менелика и что особенно придавало обаяніе его имени, это то обстоятельство, что онъ былъ внукомъ Саре-Селасіэ—Петра Великаго абиссинцевъ. Поэтому неудивительно, что по первому призыву къ Менелику стали со всѣхъ сторонъ стекаться воины, и онъ въ скоромъ времени, собравъ большую рать, двинулся съ нею въ Шоа. Безабехъ приготовился дать отпоръ и также собралъ войска; Менеликъ было пріостановился въ своемъ наступленіи, но перебѣжчики изъ

непріятельскаго стана убѣдили его атаковать войска Безабеха, утверждая, что въ рядахъ ихъ рѣшено не стрѣлять въ воиновъ Менелика. Дѣйствительно, произошло только примѣрное сраженіе и когда Безабехъ увидѣлъ, что воины его стрѣляютъ въ воздухъ, онъ убѣдился, что дѣло его проиграно и поспѣшилъ отречься отъ своего сана и уступить всѣ права Менелику. Этотъ послѣдній, по свойству своего характера никогда не принимавшій сразу крутыхъ мѣръ, на первыхъ порахъ не только не наказалъ своего врага Безабеха, но даже оставилъ его генералъ-губернаторомъ одной изъ областей. Прошелъ годъ. У Менелика былъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовалъ Безабехъ. Когда стали подавать блюда, одна изъ кухарокъ быстрымъ движеніемъ вылила соусъ съ перцемъ на голову бывшаго правителя Шоа; это было какъ бы сигналомъ, по которому его тотчасъ же схватили, увели и разстрѣляли. Здѣсь нужно замѣтить, что это единственный фактъ, который говоритъ какъ бы не въ пользу Менелика, но если принять во вниманіе ту опасность, которую представлялъ для него бывшій его предшественникъ станетъ понятно, почему отъ него Менеликъ хотѣлъ отдѣлаться. Царь Ѳеодоръ не могъ наказать ослушника его воли, потому что началъ войну съ англичанами, и осажденный ими въ 1868 году въ столицѣ Магдала, покончилъ всѣ земные разсчеты выстрѣломъ въ горло изъ револьвера.

Послѣ трагической кончины царя Ѳеодора Менеликъ, король Шоа, оказался однимъ изъ претендентовъ на эѳіопскій престолъ; соперниками его были король Амхары Гобарэ и король Тигре Кассаи. Взвѣсивъ шансы на успѣхъ борьбы со своими противниками, осторожный и дальновидный Менеликъ тотчасъ же убѣдился, что не въ силахъ побѣдить послѣдняго, и во-время устранился отъ соперничества. Кассаи, разбивъ на голову Гобарэ, взялъ его въ плѣнъ и ослѣпивъ, воцарился на престолѣ Эѳіопіи подъ именемъ Іоанна II. Неизвѣстно, что предпринялъ бы Менеликъ, если бы сама судьба не предоставила ему возможность взойти на

тронъ, котораго онъ при честолюбіи своемъ такъ давно добивался. Неожиданная смерть Іоанна въ сраженіи при Матама и отсутствіе серьезныхъ и опасныхъ соперниковъ помогли Менелику, и Эѳіопія попала въ руки мудраго правителя. Демократъ по убѣжденіямъ, новый царь сразу пріобрѣлъ любовь своего народа. Вступивъ на престолъ, Менеликъ дѣятельно принялся за культуру своей страны: повсюду начались постройки, сооруженія, проведеніе новыхъ путей сообщенія, убранство каналовъ и плотинъ, для чего выписаны были европейцы-архитекторы и инженеры. Неутомимый императоръ всюду поспѣвалъ, подавалъ личный примѣръ въ работахъ, вполнѣ уподобляясь въ этомъ Петру Великому. Такъ, напримѣръ, когда при какихъ-либо сооруженіяхъ или устройствѣ плотинъ нужны были камни, негусъ первымъ слѣзалъ съ коня и отправлялся за камнемъ, который притаскивалъ на плечахъ и укладывалъ на мѣсто. Само собою разумѣется, вся его обыкновенно многочисленная свита: генералы, судьи, священники, воины бросались за своимъ повелителемъ, подражая его примѣру и число камней оказывалось зачастую даже лишнимъ. Особое вниманіе было обращено Менеликомъ на правильное судопроизводство, которое производилось у него во дворцѣ, часто имъ самимъ, и каждый абиссинецъ имѣлъ право приходить къ негусу и, крича: „справедливости!“—требовать скораго суда.

Собиратель Эѳіопіи въ единое цѣлое, Менеликъ очень мудро поступалъ всегда со своими внутренними врагами: однихъ онъ приближалъ къ своему двору, и одѣляя ихъ милостями, въ то же время зорко за ними слѣдилъ и тѣмъ отнималъ всякую возможность вредить себѣ. Другихъ онъ наказывалъ за неповиновеніе и снова водворялъ на ихъ посты. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1895 года Менеликъ предпринялъ походъ противъ возмутившагося племени Уалямо, отказавшагося платить ему обычную дань. Разгромивъ и взявъ царька Уалямо со множествомъ плѣнныхъ въ

Энтото, онъ заставилъ его работать наравнѣ съ его же слугами. По прошествіи нѣкотораго времени, наглядно доказавъ плѣнному правителю, насколько онъ сильнѣе его, Менеликъ отпустилъ его съ миромъ править попрежнему страною Уалямо, но, конечно, при этомъ увеличилъ размѣръ дани и

ሞኃ፡አፄ፡ዘኢትዮጵያ፡ሚኒሊክ፡ዘአንበሳ፡ዘሰገሌ፡ዘብሔረ፡ጠረፍ፡ዘሐገሬ፡ሐረጎ

ሞኃ፡አፄበሳ፡ዝእምነገሥ፡ይሁዳ፡ዳግማዊ፡ምኔልክ፡ሠዩመ፡
እግዚአብሔር፡ንጉሠ፡ነገሥት፡ዘኢትዮጵያ፡—
ይህነኝ፡ዒብደ ቤ፡ለሚያዩ፡ሰዎች፡ሁሉ፡ሰላምታዬ
ን፡አስጣለሁ፡፡ከመ ሰኮብ፡መንግሥት፡ተልኮ፡መጥቶ፡
የኔን፡መኃግሥት፡በመልካም፡ስላገለገለ፡ወሂቶኝ
ን፡ሙሴ፡ሌዎንዊ፡ፍን፡ማገልገሉን ም፡በኔ ሻ ናኝን፡አክብ
ሬን፡የግለጥንለት፡በዚህ፡ዒብ ዳ ቤ፡ስለ፡ማገልገሉ፡ኮንት፡
ብለንዋል፡፡በሰ ኑ፡በ ሀቀን፡ተጻፈ፡በዲ ስ፡አበባ፡ከተማ፡ተ
ጻፈ፡በ፲ ፡የ ሞ ፡ ፡ ዓ መ ተ ፡ ምሕረት፡፡

Манускриптъ императора Менелика.

обязалъ его содержать придвинутыя къ границамъ войска негуса. Въ случаѣ же какихъ-либо менѣе значительныхъ народныхъ демонстрацій Менеликъ всегда проявлялъ большую терпѣливость и обыкновенно наказывалъ одного или двухъ зачинщиковъ, не дѣлая вреда остальнымъ; но изъ этого вовсе не слѣдовало, чтобы тѣ могли продолжать свои вы-

ходки—всѣ они были уже на примѣтѣ у негуса и стоило только кому-нибудь изъ нихъ пикнуть, ихъ тогда уже хватали и безпощадно разстрѣливали. Вышеописанными мѣрами Менеликъ быстро успокоилъ страну, прекратилъ всѣ волненія разныхъ племенъ, и введя въ ней большой внутренній порядокъ, могъ уже направить Эѳіопію по пути прогресса, котораго былъ большимъ сторонникомъ. Но при всемъ томъ, нужно оговорить, что онъ относился къ нему критически и желалъ всегда брать лишь тѣ стороны цивилизаціи, которыя согласовались съ духомъ и характеромъ его народа. Такимъ образомъ, прививка Абиссиніи европейской культуры не была только обезьяничанчемъ, но вполнѣ приурочена къ самому народу. Одною изъ важныхъ реформъ Менелика было введеніе мелкой серебряной монеты, которая должна была замѣнить неудобные и громоздкіе бруски соли, игравшіе роль денегъ, которыхъ на талеръ приходилось до 7—8 штукъ. Приводимъ по поводу этого характерный приказъ Менелика, сохраняя въ немъ складъ рѣчи и лаконизмъ, всегда присущій абиссинцамъ.

„Дабы прославить нашу страну и наше царство и торговлю нашу поправить, новое серебро съ моимъ портретомъ и моимъ именемъ припечатанное я сдѣлалъ и доставилъ; это серебро чище прежняго серебра *) и вѣсомъ одинаково съ прежнимъ и начертаніе, что написано сверху, амхарское. Я намѣренъ прежнее серебро оставить и это на эѳіопское имя сдѣланное новое серебро распространить. Его наравнѣ съ прежнимъ серебромъ принимайте, а мастера новаго серебра не лейте. И еще: для мелкихъ вещей, которыя я буду покупать, я сдѣлалъ и доставилъ полъ-серебра, четверть серебра и восьмую серебра. Это: половина—за половину, четверть—за четверть, и восьмую—за восьмую пусть мѣняютъ и торгуютъ. Человѣка же, говорящаго: „я это серебро не

*) Это прежнее серебро составляли талеры Маріи-Терезіи, распространенные въ Абиссиніи католическими миссіонерами.

принимаю", — приведите ко мнѣ. Марта 6-го, года помилованія".

Слѣдующимъ предпріятіемъ негуса было желаніе войти въ международный почтовый союзъ; была организована правильная доставка писемъ до Джибути, отпечатаны въ Парижѣ марки съ изображеніемъ Менелика, но благодаря проискамъ Италіи, до сихъ поръ союзъ этотъ de jure не существуетъ, хотя de facto — всѣ письма итальянскихъ плѣнныхъ съ аббисинскими марками доходили исправно по назначенію. Послѣднимъ мѣропріятіемъ негуса было его желаніе присоединиться къ международной женевской конвенціи „Краснаго Креста".

Въ смыслѣ дипломатическихъ сношеній съ европейскими государствами имъ была сдѣлана попытка сближенія съ Россіей, а также и Франціей, но при этомъ стремленіемъ негуса до сихъ поръ было оградить свою страну отъ появленія въ ней дипломатическихъ агентовъ другихъ державъ.

Вступивъ на престолъ, Менеликъ сталъ строго искоренять рабовладѣльчество въ странѣ, а также и гнусный обычай оскопленія плѣнныхъ и побѣжденныхъ враговъ на войнѣ, въ чемъ и успѣлъ совершенно.

Въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ расамъ императоръ можетъ быть сравненъ со строгимъ, но въ высшей степени справедливымъ отцемъ. Высшимъ же наказаніемъ для раса является отнятіе у него негусомъ управленія провинціей. О степени пригодности начальниковъ Менеликъ судитъ обыкновенно по ихъ подчиненнымъ. Если они сыты, довольны и ведутъ себя хорошо, то значитъ начальникъ на своемъ мѣстѣ. Въ общемъ, по характеру своему негусъ въ высшей степени памятливъ и на добро, и на зло; если ему приходится ошибиться и подарить своимъ довѣріемъ лицо, которое этого не заслуживаетъ, оно быстро лишается расположенія императора и никогда уже его не вернетъ. Какъ мы видѣли, Менеликъ баснословно терпѣливъ и сдержанъ, но при случаѣ отплачиваетъ за все и не остановится ни пе-

редъ чѣмъ, если кто-либо станетъ ему поперекъ дороги. Очень скрытный по характеру, онъ не признаетъ порывистости и увлеченія—эти слабости въ немъ положительно отсутствуютъ; также не поддается онъ и чьему бы то ни было вліянію. Даже императрица Таиту, очень умная и энергичная женщина, является лишь въ роли совѣтчицы по разнымъ вопросамъ, но безъ всякаго рѣшающаго значенія. Вообще же дочери Евы никогда не играли роли въ жизни Менелика и любимымъ его изреченіемъ всегда было: „Или съ женщинами возиться, или дѣло дѣлать“.

Что касается образованія Менелика, то, конечно, оно было примитивное, но природный большой его умъ, наблюдательность и рѣдкая энергія дали ему возможность многому научиться. Такъ, онъ практически хорошо изучилъ наблюденія по хронометру, знаетъ механику и нѣтъ предмета, попавшагося ему въ руки, съ устройствомъ котораго онъ бы подробно не ознакомился, будь то музыкальный ящикъ, картечница, ружье или болѣе простѣйшее орудіе. Кромѣ того, негусъ съ юныхъ лѣтъ пристрастился къ медицинѣ и обладаетъ большимъ числомъ походныхъ аптекъ, и громаднымъ выборомъ хирургическихъ инструментовъ.

Императоръ также очень интересуется каменно-угольнымъ дѣломъ, и „желая развить его въ своей странѣ, отдалъ строгій приказъ всѣ находимые черные камни доставлять во дворецъ для изслѣдованія“.

Въ расходахъ своихъ Менеликъ чрезвычайно разсчетливъ, но при всемъ этомъ не жалѣетъ денегъ на свою представительность и пышность своего многочисленнаго придворнаго штата. Постоянную свиту императора составляютъ: во-первыхъ—ликамакуасъ Абато, исполняющій должность оберъ-гофмаршала двора, и ликамакуасъ Адено. Они одѣваются какъ негусъ, и при торжествахъ олицетворяютъ подчиненныхъ королей; въ сраженіи одинъ изъ нихъ исполняетъ не совсѣмъ пріятную обязанность изображать негуса и ѣздить подъ его зонтомъ въ то время, какъ императоръ

въ солдатской буркѣ, никѣмъ не замѣченный, гдѣ-нибудь въ сторонѣ слѣдитъ за ходомъ боя. Затѣмъ слѣдуютъ: расъ-Даргэ, дядя и совѣтникъ негуса во всѣхъ дѣлахъ, деджазмечъ (генералъ) Тесема, двоюродный братъ царицы Таиту, Бежиронде Балга—хранитель сокровищъ и помощникъ начальника абиссинской артиллеріи. Гразмечъ Ато-Іосифъ Негуссіэ и Габріэль—личные секретари Менелика. На обязанности ихъ лежитъ вести всю переписку императора и слѣдить за выписываемыми въ Абиссинію иностранными газетами и журналами, дѣлать изъ нихъ переводы, касающіеся главнымъ образомъ Абиссиніи и европейской политики, и представлять негусу. Сверхъ того, въ составъ двора входятъ: хранитель государственной печати, начальникъ торговаго сословія, начальникъ судовъ (афранегусъ—представитель негуса), начальникъ балдарасовъ (придворныхъ конюшихъ) и наконецъ баламуаны—пажи, которыми обыкновенно назначаются сыновья расовъ, правителей провинцій и другихъ знатныхъ абиссинскихъ лицъ; они воспитываются обыкновенно при дворѣ и живутъ во дворцѣ негуса, и такимъ образомъ являются своего рода заложниками въ предупрежденіе всякаго рода случайностей.

Свой рабочій день императоръ Менеликъ проводитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Встаетъ онъ всегда въ пять часовъ утра и тотчасъ же отправляется въ молельню, устроенную возлѣ дворца, гдѣ проводитъ около часа, читая обыкновенно псалтырь Давида. Послѣ этого онъ, хотя и не всегда, пьетъ черный кофе, распуская въ немъ кусокъ масла и добавляя туда рюмку коньяку; затѣмъ Менеликъ обходитъ свой садъ и плантаціи, къ которымъ относится съ большою любовью и гдѣ произрастаютъ всевозможныя овощи, начиная отъ редиски и кончая бананами.

Негусъ любитъ похвастать своими садами и разсылаетъ часто въ подарокъ овощи, какъ находящимся при немъ европейцамъ, такъ и своимъ приближеннымъ. Послѣ этого Менеликъ совершаетъ обходъ по придворнымъ мастерскимъ, причемъ постоянно слѣдитъ за успѣхомъ работы мастеровъ.

По средамъ и пятницамъ негусъ обыкновенно самъ творитъ судъ при парадной обстановкѣ: за трономъ его помѣщаются оруженосцы съ мечомъ и щитомъ императора. Если разсмотрѣнію подлежитъ крупное преступленіе, за каковое полагается смертная казнь—негусъ обыкновенно приглашаетъ къ суду совѣтъ изъ именитыхъ лицъ, и только освѣдомившись объ ихъ мнѣніяхъ, постановляетъ уже окончательное и безповоротное рѣшеніе. Въ остальные дни съ 9 часовъ утра начинается пріемъ разныхъ должностныхъ лицъ по дѣламъ, а также и просителей. Нужно при этомъ замѣтить, что у дворца негуса существуетъ три ограды, которыя разрѣшается проходить въ зависимости отъ положенія лица; такъ, одни могутъ войти за первую ограду, другіе—за вторую, болѣе приближенные ко двору—за третью и, наконецъ, близкіе придворные прямо во дворецъ. Гулять же въ саду могутъ только представленные императрицѣ. Около полудня императоръ отправляется на половину императрицы и вмѣстѣ съ нею обѣдаетъ. Къ столу приглашается обыкновенно кто-нибудь изъ семьи, остальная же свита обѣдаетъ въ отдѣльной комнатѣ. Послѣ своего обѣда негусъ отправляется присутствовать при обѣдѣ всѣхъ генераловъ, офицеровъ и воиновъ, находящихся въ Энтото, которые ежедневно обѣдаютъ у императора, и Менеликъ никогда, развѣ только за болѣзнью, не манкируетъ своимъ появленіемъ, такъ какъ отсутствіе его при обѣдѣ сильно оскорбило бы его войска. Вообще же говоря, въ абиссинской арміи принятъ обычай начальниками—обѣдать со своими подчиненными, и тотъ, кто бы поѣлъ одинъ въ своей палаткѣ, навлекъ бы на себя общее негодованіе и презрѣніе.

Остальная часть дня проводится императоромъ въ работѣ надъ самыми разнообразными предметами, такъ напримѣръ: раздаетъ предметы наслѣдства, рѣшаетъ дѣла расовъ изъ провинцій и пр. Въ шесть часовъ вечера негусъ удаляется во внутренніе покои дворца, и съ этого часа запираются всѣ входы и стража никого уже во дворецъ не пропускаетъ.

Оффиціальный титулъ негуса слѣдующій: Менеликъ II императоръ Эѳіопіи, избранникъ Божій, левъ — побѣдитель племени Іуды и пр. Вслѣдствіе этого государственнымъ гербомъ Абиссиніи и является левъ въ коронѣ, держащій жезлъ съ крестомъ въ лапахъ. Вмѣсто подписи императоромъ прикладывается обыкновенно печать, причемъ она такъ же, какъ и печать царицы Таиту и архіепископа Абуны, ставится не въ концѣ письма, какъ у расовъ и другихъ лицъ, а въ началѣ.

Резиденціею негуса является въ настоящее время Аддисъ-Абаба (Новый цвѣтокъ). Собственно постоянной столицы въ Абиссиніи нѣтъ. Гдѣ негусъ избираетъ свою резиденцію, тотъ пунктъ и играетъ роль столичнаго города. Повидимому, Аддисъ-Абаба на долго удержитъ за собою это значеніе, что впрочемъ не мѣшаетъ негусу переселяться къ источникамъ, находящимся отъ города въ верстѣ разстоянія, на мѣсяцъ и болѣе, и жить около нихъ по походному, въ палаткахъ. Вблизи новой столицы находятся двѣ прежнія: Анкоберъ и Энтото, теперь уже совсѣмъ мертвые города. Послѣдній, впрочемъ, очень часто посѣщается негусомъ отправляющимся туда въ сопровожденіи всего двора на богомолье.

Роль нашей Москвы въ Эѳіопіи играетъ древній городъ Аксумъ. Въ храмѣ его хранится подлинная вторая скрижаль Моисея, вывезенная изъ Іерусалима царемъ Абиссиніи Менеликомъ, сыномъ израильскаго царя Соломона и царицы Савской. Въ этомъ храмѣ коронуются на царство абиссинскіе негусы; здѣсь же короновался и императоръ Менеликъ при вступленіи своемъ на престолъ. Императорскій дворецъ Геби обнесенъ тремя каменными и палисадными оградами и состоитъ изъ нѣсколькихъ построекъ. Главная изъ нихъ „Эльфинъ“, служащая жилищемъ негусу и императрицѣ Таиту, доходитъ до 7 саженей въ вышину, арабской архитектуры, съ черепичною крышею, съ дверями, окнами и балконами, выкрашенными въ зеленую, голубую, желтую и красныя краски. Это зданіе окружаютъ: адерашъ—столовая, гдѣ

обѣдаютъ дворъ и войска (партіями), саганетъ—часовая башня, близь которой стоятъ абиссинскія артиллерійскія орудія, гуада—хранилище царскихъ сокровищъ и имущества и таможенный складъ, гдѣ негусъ производитъ осмотръ большимъ караванамъ. Передъ главнымъ фасадомъ дворца раскидывается большой, покрытый зеленью плацъ, служащій мѣстомъ для засѣданій царскаго совѣта.

Далѣе помѣщаются кузнечныя, столярныя, слесарныя мастерскія, магазины и склады, съ одной стороны прилегаетъ къ дворцу садъ и огороды.

Внутренность дворца устроена отчасти на европейскій ладъ, хотя свое, абиссинское убранство первенствуетъ. Въ Абиссиніи существуетъ обычай, что лица высокаго происхожденія никогда не выходятъ изъ дома, хотя бы для прогулки или визита къ сосѣдямъ, безъ многочисленной свиты, съ оруженосцами и т. д., причемъ размѣры свиты зависятъ отъ положенія лица. Гулять одному въ глазахъ абиссинцевъ считается неприличнымъ; само собою разумѣется, когда выходитъ изъ дворца императоръ, то свита должна быть колоссальна; дѣйствительно, она достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ воиновъ съ ружьями, пиками и щитами, причемъ впереди несутъ литавры—признакъ власти.

Заканчивая характеристику императора Менелика, нужно сказать еще, что онъ отличается вѣротерпимостью и ненавидитъ фанатизмъ, въ какихъ бы формахъ онъ ни проявлялся; слѣдствіемъ этого и можно только объяснить высылку имъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ изъ Эѳіопіи всѣхъ католическихъ миссіонеровъ, которые впрочемъ теперь допущены, и нѣсколько монаховъ-лазаристовъ живутъ въ Харрарѣ—резиденціи раса-Маконена. Всѣ же остальныя религіи въ государствѣ Менелика, какъ-то: еврейская и магометанская—пользовались всегда полною свободою исповѣданія. Что касается до своего абиссинскаго духовенства, то Менеликъ относится къ нему строго, въ виду враждебности, проявляемой эѳіопскими священно-служителями ко всѣмъ

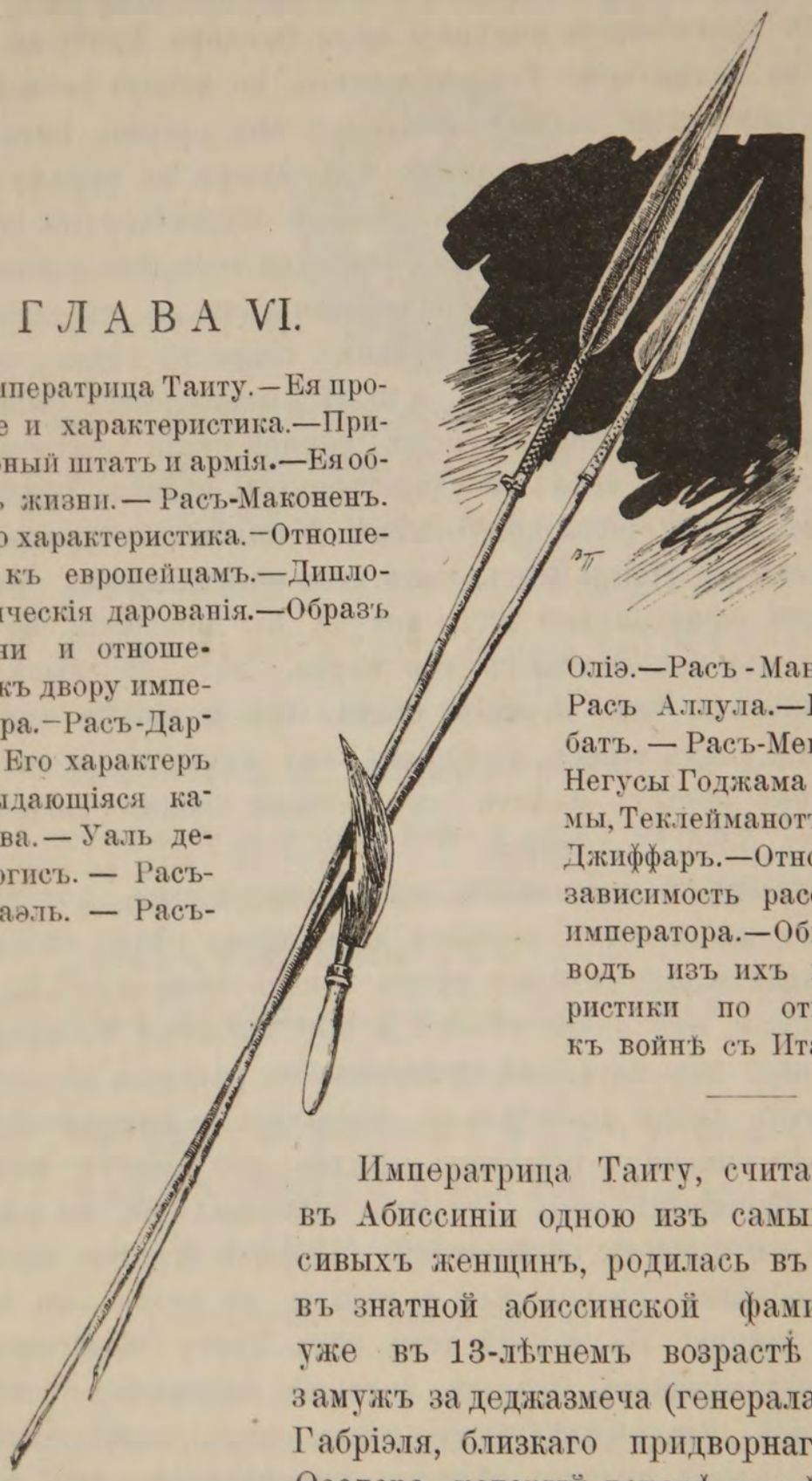
новшествамъ императора. Такъ, напримѣръ, цѣлую бурю негодованія и упрековъ вызвало со стороны духовенства разрѣшеніе, данное Менеликомъ одному изъ европейцевъ снять съ себя фотографію. По увѣренію священниковъ, это могло быть сдѣлано лишь съ помощью нечистой силы. Дабы прекратить волненіе, Менеликъ долженъ былъ пригрозить всѣмъ строгимъ наказаніемъ. При вспыльчивости характера, Менеликъ отличается рѣдкою добротою, доходящею до слабости. Особенно привязывается онъ къ близкимъ къ нему людямъ, которымъ многое прощаетъ, но, какъ сказано было, до извѣстныхъ границъ, разъ онѣ перейдены—опала смѣняетъ милость и уже навсегда.

Наружность негуса сразу располагаетъ къ себѣ всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ какое-либо дѣло. Сѣдѣющая борода оттѣняетъ рѣзко черное, слегка рябое лицо. Умные, живые глаза, пріятная, добрая улыбка дополняютъ первое симпатичное впечатлѣніе, а въ то же время гордая и величественная осанка напоминаетъ о томъ, что вы находитесь въ присутствіи императора Эѳіопіи. Негусъ имѣетъ собственное войско въ 30,000 человѣкъ пѣхоты, 12,000 кавалеріи, при 32 орудіяхъ.

Менеликъ при самомъ вступленіи своемъ на престолъ сразу оцѣнилъ обстановку, въ которой онъ находился, и понялъ, что долженъ всѣми силами создать себѣ иное положеніе, чѣмъ разные негритянскіе царьки и владѣтели, которыхъ европейцы подъ видомъ культуры Африки истребляли цѣлыми десятками, пользуясь, какъ ихъ междоусобицей, такъ и невозможностью противостоять организованнымъ европейскимъ войскамъ и ихъ вооруженію. Для этого онъ долженъ былъ сначала мощною рукой объединить Эѳіопію и заставить безпрекословно повиноваться себѣ всѣхъ ея болѣе мелкихъ владѣтелей, затѣмъ вооружить свою армію по европейскому образцу и, наконецъ, помѣряться силами съ какою-либо европейскою державою, дабы въ случаѣ успѣха открыто вступить въ семью независимыхъ государствъ. Какъ

извѣстно, колоссальный успѣхъ Менелика превзошелъ всѣ его ожиданія, обратилъ на него внимательные взоры всего цивилизованнаго міра, и нѣтъ сомнѣнія, что послѣ адуанскаго погрома не только Эѳіопія, но и многія африканскія земли вздохнули свободнѣе въ надеждѣ, что перестанутъ, наконецъ, служить экспериментами для проведенія европейской культуры и цивилизаціи.

Абиссинскій талеръ Маріи-Терезіи.



ГЛАВА VI.

Императрица Таиту.—Ея прошлое и характеристика.—Придворный штатъ и армія.—Ея образъ жизни.—Расъ-Маконенъ.—Его характеристика.—Отношеніе къ европейцамъ.—Дипломатическія дарованія.—Образъ жизни и отношенія къ двору императора.—Расъ-Даргэ.—Его характеръ и выдающіяся качества.—Уаль де-Георгисъ.—Расъ-Микаэль.—Расъ-Оліэ.—Расъ-Мангаши.—Расъ Аллула.—Расъ-Себатъ.—Расъ-Мешаша.—Негусы Годжама и Джиммы, Теклейманотъ и Абба Джиффаръ.—Отношенія и зависимость расовъ отъ императора.—Общій выводъ изъ ихъ характеристики по отношенію къ войнѣ съ Италіей.

Императрица Таиту, считающаяся въ Абиссиніи одною изъ самыхъ красивыхъ женщинъ, родилась въ 1853 г. въ знатной абиссинской фамиліи, и уже въ 13-лѣтнемъ возрастѣ вышла замужъ за деджазмеча (генерала) Уаль-Габріэля, близкаго придворнаго царя Ѳеодора, который вскорѣ послѣ свадь-

бы велѣлъ схватить генерала, заковать его въ цѣпи и заключить въ тюрьму, завладѣвъ при этомъ его супругой.

Послѣ трагической кончины царя Ѳеодора, Таиту вышла замужъ за деджазмеча Текле-Георгиса, но вскорѣ развелась съ нимъ вслѣдствіе любви къ одному изъ расовъ, который въ свою очередь былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму негусомъ Іоанномъ. Тогда Таиту рѣшила отказаться отъ свѣта и ушла въ монастырь. Пробывъ тамъ три года, она покинула его и вышла замужъ за генерала Зекаргачо, а въ началѣ 1883 года, т. е. въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ стала супругой короля Шоа—Менелика, а нынѣ императрицей Эѳіопіи. Отличаясь недюжиннымъ умомъ, царица стала совѣтчицей своего супруга во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, причемъ играла не малую роль при отмѣнѣ Учіалійскаго договора. Дѣтей у императрицы нѣтъ, такъ что наслѣдникомъ Менелика (хотя оффиціально этого титула въ Абиссиніи не сусуществуетъ) всѣ считаютъ его внука, лѣтъ 14, сына дочери Менелика отъ перваго брака. Но почета и особаго воспитанія, какъ у насъ въ Европѣ, ему никакого не дается, и мальчикъ ростетъ вмѣстѣ съ прочими своими сверстниками безъ особаго надзора.

Таиту имѣетъ свой штатъ придворныхъ дамъ, которыхъ выбираетъ изъ самыхъ черныхъ, дабы этимъ рѣзче оттѣнить свой сравнительно свѣтлый цвѣтъ лица, особый штатъ слугъ, свою гвардію изъ 3,000 пѣхоты и 600 человѣкъ конницы и свою казну, изъ которыхъ уплачиваетъ расходы по содержанію всего двора по-недѣльно, чередуясь съ императоромъ.

По абиссинскимъ обычаямъ, рѣдко кто можетъ видѣть царицу, ибо кромѣ того, что при выходахъ ея на улицу все лицо ея бываетъ обыкновенно покрыто густою кисеей, народъ обязанъ расходиться и отнюдь не стоять на пути шествія царицы. На походѣ, такъ какъ Таиту обыкновенно всюду сопровождаетъ супруга, если ей вздумается остановиться, всѣ сзади слѣдующіе воины какъ можно скорѣе вскачь и бѣгомъ должны обогнать императрицу; при оста-

новкахъ же на ночлегъ, когда Таиту слѣзаетъ съ мула въ ожиданіи пока разобьютъ ея ставку, надъ нею раскиды-

Манускриптъ императрицы Таиту.

вается переносная шелковая голубая палатка. Когда главная ставка готова, императрица приближается къ ней, оставаясь въ голубой палаткѣ, которую передвигаютъ слуги надъ

царицей; подойдя вплотную къ большой палаткѣ, занавѣшиваютъ бока прохода покрывалами, и такимъ образомъ, не будучи никѣмъ видима, Таиту водворяется въ ставкѣ, которая разбивается обыкновенно рядомъ со ставкою императора. Походы она совершаетъ верхомъ по-мужски на мулѣ, подъ зонтомъ, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ и своей гвардіи.

Такъ же, какъ и Менеликъ, царица отличается религіозностью и строго соблюдаетъ посты. Къ европейцамъ, пріѣзжающимъ въ Эѳіопію, она относится не съ такою симпатіею, какъ императоръ, и удостоиться у нея аудіенціи считается большою рѣдкостью. Тотъ, кто былъ представленъ императрицѣ, имѣетъ право входа по воскресеньямъ на обѣдъ въ „Геби",—такое названіе въ собирательномъ смыслѣ дается дворцу и вмѣстѣ придворному штату. Что же касается ея энергичнаго и мужественнаго характера, то дабы дать о немъ понятіе, приведемъ слѣдующій примѣръ. Въ сраженіи при Адуѣ, первою абиссинскою батареей, открывшей мѣткій огонь противъ колонны генерала Альбертоне, были 6 орудій императрицы Таиту, для которыхъ она сама выбрала позицію и огнемъ коихъ распоряжалась во все время этого кровопролитнаго сраженія.

Наиболѣе близкимъ къ негусу лицомъ изъ расовъ *) является расъ-Маконенъ, двоюродный братъ Менелика, генералъ-губернаторъ Харрара,—постъ, приближающійся къ званію вице-короля, но ничего общаго, какъ это считаютъ французы, съ нимъ неимѣющій, такъ какъ расъ не имѣетъ права ни входить въ сношенія съ иностранными государствами, ни права жизни и смерти надъ подвластными ему племенами.

Расъ-Маконенъ красивый, необыкновенно статный мужчина, средняго роста, съ прекрасными черными глазами, лѣтъ

*) Расъ—командующій войсками, онъ же генералъ-губернаторъ извѣстной области.

сорока, производитъ весьма симпатичное при встрѣчѣ съ нимъ впечатлѣніе и отличается рѣдкою гуманностью и тактичностью при необыкновенныхъ дипломатическихъ способностяхъ. Такъ напримѣръ, въ Харрарѣ не было церкви, но за то среди города красовалась большая мечеть. Не желая притѣснять жителей отобраніемъ мечети, онъ созвалъ старшинъ и убѣдилъ ихъ сначала, что если мусульманамъ-

Расъ-Маконенъ.

харрарцамъ нужна мечеть, то конечно и христіанамъ-абиссинцамъ, хозяевамъ въ странѣ, необходима церковь. Послѣ этого онъ предложилъ безобидно раздѣлить мечеть пополамъ и въ одной половинѣ устроить церковь. Кончилось, конечно, тѣмъ, что старшины добровольно уступили всю мечеть. Карьеру свою Маконенъ началъ баламбарасомъ—полковникомъ, а потомъ долго занималъ постъ кеньазмеча—генералъ-маіора въ гвардіи негуса. Когда же явилась необходимость воспользоваться его дипломатическими дарованіями и послать съ особою миссіей въ Италію—Менеликъ произвелъ его въ деджазмечи—полные генералы.

Когда девять лѣтъ тому назадъ абиссинцы завоевали Харрарскую область у султана Абдулахи—всѣ расы отка-

зались сѣсть въ Харрарѣ и управлять только-что завоеванною страною съ мусульманскимъ населеніемъ, играющею въ Эѳіопіи роль прежняго нашего Кавказа. Тогда предложили это мѣсто расъ-Маконену. Онъ его тотчасъ же принялъ, былъ произведенъ въ расы и оказался вполнѣ на высотѣ своего новаго назначенія, держа твердо въ рукахъ ввѣренный ему край. Какъ въ послѣдней побѣдоносной кам-

Печать расъ-Маконена.

паніи, такъ и во всѣхъ предыдущихъ многочисленныхъ своихъ походахъ, расъ-Маконенъ выказалъ львиную храбрость, стойкость и энергію. Въ сраженіи подъ Адуею онъ личнымъ примѣромъ ободрялъ своихъ воиновъ, выпустивъ нѣсколько сотъ патроновъ изъ своего одноствольнаго ружья *). Что касается его политическихъ убѣжденій, то, не смотря на то, что расъ-Маконенъ ближе всѣхъ остальныхъ расовъ подходитъ къ европейцамъ по своимъ взглядамъ, это не мѣшаетъ ему оставаться самымъ рьянымъ абиссинскимъ консерваторомъ и патріотомъ. Интересно, что каждый прибывающій въ Харрару иностранецъ при сношеніяхъ съ Маконеномъ быстро приходитъ къ убѣжденію, что расъ особенно къ нему расположенъ,—такъ тотъ умѣетъ обойти и очаровать каждаго своимъ повидимому исключительнымъ

*) Ружье это Маконенъ подарилъ Н. С. Леонтьеву и при этомъ произнесъ слѣдующую характерную фразу, когда тотъ сталъ отказываться отъ подарка, говоря, что это ружье вѣроятно для него дорого: «Развѣ это ружье можетъ быть дороже васъ», отвѣчалъ любезно Маконенъ.

вниманіемъ. При этомъ онъ, какъ истый дипломатъ, всегда съумѣетъ заставить говорить каждаго и разболтать все, что у него на душѣ, самъ же при этомъ больше молчитъ или, какъ выражаются абиссинцы, „глотаетъ“, и только любитъ свои односложныя фразы подкрѣплять евангельскими текстами. Обо всемъ выдающемся онъ тотчасъ же посылаетъ подробныя донесенія негусу, отъ котораго получаетъ соотвѣтствующія инструкціи для дальнѣйшихъ дѣйствій. Отличаясь при этомъ необыкновеннымъ достоинствомъ и изящными, элегантными манерами, расъ-Маконенъ представляетъ, такимъ образомъ, рѣдкую совокупность душевныхъ качествъ. Потерявъ три года тому назадъ жену, онъ живетъ пуританиномъ, хотя въ домѣ его для гостей всегда имѣется запасъ всякихъ яствъ и питей, начиная съ шампанскаго, кончая пильзенскимъ пивомъ, что объясняется присутствіемъ въ Харрарѣ таможни, откуда ему доставляются всѣ эти продукты.

Самъ Маконенъ очень умѣренъ въ пищѣ и питьѣ и, отличаясь большою религіозностью, по нѣсколько разъ въ день читаетъ псалтырь. Одѣвается онъ всегда по солдатски и терпѣть не можетъ роскоши. Въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ расъ любитъ разыгрывать роль отца и отличается большою гуманностью, но безъ слабости. Маконенъ очень любитъ походную жизнь и во всѣхъ экспедиціяхъ ему неизмѣнно сопутствуютъ: баранъ, очень дружный съ его боевымъ конемъ, и собака, непородистая болонка, которую расъ зло назвалъ „Криспи“.

Что касается до его плановъ и дальнѣйшихъ намѣреній, то многіе въ Абиссиніи считаютъ, что въ случаѣ смерти негуса онъ постарается завладѣть эѳіопскимъ престоломъ; но въ сущности, эти слухи не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Въ отношеніяхъ съ негусомъ онъ очень низкопоклоненъ; такъ напримѣръ, когда Менеликъ приглашаетъ всѣхъ сѣсть, одинъ Маконенъ все-таки остается стоять, онъ же обмахиваетъ императора вѣеромъ, и когда всѣ идутъ во дворецъ съ параднаго подъѣзда, Маконенъ отправляется

туда всегда съ задняго крыльца. Очень возможно, что эту роль Молчалина при дворѣ негуса онъ взялъ на себя, боясь интригъ и происковъ со стороны императрицы Таиту, которая терпѣть не можетъ Маконена и считается злѣйшимъ его врагомъ. Расъ-Маконенъ содержитъ до 15 тысячъ войскъ при 4 орудіяхъ.

Послѣ расъ-Маконена наиболѣе выдающеюся личностью

Печать расъ-Даргэ.

въ Абиссиніи можно считать расъ-Даргэ, дядю негуса Менелика, величественнаго старика лѣтъ 70, громаднаго саженнаго роста, съ небольшою, окладистою бородою. Въ Эѳіопіи онъ служитъ образцомъ рыцаря безъ страха и упрека. По характеру своему онъ очень похожъ на своего отца Сала-Селасіэ, который могъ бы быть названъ Генрихомъ IV Абиссиніи. Даргэ живо напоминаетъ русскаго барина-хлѣбосола и отличается рѣдкимъ гостепріимствомъ; для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ радушно принять и хорошо угостить своихъ гостей. Жена его при рѣдкой красотѣ отличалась тѣмъ же радушіемъ, и домъ расъ-Даргэ былъ всегда изъ наиболѣе посѣщаемыхъ во всей Абиссиніи. Дядя Менелика пользуется большимъ вліяніемъ на своего племянника, причемъ говоритъ ему „ты“, тогда какъ послѣдній всегда отвѣчаетъ на „вы“.

Когда негусъ отправлялся въ походъ противъ итальянцевъ, онъ оставилъ регентомъ страны расъ-Даргэ и завѣщалъ въ случаѣ своей смерти престолъ Эѳіопіи расъ-Даргэ и его сыну деджазмечу Асфалу.

Не смотря на свой преклонный возрастъ, расъ-Даргэ усердно занимается дѣлами ввѣренной ему провинціи Салале, причемъ роль секретаря при немъ играетъ его дочь, очень образованная, знакомая съ иностранными языками дѣвушка. Расъ-Даргэ содержитъ до 10 тысячъ войскъ.

Въ той же степени родства къ негусу, что и расъ-Ма-

Печать расъ-Уаль де-Георгиса.

коненъ, находится расъ-Уаль де-Георгисъ, мужчина лѣтъ 40, красивой наружности, съ черною, окладистою бородой; самый воинственный изъ всѣхъ расовъ. Отличающійся рѣдкою храбростью, онъ смѣло можетъ быть названъ Ахилломъ абиссинскихъ дружинъ. Уаль де-Георгисъ очень разговорчивъ и сообщителенъ, отличается большою энергіею. Владѣнія его находятся къ югу отъ границъ Абиссиніи, въ странѣ галасовъ; войскъ онъ содержитъ отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ.

Слѣдующимъ по степени родства къ Менелику расомъ является расъ-Микаэль, плотный мужчина средняго роста, лѣтъ 42, мусульманскаго типа. Онъ женатъ на дочери негуса и правитъ страною Уоло, которую держитъ въ большомъ порядкѣ. Отличаясь суровостью, онъ много сдѣлалъ въ минувшую кампанію, и хотя злые языки говорятъ, что онъ поддерживаетъ тайныя сношенія съ султаномъ аусскимъ

и другими шейхами, этому нельзя вѣрить, такъ какъ Микаэль всегда выказывалъ большую преданность Менелику, особенно во время послѣдней войны. Войска его, числомъ до 15 тысячъ, считаются лучшими въ странѣ и состоятъ по большей части изъ старыхъ, опытныхъ воиновъ.

Инымъ по характеру представляется расъ-Оліэ, братъ

Расъ-Мангаши.

царицы Таиту, красивый, высокаго роста, молодой еще лѣтъ 35 человѣкъ. Онъ очень гордъ, отличается надменностью и чванствомъ, и правитъ страною Эджу, которая находится въ полномъ безпорядкѣ и разбойничьи шайки хозяйничаютъ въ ней, сколько душѣ угодно. Менелику, конечно, обо всемъ этомъ извѣстно, но онъ смотритъ на все сквозь пальцы, благодаря сильному заступничеству за брата царицы Таиту. Расъ-Оліэ содержитъ войско числомъ въ 8 тысячъ человѣкъ.

Самымъ же молодымъ расомъ является расъ-Мангаши, лѣтъ 30, красивой наружности, средняго роста, довольно полный, съ длинными до плечъ кудрями. Будучи сыномъ царя Іоанна отъ жены его брата, онъ долгое время считался незаконнымъ и только передъ смертью Іоаннъ призналъ его за своего сына. Отсюда и вытекаетъ косвенное право его на престолъ Эѳіопіи. Правитель пограничной съ итальянскими колоніями провинціи Тигре, онъ первый вступилъ въ борьбу съ ними, вынужденный къ этому захватами его земель генераломъ Баратіери, и доставилъ послѣднему не мало дешевыхъ лавръ, благодаря тому, что войска его были и плохо вооружены, и по боевымъ своимъ качествамъ много уступали воинамъ остальныхъ абиссинскихъ провинцій. Надо думать, что благодаря тому, что итальянцы сначала имѣли дѣло съ однимъ расъ-Мангашей, они и разсчитывали съ малымъ количествомъ войска также легко справиться и съ арміей негуса и другихъ расовъ.

Расъ-Мангаши не считается способнымъ военачальникомъ, къ тому же на войнѣ онъ всегда слишкомъ увлекается и мало обдумываетъ свои рѣшенія, но нужно отдать ему полную справедливость, что онъ очень храбръ. Въ мирное же время Мангаши большой селадонъ и любитель женщинъ, главнымъ же недостаткомъ его является скупость, чего абиссинцы, по существу натуры обыкновенно широкія, очень не долюбливаютъ. Расъ-Мангаши содержитъ до 12,000 войскъ при 6 орудіяхъ. Бывшимъ его наставникомъ и воспитателемъ является расъ-Аллула, закаленный въ бояхъ воинъ, лѣтъ 55, съ сильною просѣдью и хитрымъ, волчьимъ взглядомъ. Очень добродушный въ отношеніяхъ, онъ любитъ разыгрывать роль простака, но при всемъ томъ обладаетъ недюжиннымъ умомъ, а своею храбростью въ бою невольно увлекаетъ обожающихъ его воиновъ. Онъ большой патріотъ и всегда былъ пугаломъ итальянцевъ. Выслужился онъ изъ простыхъ солдатъ, долго былъ баламбарасомъ (полковникомъ) въ арміи негуса Іоанна, затѣмъ деджазмечемъ и опекуномъ

расъ-Мангаши. Когда же послѣдній подчинился власти Менелика, онъ остался при негусѣ и былъ долгое время безъ раства; только недавно императоръ далъ ему провинцію Агаме. Протянувъ долго солдатскую лямку, расъ-Аллула въ своемъ обиходѣ никогда не позволяетъ себѣ ничего такого, чего бы не могъ дать и своимъ воинамъ, которыхъ онъ содержитъ въ числѣ 3,000 человѣкъ.

Дабы закончить характеристику расовъ, разсмотримъ еще двухъ: расъ-Себата и расъ-Мешаша. Первый—лѣтъ 45, средняго роста, чрезвычайно энергичный и предпріимчивый. Въ началѣ борьбы съ Италіей онъ игралъ очень двусмысленную роль по отношенію къ обѣимъ враждующимъ сторонамъ, и сначала былъ на сторонѣ Баратіери, но потомъ явился съ повинной къ Менелику, и дабы загладить свою вину, во все время кампаніи отличался необыкновенною предпріимчивостью и жестокостью и надѣлалъ не мало вреда тылу итальянцевъ, ведя партизанскій образъ дѣйствій. Въ нападеніяхъ на сообщенія врага его дѣятельнымъ помощникомъ былъ расъ-Агосъ.

Что же касается расъ-Мешаша, то изъ всѣхъ расовъ онъ является самымъ неспособнымъ и обиженнымъ судьбою, которая надѣлила его крайне невзрачною наружностью, да къ тому же еще и хромотою, и Менеликъ только изъ жалости къ нему далъ ему въ управленіе маленькую провинцію—Куара.

О негусахъ (короляхъ) Годжама и Джиммы, Теклейманотѣ и Абба-Джиффарѣ, не было раньше ничего сказано потому, что въ послѣднюю войну они не играли почти никакой роли. Первый изъ нихъ—слабохарактерный, мягкій правитель, отличающійся большою религіозностью; второй также многаго оставляетъ желать въ смыслѣ своихъ административныхъ способностей: такъ, въ его провинціи до сихъ поръ еще тайно производится продажа рабовъ и Абба-Джиффаръ ничѣмъ не можетъ окончательно ее искоренить.

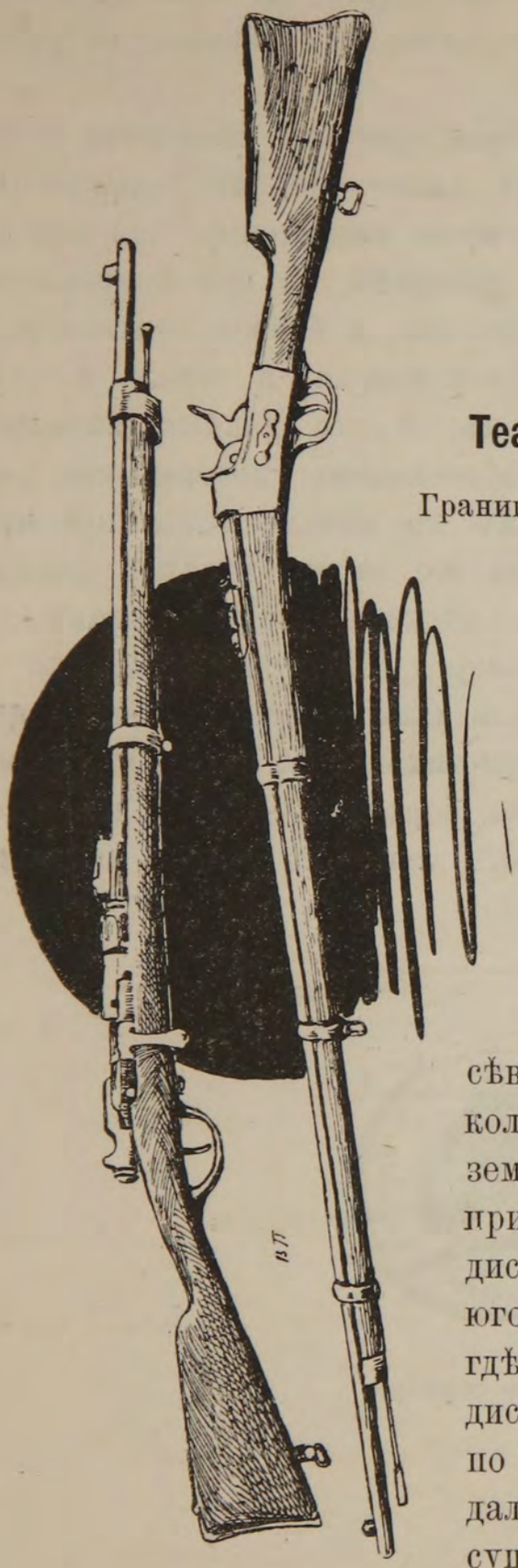
Всѣ негусы и расы платятъ ежегодную дань Менелику золотомъ и слоновою костью. Размѣръ дани опредѣляется по

Расъ-Аллула съ сыномъ и г. Леонтьевъ въ лагерѣ Раса-Мангаши.

особой, годами вывѣренной, статистикѣ, которая у абиссинцевъ хотя и не существуетъ на бумагѣ, но тѣмъ не менѣе очень вѣрна, и налогъ распредѣляется сообразно со средствами каждаго.

Изъ приведенной выше характеристики Менелика и его сподвижниковъ можно вывести заключеніе, что большинство изъ нихъ были на высотѣ своего назначенія, что они не только не были неразвитыми дикарями, но при природномъ умѣ обладали и личною храбростью, и боевою опытностью, и умѣніемъ водить въ бой свои войска, а также и одушевлять ихъ своимъ примѣромъ. А эти данныя являлись такими козырями въ рукахъ абиссинцевъ, которые совсѣмъ не были извѣстны итальянцамъ въ началѣ затѣянной ими опасной игры. Отвѣтственность же за это всецѣло должна падать на цѣлый рядъ итальянскихъ агентовъ, какъ-то гр. Антонелли, доктора Траверси, Капуччи, Персико и Фельтера, которые не съумѣли даже ознакомить итальянскихъ генераловъ съ характеристикою тѣхъ лицъ, съ коими имъ пришлось такъ неудачно бороться,—иначе, конечно, послѣдніе не отнеслись бы такъ легко къ своимъ чернымъ врагамъ.

Четверть серебра.



Абиссинскія ружья.

ГЛАВА VII.

Театръ военныхъ дѣйствій.

Границы Эѳіопіи.—Характеръ страны.—Тигре, какъ театръ военныхъ дѣйствій.—Горы, почва, рѣки, растительность, пути сообщенія.—Населенные пункты.—Крѣпости.—Стратегическіе пункты. — Разсмотрѣніе театра войны по отношенію къ наступающему и обороняющемуся. — Заключеніе.

V.

Граница Абиссиніи съ сѣвера идетъ вдоль Эритрейской колоніи съ входящими въ нее землями Богосъ и Керенъ, соприкасающимися съ землею махдистовъ; спускается оттуда къ юго-западу на Матама и Фамака, гдѣ граничитъ съ землями махдистовъ и продолжается почти по прямой линіи до рѣки Собата, далѣе идетъ по рѣкѣ Джубу (въ сущности, тотъ же Собатъ) до широты озера Рудольфа (5° сѣв.

шир.) и параллельно этой широтѣ идетъ за 15-й градусъ восточной долготы, охватывая значительную часть земли галасовъ и Угадена и гранича на югѣ съ землями еще непокоренныхъ галасовъ; затѣмъ круто поворачиваетъ къ сѣверу, черезъ землю сомалей, почти что доходя до береговой полосы англійскихъ владѣній Бербера и Зейлы, огибая вблизи берега и соприкасаясь съ береговою полосой французскихъ владѣній у Мордале, и затѣмъ идетъ вдоль береговой полосы итальянскихъ владѣній по Красному морю, охватывая всѣ земли данакилей или афкровъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что площадь абиссинской территоріи въ настоящее время является въ два раза большею, чѣмъ та, которую принято обозначать на картахъ.

Въ географическомъ отношеніи Абиссинія можетъ быть раздѣлена на слѣдующія три части:

1) Сѣверную, представляющую изъ себя прилегающую къ Нубіи низменность, обильно орошенную, съ большими озерами и болотными пространствами, покрытую лѣсами, съ влажнымъ, нездоровымъ климатомъ, порождающимъ лихорадки, исключающимъ всякую возможность европейской колонизаціи.

2) Среднюю (Бегемедеръ)—съ озеромъ Тана и верховьями Голубаго Нила (Бахръ-эль-азрека), представляющую рядъ возвышенныхъ плоскогорій отъ 4,000—5,000 футовъ надъ уровнемъ моря, съ умѣреннымъ климатомъ, довольно богатою природою и плодородною почвою.

3) Южную—представляющую почти неприступную горную страну, прорѣзанную долинами, горными рѣками съ водопадами, но съ суровымъ климатомъ, исключающимъ всякую возможность заниматься земледѣліемъ (къ которому, къ слову сказать, абиссинцы вообще не склонны). Главное, почти единственное здѣсь занятіе жителей—скотоводство.

Это географическое положеніе Эѳіопіи не даетъ еще полнаго понятія объ ея изолированности, если не упомянуть о томъ, что полоса ея, шириною въ 40 верстъ, прилегающая къ

Красному морю, отхвачена временно итальянцами; такимъ образомъ, въ настоящую минуту средствами сообщенія ея съ внѣшнимъ міромъ являются или французскій портъ Джибути, или англійскій—Зейла.

Изъ вышеописанныхъ трехъ частей собственно театромъ военныхъ дѣйствій абиссинцевъ съ Италіей явилась средняя ея часть, заключающая въ себѣ владѣнія Тигре и часть Шоа.

Такимъ образомъ, театръ войны представлялъ собою нагорное плато отъ 3,000—5,000 футовъ надъ уровнемъ моря, начиная отъ г. Адиграта покрытое рядомъ глубокихъ котловинъ, прорѣзываемыхъ съ сѣвера на югъ узкимъ длиннымъ хребтомъ.

Котловины эти во многихъ мѣстахъ переходятъ въ долины, служащія русломъ для двухъ главныхъ рѣкъ—Маребъ и параллельнаго, равносильнаго ей, притока Такацца, а также для множества ихъ мелкихъ горныхъ притоковъ.

Почва страны частью каменистая, частью глинисто-песчаная, слѣдствіемъ чего является относительная скудость лѣсовъ и растительности, но за то по берегамъ рѣкъ и близь озеръ встрѣчаются обширные оазисы съ полу-тропическою природою. Вся эта страна обильно орошена водою, но разсмотрѣнныя выше рѣки въ сухое время года не представляютъ препятствій для перехода въ бродъ, почему въ Абиссиніи не имѣется никакого представленія о мостахъ. Въ дождливый же періодъ всѣ рѣки и рѣченки на громадное разстояніе выходятъ изъ своего русла, дѣлая совершенно невозможнымъ всякое сообщеніе въ странѣ.

Въ виду характера мѣстности, движеніе по ней войскъ, безъ дорогъ, безусловно невозможно, почему имѣющіеся въ странѣ пути сообщенія пріобрѣтаютъ весьма важное значеніе. Но при этомъ было бы большою ошибкою понимать выраженіе „дороги“—въ европейскомъ значеніи этого слова. Это скорѣе тропинки, прежде всего исключающія возможность движенія артиллеріи и всякаго рода обозовъ на колесахъ, почему какъ первая, такъ и послѣдніе въ Эѳіопіи

могутъ быть только вьючными. Ширина дорогъ обыкновенно такова, что два человѣка не безъ труда могутъ по нимъ двигаться рядомъ. Вслѣдствіе характера страны, на нихъ множество крутыхъ спусковъ и подъемовъ, достигающихъ часто 30 — 35°. Всѣ дороги покрыты толстымъ слоемъ мелкихъ камней, кремней, известняка, загромождены обломками скалъ, требующими обходовъ, и вообще представляютъ много трудностей для движенія по нимъ.

Главными путями сообщенія отъ Массовы вглубь страны являются слѣдующіе. Отъ нея собственно идутъ два пути: одинъ главный и прямой черезъ Сенафе на Адиграть, и другой, болѣе кружный, черезъ Дебарое и Гундетъ на Адую.

Отъ Адиграта дорога развѣтвляется на три пути:

1) Путь на Адую, Аденкамо, Тамбеліе и далѣе на Гондаръ.

2) Путь на Алибетту, Сокоту и Магдалу.

3) Путь на Донголу, Макале и Акталу.

Относительно наиболѣе удобною для движенія изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ дорогъ являлась послѣдняя, которою и воспользовались итальянцы *).

Характеръ мѣстности вблизи путей—пустынный: растительность рѣдкая, травы и пастбищъ почти не встрѣчается, изъ деревьевъ попадается низкорослая мимоза. Въ долинахъ же рѣкъ встрѣчаются тучныя пастбища, плодородная почва и иногда лѣса изъ мимозъ, достигающихъ здѣсь до $1^1/_2$ саженей, тедъ—родъ кипариса, и зигвы—масличнаго дерева.

Въ водѣ, какъ мы уже сказали, недостатка нѣтъ, вслѣдствіе большого количества горныхъ рѣкъ, обильныхъ водою. Озера встрѣчаются около Гондара, изъ нихъ наибольшее—Цана.

Изъ позицій, единственно выгодныхъ для абиссинцевъ, встрѣчающихся на описанныхъ путяхъ сообщенія съ цен-

---

*) По этой же дорогѣ въ 1868 году шелъ лордъ Непиръ, почему она и получила названіе: «Британской».

тромъ страны, можно указать только на двѣ: у Адуи и Адиграта.

Населенные пункты въ странѣ состоятъ изъ городовъ, селеній и крѣпостей. Всѣ они помѣщаются, подобно орлинымъ гнѣздамъ, на вершинахъ горъ, и селенія обносятся обыкновенно оградою изъ палисада, или живою изъ кустовъ мимозы, которая представляетъ собою непреодолимое препятствіе, могущее быть уничтоженнымъ лишь огнемъ. Къ городамъ и селеніямъ ведетъ обыкновенно одна горная тропинка, которая, въ случаѣ нападеній врага, засыпается и заваливается камнями, и такъ основательно, что по минованіи опасности прокладывается уже на новомъ мѣстѣ. Постройки большею частью изъ жердей съ глиною и соломою, крытыя соломенною крышей. При домахъ имѣются обширные дворы для хозяйственныхъ надобностей и скота.

Изъ стратегическихъ пунктовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій таковыми были, какъ главные узлы путей, Адуя и Адиграть, которые тотчасъ и заняли итальянцы, основавъ между оными свой операціонный базисъ; изъ крупныхъ же городовъ слѣдуетъ отмѣтить Макале, бывшую столицу Іоанна, съ его дворцами, и Сокоту—узелъ путей сообщенія, ведущихъ въ Шоа и къ столицѣ Эѳіопіи.

Разсматривая театръ войны въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ, мы видимъ, что онъ представлялъ многія удобства итальянцамъ для устройства базиса, но что дальнѣйшее наступленіе внутри страны подвергало большой опасности операціонную линію; устройство тыла, коммуникаціонной линіи, представляло также не мало затрудненій. Продовольствіе войскъ требовало дальнихъ реквизицій, безъ дорогъ въ стороны отъ главнаго пути наступленія. Это послѣднее сильно затруднялось пересѣченною гористою мѣстностью, причемъ дороги часто представляли изъ себя дефиле, удобныя для производства засадъ и нападеній на тылъ и фланги наступающаго. Въ тактическомъ смыслѣ театръ войны давалъ слишкомъ мало выгодныхъ позицій, а

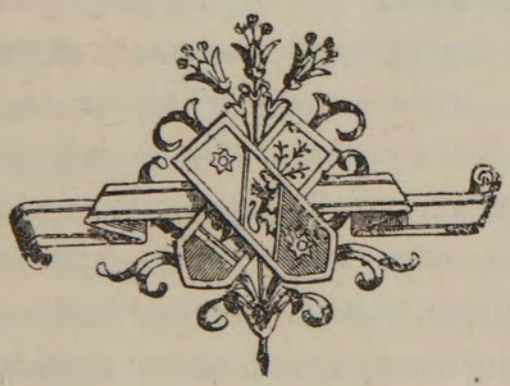
самая мѣстность затрудняла развертываніе широкаго боеваго порядка и часто сводила всѣ боевыя дѣйствія къ движеніямъ колоннами и атаками въ этой формѣ строя. Развѣдка противника также не мало затруднялась гористымъ характеромъ страны, съ одной страны дававшимъ возможность укрываться противнику, а съ другой—затруднявшимъ рекогносцировки и преслѣдованіе въ случаѣ отступленія. Эти же свойства мѣстности, вызывавшія присутствіе одной горной артиллеріи, очень замедляли какъ занятіе позиціи, такъ и снятіе съ нея и отступленіе, равно обходы, фланговыя движенія, поддержку и связь между отдѣльными колоннами.

Кромѣ всего вышесказаннаго, каменистая почва не могла не оказывать своего вліянія на совершеніе походныхъ движеній, а періодъ тропическихъ дождей, отъ мая до сентября включительно, совсѣмъ исключалъ ихъ возможность. И такъ, мы видимъ, что театръ войны представлялся крайне невыгоднымъ для наступленія, которое могло имѣть мѣсто и желаемые результаты лишь въ случаѣ введенія въ дѣло сразу соотвѣтствующаго количества войскъ, при условіи надлежащаго устройства базы и обезпеченія операціонной и коммуникаціонныхъ линій, чего, какъ мы позднѣе увидимъ, итальянцами сдѣлано не было.

Таковымъ являлся театръ военныхъ дѣйствій по отношенію къ наступающему. Каковъ же онъ былъ для обороняющагося? Вся задача этого послѣдняго упрощалась главнымъ образомъ характеромъ мѣстности. Въ виду возможности передвиженій противника лишь по незначительному числу дорогъ, представлявшихъ рядъ прерывающихся дефиле, стоило занять ихъ выходы, чтобы быть на высотѣ своего положенія, предоставивъ наступающему выбивать, и большею частью въ логъ, знакомаго съ мѣстностью и примѣнившагося къ ней противника. Невозможность для наступающаго быстро развертываться въ боевой порядокъ позволяла безнаказанно тревожить на походѣ нечаянными нападеніями и засадами. Трудность развѣдокъ для наступающаго облегчала всѣ дви-

женія для абиссинцевъ и давала возможность ставить врага въ полное невѣдѣніе относительно своего расположенія, силъ и намѣреній. Этимъ вызывалась опять-таки трудность для итальянцевъ сохраненія главнаго требованія тактики—принципа сосредоточенія силъ, то есть въ данномъ пунктѣ въ данную минуту быть сильнѣе противника, которымъ они такъ пренебрегали впослѣдствіи и за что такъ жестоко поплатились.

Можно было бы въ большихъ деталяхъ распространиться о театрѣ военныхъ дѣйствій, но характеръ этой книги, предназначенной не для одной только военной публики, а также то обстоятельство, что итальянцы недалеко на немъ ушли, позволяетъ намъ остановиться на сказанномъ, и, сводя всѣ приведенныя выше положенія, придти къ заключенію, что сама природа страны какъ бы заступалась за абиссинцевъ.



Узда абиссинскаго боевого коня.

ГЛАВА VIII.

Абиссинская армія.

Численность арміи, ея составъ.—Военная іерархія.—Комплектованіе, продовольствіе и снаряженіе войскъ.—Содержаніе оружія. — Команды и сигналы. — Отличія и награды. — Смотры начальниковъ. — Военное судопроизводство.— Крѣпости.

Численность эѳіопской арміи не можетъ быть опредѣлена со строгою точностью, но, по мнѣнію г. Леонтьева, таковая въ случаѣ крайней необходимости можетъ быть доведена до внушительной цифры — 600,000 воиновъ. Что это число не преувеличено, видно изъ того, что Эѳіопія — эта африканская Испанія, страна рыцарей и монаховъ—при населеніи своемъ въ 8 милліоновъ и при условіи возможности выставить въ поле всѣхъ способныхъ носить оружіе (отъ 18 до 50 лѣтъ),—всегда можетъ набрать указанную цифру; но эта послѣдняя находится въ прямой зависимости отъ ружей—сколько ихъ, столько и солдатъ, способныхъ бороться съ любою европейскою арміею. Къ этому нужно

прибавить, что указанная цифра, конечно, заключаетъ въ себѣ всѣхъ воиновъ, вооруженныхъ какъ огнестрѣльнымъ, такъ и холоднымъ оружіемъ. Не надо также забывать, что чрезмѣрная численность арміи пагубно отзывалась бы на экономическомъ состояніи страны, которая не обладаетъ большимъ бюджетомъ. Да въ сущности, къ этому не представляется никакой надобности. Если мы уменьшимъ вышесказанную цифру въ пять разъ, то и этого количества вполнѣ будетъ достаточно для сохраненія независимой Эѳіопіи въ полной ея неприкосновенности отъ какихъ бы то ни было притязаній, тѣмъ болѣе, что у ея ближайшихъ сосѣдей, сравнительно съ нею, ничтожное число войскъ; такъ: у англичанъ—6,000, итальянцевъ—7,000—8,000 [1]), египтянъ—30,000, французы же совсѣмъ не имѣютъ войска, кромѣ 40 человѣкъ милиціи въ Джибути. Что касается послѣдней кампаніи, то прямо приведемъ слѣдующія данныя о численности силъ императора Менелика, выставленныхъ противъ итальянцевъ въ 1895—96 годахъ.

	Пѣхота.	Кавалерія.	Артиллерія.
Собственныя войска негуса (гвардія)	30,000	12,000	32 орудія [2])
Императрицы Таиту. . .	3,000	600	—
Расъ-Маконена.	15,000	—	4 орудія.
Расъ-Микаэля	6,000	10,000	—
Расъ-Мангаши	12,000	—	6 орудій.
Расъ-Мешаша-Атикемъ . .	6,000	—	—
Расъ-Оліэ	10,000	—	—
Расъ-Аллула	3,000	—	—
Расъ-Себата.	4,000	—	—

Кромѣ этихъ войскъ оставалось:

1. Для похода въ Ауссу:

---

[1]) Т. е. цифра, которую Италія имѣла до войны.

[2]) При артиллеріи числится 4,000 чел. пѣхоты, составляющихъ ея прикрытіе и охрану.

Оруженосецъ раса.

Расъ-Уаль де-Георгисъ	8,000	пѣхоты и одно орудіе.
Уаль де-Цадикъ	3,000	
Деджазмечъ Тесама	4,000	

2. Для охраны восточной границы со включеніемъ харрарскаго гарнизона:

Расъ-Даргэ. . . .	20,000 чел. пѣхоты, съ 3 орудіями.
Гразмечъ Бантье .	

Кеньязмечъ Маконенъ... 4,000 человѣкъ пѣхоты [1]).

Для лучшаго уразумѣнія организаціи абиссинской арміи, мы начнемъ съ ея табели о рангахъ. Въ Абиссиніи существуютъ слѣдующіе чины:

Расъ—фельдмаршалъ, командующій войсками (онъ же генералъ-губернаторъ).

Ликамакуасъ—полный генералъ и генералъ-адъютантъ. Ихъ всего два; они одѣваются какъ негусъ и въ торжествахъ олицетворяютъ подчиненныхъ королей, въ случаѣ ихъ отсутствія; въ сраженіи одинъ изъ нихъ изображаетъ негуса и ѣздитъ подъ его зонтомъ, въ то время, какъ самъ онъ, въ солдатской буркѣ, никѣмъ незамѣченный, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, слѣдитъ за ходомъ боя.

Туркъ-баша—полный генералъ, начальникъ пѣхоты или, вѣрнѣе говоря, стрѣлковъ.

Уобо—начальникъ аріергарда.

Собственно говоря, уобо—не есть чинъ, а званіе, которое получаетъ одинъ изъ деджазмечей на время командованія аріергардомъ.

Деджазмечъ (деджазъ)—полный генералъ.

Фитаурари — начальникъ авангарда, генералъ-лейтенантъ.

Интересна этимологія этого слова, происходящаго изъ двухъ: фитъ—впередъ, аурари—грабить.

Кеньязмечъ—начальникъ праваго крыла, генералъ-маіоръ,

---

[1]) Не вошли сюда галасская кавалерія (30,000) и войска негуса годжамскаго Теклейманота (20,000 ружей).

Гразмечъ—начальникъ лѣваго крыла, равносиленъ чину, соотвѣтствующему нашему прежнему—бригадиру.

Баламбарасъ — комендантъ крѣпости, полковникъ. Въ составъ этого слова входятъ: амба—укрѣпленіе, расъ—голова.

Ши-алака—начальникъ тысячи.

Іамату-алака—начальникъ сотни.

Меслени—младшій офицеръ.

Разсматривая эѳіопскую табель о рангахъ, необходимо прежде всего замѣтить, что всѣ перечисленные чины и званія имѣютъ полное значеніе (такъ сказать въ европейскомъ смыслѣ этого слова) лишь по отношенію къ арміи самого негуса. Дѣйствительно, начиная отъ раса до деджазмеча включительно, у каждаго изъ этихъ высшихъ чиновъ имѣется своя рать, въ которой повторяются тѣ же чины. Но большая разница существуетъ въ положеніяхъ, напримѣръ, между кеньязмечемъ негуса и кеньязмечемъ раса, и еще большая между первымъ и кеньязмечемъ какого-нибудь деджазмеча. Отношенія между чинами одной и той же арміи чрезвычайно корректныя и достаточно характеризуются драгоміровскимъ опредѣленіемъ: „Сверху—приказаніе, снизу—послушаніе“. Отношенія между чинами разныхъ армій безразличныя, по той простой причинѣ, что они между собою никогда не сталкиваются. Такимъ образомъ, каждый расъ, устраивая свою армію, причемъ его званіе и чинъ жалуются ему негусомъ, въ свою очередь назначаетъ въ ней по своему усмотрѣнію всѣхъ чиновъ до деджазмеча включительно, но въ этотъ послѣдній чинъ производятся по представленію раса самимъ негусомъ. Каждый деджазмечъ назначаетъ чиновъ до кеньязмеча включительно, и т. д. Изъ арміи расовъ, гвардіи негуса и гвардіи императрицы Таиту образуется эѳіопская армія.

Необходимость въ отдѣльной гвардіи для императрицы вызывается крайне оригинальною особенностью, это — неуваженіемъ, которымъ въ Абиссиніи пользуется личность каждой императрицы, которая, если чѣмъ и можетъ поддержать свой престижъ, такъ это единственно хорошо орга-

низованною и дисциплинированною арміей, всюду зорко ее охраняющей. Со смертью негуса, его супругу ждетъ обыкновенно печальная участь, вслѣдствіе полнаго презрѣнія всѣхъ окружающихъ.

Комплектуется абиссинское войско путемъ вербовки. Эта послѣдняя не представляетъ затрудненій въ странѣ, гдѣ военное ремесло считается наиболѣе почетнымъ и интереснымъ занятіемъ. Стоитъ только кому-нибудь изъ расовъ кликнуть кличъ, и къ услугамъ его является столько народа, что многимъ приходится отказывать за неимѣніемъ вакансій. При этомъ нужно замѣтить, что служить идутъ охотнѣе къ тому, кто лучше кормитъ и содержитъ, причемъ инаго вида уплаты за службу не бываетъ, за исключеніемъ военнаго времени, когда солдаты дѣлятъ между собою награбленную добычу, изъ которой львиная доля достается, конечно, начальству. Ѣда служитъ такимъ могущественнымъ факторомъ въ жизни абиссинца, что можно смѣло разсчитывать на жизнь и смерть того, кого пригрѣли и накормили. Отсюда и понятно становится, что въ случаѣ возстанія или возмущенія какого-нибудь раса, за него безпрекословно сложатъ головы всѣ его люди.

Всѣ условія пріема на службу заключаются на словахъ, и завербованный обязуется прослужить сколько захочетъ, но по крайней мѣрѣ годъ; большимъ срокомъ его не стѣсняютъ, именно вслѣдствіе указаннаго перевѣса предложенія надъ спросомъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ императорская гвардія, въ рядахъ которой обязательно служатъ до полной инвалидности. Срокъ годности къ службѣ заключается между 18—50 годами.

Для содержанія арміи существуетъ система, напоминающая бывшую нашу — военныхъ поселеній. Для этой цѣли Эѳіопія дѣлится, во-первыхъ, на расства, ввѣряемыя гражданскому управленію расовъ, которые, такимъ образомъ, являются и въ роли командующихъ войсками области, и въ званіи генералъ-губернаторовъ, но съ большими, чѣмъ у

насъ, правами и преимуществами. Расъ, собирая воиновъ и назначая надъ ними начальниковъ, въ свою очередь, раздѣляетъ всю свою область на крупныя части—родъ нашихъ уѣздовъ — для генераловъ, и на болѣе или менѣе мелкіе участки, соотвѣтствующіе подвѣдомственнымъ ему низшимъ чинамъ. Начальникъ такого участка является полнымъ его хозяиномъ-администраторомъ, собирающимъ съ него доходы для содержанія своихъ воиновъ, творитъ судъ и расправу надъ жителями и вообще управляетъ ими съ неограниченными правами. Всѣ доходы со страны натурою поступаютъ на содержаніе воиновъ даннаго территоріальнаго участка, причемъ десятая ихъ часть идетъ на удовлетвореніе всѣхъ нуждъ и довольствіе войскъ безземельныхъ, присланныхъ изъ внутреннихъ областей подъ команду раса или деджазмеча негусомъ. Это административное положеніе военныхъ чиновъ имѣетъ настолько важное значеніе, что часто ихъ опредѣляютъ по количеству полученной ими земли; положимъ: такой-то получилъ тамъ-то участокъ,—значитъ, этимъ самымъ онъ уже производится въ кеньязмечи.

При этомъ по статистикѣ,—которая у абиссинцевъ, какъ и географія, находится всегда въ головѣ, — правительству точно извѣстно, сколько каждый уѣздъ или участокъ можетъ выставить воиновъ, изъ чего слѣдуетъ, что если начальникъ его даетъ меньшее количество воиновъ, чѣмъ то опредѣлено предшествующими годами, онъ навлекаетъ на себя, такъ сказать, подозрѣніе въ утайкѣ части доходовъ, за что на первыхъ порахъ ему дѣлаются негусомъ соотвѣтствующія внушенія, а въ случаѣ непринятія ихъ къ свѣдѣнію—участокъ отнимается и передается другому кандидату. Слѣдуетъ замѣтить, что разжалованія при этомъ не бываетъ и потерпѣвшіе сохраняютъ полученные ими чины.

Подобныя назначенія и производства, какъ и всѣ приказы негуса, сопровождаются оповѣщающимъ ихъ боемъ въ литавры, которыя въ Эѳіопіи являются символомъ власти и присвоиваются негусу, расамъ и деджазмечамъ. Императоръ

ихъ имѣетъ 40, расы по 30, а деджазмечи—отъ 15—20 каждый [1]).

Самое производство въ чины и назначенія не имѣютъ строгой системы и какой-нибудь ши-алака можетъ быть сразу произведенъ въ генералы; точно также случается, что порученія даются не соотвѣтственно чинамъ, и какой-

Мулъ съ литаврами.

нибудь фитаурари, участокъ или уѣздъ котораго даетъ больше продовольствія, а слѣдовательно и воиновъ, въ зависимости отъ этого можетъ получить самостоятельное назначеніе и стать во главѣ отдѣльнаго отряда.

Прямымъ слѣдствіемъ вышесказаннаго положенія, что

[1]) Отсюда понятно сильное впечатлѣніе, производимое на всѣхъ въ столицѣ Эѳіопіи боемъ литавръ—это всегда уже предвѣщаетъ или какую-нибудь невзгоду, или царскую милость.

за количествомъ воиновъ, выставляемыхъ уѣздомъ, строго слѣдитъ самъ негусъ, и является ривализація между расами, деджазмечами и т. д., въ количествѣ выставляемыхъ войскъ и, такъ сказать, щеголянье постановкою хозяйственной части, доходящее до того, что начальниками часто покупается на собственныя средства вооруженіе и снаряженіе, которое собственно должно бы выдаваться негусомъ. Какъ результатъ этого положенія является въ мирное время увлеченіе хозяйственною частью въ ущербъ строевымъ занятіямъ войскъ, которыя, строго говоря, почти отсутствуютъ въ мирное время. Это отчасти оправдывается, какъ ихъ выдрессированностью съ малыхъ лѣтъ, такъ и необходимостью отдыха войскъ, вслѣдствіе частыхъ за послѣднее время военныхъ походовъ, а также и несложностью тактическихъ эволюцій, совершаемыхъ абиссинцами.

Средства на снаряженіе и обмундированіе войскъ отпускаются негусомъ, причемъ нельзя не остановиться на весьма оригинальномъ источникѣ дохода, отнесенномъ спеціально на нужды войскъ. Въ Эѳіопіи существуетъ обычай клясться именемъ негуса, причемъ самая клятва заключается въ словахъ: „Менеликъ имутъ“, что означаетъ: „Пусть умретъ Менеликъ, если я совралъ“ [1]). Такъ какъ, тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ абиссинцамъ часто быть уличенными въ этомъ проступкѣ, то провинившихся въ клятвопреступленіи влекутъ ко дворцу негуса или раса на судилище, причемъ обыкновенно обвиняющій удерживаетъ обвиняемаго, связавъ концы его и собственнаго плащей. Если улики окажутся на лицо, то обвиняемаго приговариваютъ къ штрафу въ 120 талеровъ, и изъ такихъ пеней образуется въ результатѣ значительная сумма, идущая на обмундированіе войскъ.

Оружіе свое абиссинцы любятъ чрезвычайно и объ огне-

---

[1]) Это доказываетъ полную любовь абиссинцевъ къ Менелику тѣмъ, что смерть его какъ бы является величайшимъ несчастьемъ для страны.

стрѣльномъ заботятся больше всего. Стволы внутри обыкновенно хорошо вычищены и, хотя сборки и разборки ружья у солдатъ не существуютъ, но имѣются оружейники, могущіе это сдѣлать и починить испортившуюся часть ручнымъ способомъ; на ружьѣ помѣщается обыкновенно защемленный прицѣломъ кусокъ сала. Въ дулѣ же носится, вродѣ вѣера, пучекъ разноцвѣтныхъ волосъ, какъ для предохраненія дула отъ влаги и сырости, такъ и для украшенія ружья.

Патроны расходуются очень бережно, причемъ стрѣльба бываетъ обыкновенно очень мѣткая. Гильзы тщательно подбираются для переснаряженія ручнымъ способомъ. Изъ ружейныхъ пріемовъ существуетъ лишь одинъ — для отданія чести. На походѣ всѣ несутъ ружья, какъ имъ вздумается,—зачастую прикладомъ вверхъ.

Въ несложномъ уставѣ абиссинскихъ войскъ команды почти отсутствуютъ. Обыкновенно всѣ эволюціи исполняются по знаку или личному примѣру начальника. Сигналы, только на литаврахъ, отдаются лишь въ важные моменты боя и походной жизни, такъ напримѣръ: для атаки, сбора послѣ таковой, передъ выступленіемъ въ походъ, при объявленіи новыхъ назначеній, боевыхъ отличій и наградъ.

Боевыя отличія и награды даются исключительно лишь за военные подвиги [1]). Они состоятъ изъ слѣдующихъ видимыхъ знаковъ въ порядкѣ постепенности ихъ полученія:

1. Золотой наконечникъ на саблю.
2. Кольца на нее, по числу оказанныхъ подвиговъ [2]).
3. Лемтъ—родъ епанчи.
4. Амфара — повязка изъ львиной гривы, жалуемая за выходящій изъ ряда подвигъ [3]).
5. Серебряныя палочки, продѣваемыя черезъ головной

---

[1]) Необходимое условіе для полученія награды, чтобы подвигъ былъ засвидѣтельствованъ окружающими воинами.

[2]) Самое большое число ихъ —12—имѣетъ расъ-Маконенъ.

[3]) По значенію равняется нашему Георгію.

уборъ, съ цѣпочками на концахъ, дающіяся за завоеваніе цѣлой страны [1]).

Генераламъ за высшіе боевые подвиги даются маленькія митры.

Другихъ видимыхъ знаковъ отличія между чинами не существуетъ; офицеры же отъ солдатъ отличаются лишь богатствомъ платья. Солдатскихъ званій, соотвѣтствующихъ нашимъ унтеръ-офицерскимъ, въ абиссинской арміи не существуетъ, хотя есть званіе алака, что означаетъ — начальствующій.

Знаменъ, какъ вездѣ въ европейскихъ арміяхъ, у абиссинцевъ нѣтъ, но у расовъ имѣются военные флаги, на длинныхъ древкахъ, составленные изъ трехъ эѳіопскихъ національныхъ цвѣтовъ: желтаго, зеленаго и малиноваго.

Отданіе чести начальникамъ сопровождается игрою на трубахъ и флейтахъ [2]) и производится двояко:

а) при движеніи,—въ этомъ случаѣ воины, поднявъ ружья вверхъ прикладами, привѣтствуютъ начальника, по мѣрѣ его прохожденія, граціознымъ колѣнопреклоненіемъ, и вставъ, забѣгаютъ впередъ и двигаются вмѣстѣ съ нимъ, и

б) на мѣстѣ, — тогда всѣ войска становятся смирно и берутъ на караулъ, взявъ ружье лѣвой рукой за шейку, а правой подъ прикладъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію всѣхъ трехъ родовъ оружія эѳіопской арміи, заканчивая общій обзоръ ея устройства, скажемъ, что докторовъ и санитарнаго состава въ ней вовсе не имѣется. Что же касается интендантской и продовольственной части, то въ виду того, что она возникаетъ лишь въ военное время, мы разсмотримъ таковую при обзорѣ походныхъ порядковъ.

---

[1]) Единственнымъ кавалеромъ этого знака отличія состоитъ расъ-Уаль де-Георгисъ, получившій его за завоеваніе страны галасовъ.

[2]) Трубы «малакоты» дѣлаются изъ рода черешни съ раструбомъ изъ половины тыквы, обтянутой кожей, и имѣютъ пріятный звукъ; флейты дѣлаются изъ камыша.

Для провѣрки состоянія и готовности войскъ производятся имъ какъ бы инспекторскіе смотры, которые бываютъ или внезапные, вслѣдствіе какого-нибудь доноса, или болѣе и менѣе очередные, при объѣздѣ расомъ или деджазмечемъ его области. Осматривается обмундированіе, состояніе оружія, но безъ педантичности, которая вообще отсутствуетъ въ абиссинскихъ войскахъ.

Суды надъ проступками солдатъ производятся самими ихъ начальниками, и наказаніе слѣдуетъ немедленно за приговоромъ, причемъ за убійство слѣдуетъ смерть, а за троекратную кражу—отсѣченіе лѣвой руки.

Слѣдуетъ замѣтить, что твореніе суда и расправы есть самая священная обязанность начальника. Абиссинцы большіе сутяги; такъ напримѣръ, на походѣ начальникъ почти цѣлый день ѣдетъ на мулѣ, имѣя по правую сторону отъ себя обвинителя, а по лѣвую—обвиняемаго. Тутъ же на ходу вызываются свидѣтели и участвующія въ дѣлѣ лица. По дорогѣ поджидаютъ проѣзда начальника новые жалобщики, крича: „абіетъ, абіетъ!“ что значитъ: „выслушайте“,—и начальнику приходится все время напрягать всѣ свои силы и способности, чтобы удовлетворить истцовъ соломоновскими рѣшеніями.

Абиссинскія крѣпости имѣютъ своимъ назначеніемъ служить послѣдними редюитами для войскъ и жителей страны, складомъ богатствъ, драгоцѣнностей, военныхъ запасовъ и мѣстомъ для заключенія преступниковъ.

Крѣпостей и укрѣпленій въ европейскомъ значеніи этого слова совсѣмъ не существуетъ, а ихъ замѣняютъ неприступные пункты мѣстности, къ которымъ абиссинцы предъявляютъ слѣдующія требованія:

1. Крѣпость должна быть со всѣхъ сторонъ окружена крутымъ и глубокимъ оврагомъ, играющимъ роль рва, и соединяться лишь узкимъ перешейкомъ съ окружающею мѣстностью.

2. Въ ней долженъ существовать самостоятельный постоянный и обильный источникъ воды, который не могъ бы быть уничтоженъ или отведенъ врагомъ.

3. Укрѣпленіе должно заключать въ себѣ большую внутреннюю площадь для посѣвовъ, достаточныхъ для прокормленія гарнизона и, наконецъ,—

4. Командовать окружающею мѣстностью. Валовъ, внутреннихъ построекъ и вооруженія въ нихъ не существуетъ.

Какъ на важнѣйшія изъ крѣпостей, укажемъ на Авкра и Тамо въ Шоа, Коллашъ, Корре, Дюбалла въ Годжамѣ, Мотарра, Дабасалама въ Тигре, Магдала въ Уоло.

Въ крѣпостяхъ содержатся постоянные караулы, хотя довольно по семейному, такъ какъ часовые вѣшаютъ ружья, а сами лежатъ и занимаются пріятными разговорами или поютъ пѣсни, обыкновенно очень остроумнаго содержанія [1]). Образцомъ крѣпости можетъ служить Харраръ, обнесенный каменными стѣнами и кремальерами съ бойницами. Въ ней есть редюитъ съ большими ямами, въ которыхъ хранится ячмень и просо. На открытыхъ мѣстахъ, гдѣ можно ожидать кавалерійской атаки, передъ крѣпостями выстраиваются стѣнки до $3^1/_2$ футовъ вышиною изъ большихъ камней, и тогда уже этихъ участковъ не защищаютъ, будучи увѣрены въ ихъ неприступности.

[1]) Во время войны съ Италіей они пріурочивались къ событіямъ такъ, напримѣръ, передъ Пасхой пѣли: «Приближается праздникъ Пасхи, и потому мы вымыли нашу землю итальянскою кровью», и т. п.

ГЛАВА IX.

Тактика эѳіопскихъ войскъ.

Раздѣленіе арміи на роды оружія. — Пѣхота: ея вооруженіе, одежда, тактическія единицы, строи, боевые и бивачные порядки.—Конница.—Ея организація и снаряженіе. — Конскій составъ.—Артиллерія, какъ исключительный родъ оружія.—Ея оргинизація. — Личный составъ. — Стрѣльба.—Пороховой заводъ.—Мастерскія динамита.—Походные порядки. — Организація продовольствія въ походѣ.—Расположеніе бивакомъ. — Бой. — Построеніе боеваго порядка.—Дѣйствіе огнемъ.—Питаніе патронами.—Веденіе боя.—Взаимныя дѣйствія трехъ родовъ оружія. —Атака.—Преслѣдованіе.—Прокаженные на службѣ въ арміи.—Заключеніе.

Въ эѳіопской арміи существуютъ всѣ три рода оружія: пѣхота, кавалерія и артиллерія, причемъ послѣдняя, хотя и въ достаточномъ количествѣ, но находится еще въ состояніи зарожденія. Займемся теперь обзоромъ каждаго рода оружія отдѣльно:

Въ абиссинской пѣхотѣ, при поступленіи на службу, каждый воинъ получаетъ отъ своего начальника саблю, щитъ, ружье и патронный поясъ.

Абиссинская сабля «Горадіэ».

Сабли въ эѳіопской арміи бываютъ трехъ родовъ:

1. Такъ называемыя суданскія, обоюдоострыя, въ видѣ нашихъ русскихъ древнихъ мечей, съ крестообразными рукоятками; по всѣмъ даннымъ эти, сабли представляютъ остатки отъ португальцевъ временъ Мендеса.

2. Сабли, носящія названіе „Шоталь", изогнутаго вида (серпообразныя), для того, чтобы возможно было бить ими навѣсно чрезъ щитъ.

3. „Горадіэ"—обыкновенной формы, употребляемой въ европейскихъ войскахъ.

У всѣхъ этихъ сабель роговыя рукоятки, обыкновенно съ серебряною монетою, талеромъ Маріи-Терезіи, наверху. У знатныхъ лицъ таковыя дѣлаются изъ весьма цѣннаго носорожьяго рога.

Въ рукахъ абиссинцевъ сабли—страшное оружіе, и видѣвшіе поля сраженій послѣдней войны поражались силою ихъ ударовъ, зачастую перерубавшихъ людей пополамъ. Носятся они съ правой стороны въ кожаныхъ ножнахъ, пришитыхъ къ кожаной портупеѣ.

Щитъ „Гаша" дѣлается обыкновенно изъ кожи носорога или гиппопотама, круглый, до $^3/_4$ аршина въ діаметрѣ, съ рукояткой внутри и ремнемъ для вѣшанія на луку сѣдла съ лѣвой его стороны.

Ружья—по большей части (а именно: $^2/_5$ системы Ремингтона, $^2/_5$ Гра и $^1/_5$ Веттерли),—безъ штыковъ, которыхъ абиссинцы не признаютъ.

Одежда пѣхоты состоитъ изъ слѣдующихъ частей: рубашки изъ легкой, льняной, обыкновенно бѣлой матеріи, доходящей до колѣна, съ разрѣзами на бокахъ, съ прямымъ воротомъ и рядами маленькихъ круглыхъ пуговицъ на немъ и рукавахъ; панталоны изъ этой матеріи, доходящія до половины икры. Сверхъ рубашки одѣвается поясъ изъ тонкой, свернутой матеріи до 12 локтей длиною; онъ предохраняетъ отъ простуды, а также, туго стянутый, позволяетъ долгое время быть безъ ѣды. Сверхъ его надѣвается кожа-

ный, обыкновенно красный, патронный поясъ съ 30 гнѣздами для зарядовъ. Поверхъ этого накидывается неизбѣжный „шама“ — бѣлый плащъ изъ тонкой бумажной матеріи съ красною полосою въ $1^1/_2$ четверти. У всѣхъ воиновъ онъ одного вида, начиная отъ негуса до послѣдняго солдата. Для ношенія его имѣются особыя правила для каждаго случая: такъ, при Богослуженіи существуетъ одна форма, при явкѣ къ негусу или начальству—другая, дома—третья, на походѣ опять иная и т. д. Въ бою же плащъ свивается и обматывается кругомъ поясницы.

Отъ дождя и холодной погоды имѣется бурка изъ толстой матеріи съ прорѣзомъ для головы, оканчивающаяся конусомъ. Въ ненастье конусъ одѣвается на голову, а прорѣзъ для головы служитъ отверстіемъ для лица; въ менѣе дурную погоду голова остается открытою, а конусообразный конецъ бурки лежитъ на лѣвомъ плечѣ. Большинствомъ офицеровъ въ видѣ отличія носятся шкуры и шелковыя рубашки. Головные уборы и обувь отсутствуютъ; вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства у каждаго воина на патронномъ поясѣ имѣется карманъ, гдѣ хранятся шильце и щипцы для выниманія занозъ. Нужно также замѣтить, что рубашка не всегда составляетъ необходимую принадлежность одежды. Она снимается обыкновенно въ жаркую пору года, а также при исполненіи служебныхъ обязанностей у высшаго начальства, что является какъ бы символомъ рабства.

Необходимою же принадлежностью каждаго воина является шейный крестъ, или по крайней мѣрѣ—шнурокъ отъ него, и ладонки съ молитвами отъ всякихъ напастей: холеры, чумы, раны пикою и т. п.

Тактическое раздѣленіе пѣхоты бываетъ на сотни и тысячи, а въ хозяйственномъ отношеніи—на звенья отъ 5—6 и до 10 человѣкъ въ каждомъ.

Строи бываютъ: разсыпной съ замѣчательно искуснымъ примѣненіемъ къ мѣстности; развернутый и колоннами—для атаки, причемъ число шеренгъ произвольное; наконецъ, для

похода строя нѣтъ; каждый идетъ, какъ и гдѣ ему угодно; держится лишь общее направленіе по начальнику, а въ нѣсколькихъ колоннахъ по начальнику направляющей колонны. При появленіи непріятеля боевой порядокъ изъ походнаго перестраивается изумительно быстро, причемъ весь составъ отряда, кромѣ воиновъ, т. е. женщины, мулы, словомъ—всѣ осаживаютъ назадъ. Боевой порядокъ строится, какъ показано на прилагаемомъ чертежѣ.

Авангардъ.
Фитаурари.

Лѣвое крыло.
Гразмечъ.

Правое крыло.
Деджазмечъ.

Негусъ или расъ.
Аріергардъ.
Уобо.

Точно такимъ же образомъ, только безъ осаживанія обоза назадъ, перестраиваются и становятся лагеремъ при остановкѣ бивуакомъ, причемъ фронтъ его и направленіе обозначается раньше всѣхъ разставляемою палаткою начальника отряда. При снятіи съ бивуака сначала снимается авангардъ, потомъ правое и лѣвое крылья, затѣмъ начальникъ со своею колонной и, наконецъ, аріергардъ, такъ что каждый отрядъ составляетъ до пяти колоннъ, двигающихся одна за другою въ извѣстномъ, болѣе или менѣе незначительномъ (не болѣе одной версты) другъ отъ друга разстояніи.

Наконецъ, въ сраженіи послѣ атаки, по бою въ литавры, всѣ собираются къ начальнику.

Абиссинскіе всадники вооружены и одѣты точно такъ же, какъ и пѣхота, оружіе и костюмъ которой были выше подробно разсматриваемы, причемъ ружья имѣются только у абиссинской конницы. Большая и лучшая часть ея, галасы, ружей не имѣютъ, но взамѣнъ ихъ есть у каждаго всадника по два копья, называемыя Торъ. Каждое изъ нихъ длиною въ сажень вмѣстѣ съ древкомъ, изъ прямого, мѣстнаго дерева. На древкѣ насаженъ наконечникъ въ $^3/_4$ аршина, оканчивающійся обоюдоострымъ, въ формѣ кинжала, копіемъ

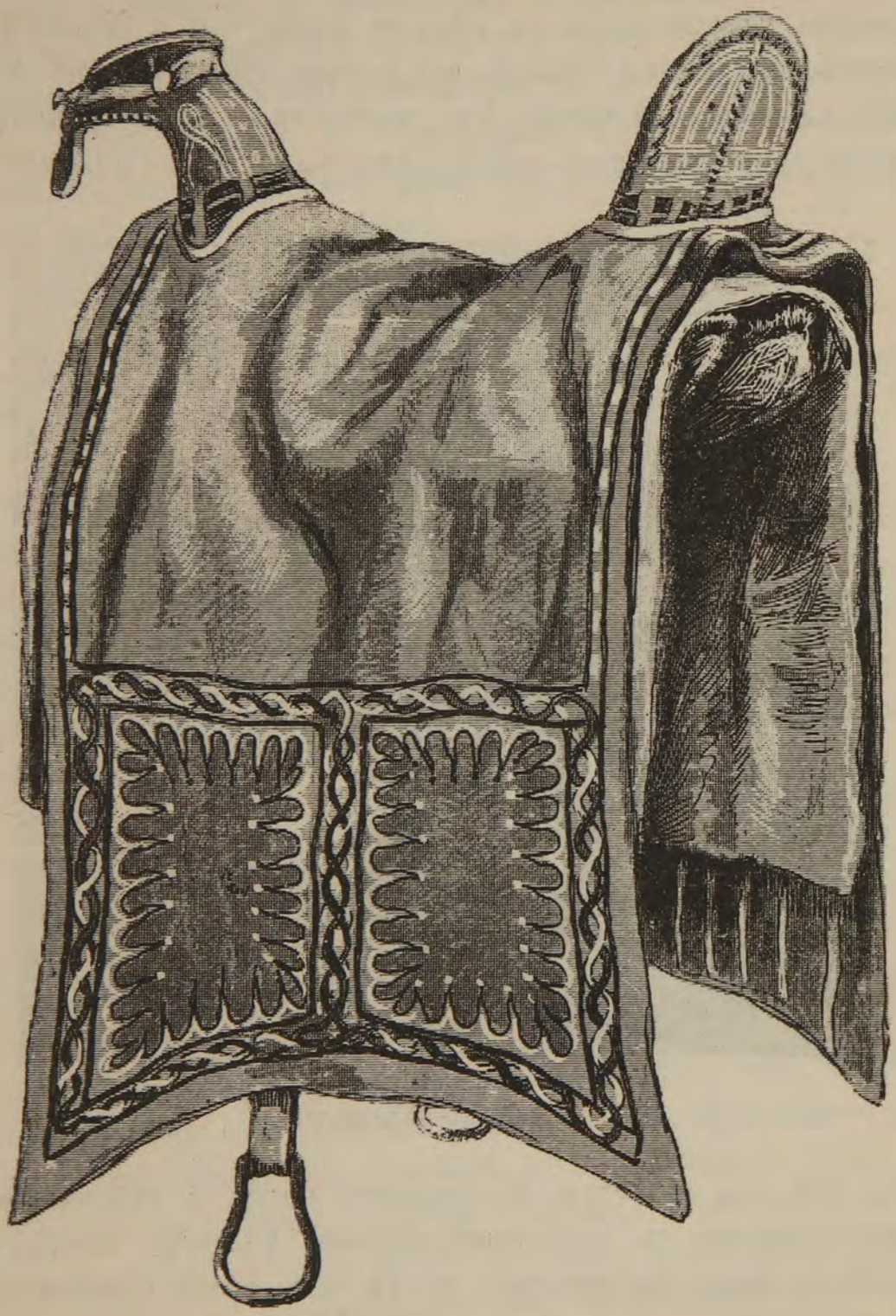
съ продольными на немъ выступами. Копья отличаются между собою только вѣсомъ и мечутся на атакѣ первое шаговъ за 70 передъ шокомъ, а второе въ моментъ его. Эти эволюціи производятся съ рѣдкою ловкостью и силою, и кавалерійскаго копья страшно всѣ боятся. При этомъ въ Абиссиніи сложилось понятіе, что магазинное ружье равняется 4-мъ копьямъ, но пять копій—уже выше его. Сила ихъ та-

Галасскій кавалеристъ.

кова, что они зачастую пробиваютъ щиты, а дѣйствіе ихъ можно сравнить съ подготовительными ударами двухъ таранов о живое препятствіе, послѣ чего врагъ принимается уже въ сабли.

Къ снаряженію абиссинской конницы относится еще и сѣдло, арабскаго образца, съ двумя высокими луками и ко-

жанымъ безъ сталокъ потникомъ; на лошадь надѣвается также чепракъ или попона, подъ потникъ или на него.



Абиссинское сѣдло.

Сѣдло состоитъ изъ деревяннаго ленчика, на который

надѣвается подушка изъ густой бараньей шкуры съ прорѣзами для лукъ [1]).

Стремена приспособлены лишь для упора большого пальца ноги съ его суставомъ. Подпруга одна, довольно широкая. Уздечки нѣтъ, одинъ строгій мунштукъ, съ кольцомъ вмѣсто цѣпочки и толстыми кожаными, кручеными поводьями, оканчивающимися родомъ прямой рукоятки—что позволяетъ бросать поводья и сейчасъ же ихъ хватать, не теряя времени на выравниваніе и разборку ихъ.

Организація кавалеріи та же, что и пѣхоты, причемъ, такъ какъ прототипомъ эѳіопской конницы послужила галасская—то команды остались въ ней на галасскомъ языкѣ. Единственный ея строй для атаки—развернутый въ одну шеренгу, на походѣ же идутъ по три, четыре въ зависимости отъ ширины пути, причемъ очень хорошо равняются по переднимъ.

Абиссинская конница сидитъ на прекрасныхъ галасскихъ лошадяхъ маленькаго роста (до 2-хъ вершковъ), по типу очень подходящихъ къ арабской породѣ, отличаясь отъ нея широкою костью и болѣе развитымъ крупомъ. Обладая необыкновенно крѣпкими ногами, лошади эти чрезвычайно выносливы, никогда не подковываются, причемъ, при случайномъ заламываньѣ, копыта быстро отполировываются о мелкіе камни дорогъ. Къ недостаткамъ ихъ принадлежатъ довольно высокія бабки, отчего они порядкомъ-таки тряски. Лучшія лошади считаются сѣрой масти, какъ имѣющей больше породы. Рыси, какъ алюра, не существуетъ, а замѣняетъ ее короткій (меньше манежнаго) галопъ. Грива у лошадей зачесывается на правую сторону, такъ какъ съ этой стороны, вслѣдствіе способа ношенія оружія, всегда садятся эѳіопскіе всадники.

Главный кормъ коня составляютъ ячмень и трава; на походѣ же дается при случаѣ и мука.

---

[1]) У офицеровъ эти подушки дѣлаются изъ дорогой шелковой матеріи.

Уходъ за лошадью, какъ за боевымъ товарищемъ, очень тщательный, причемъ, подобно персіанамъ и арабамъ, абиссинцы чистятъ ихъ руками—массажируя коней. Для приданія же блеска шерсти, лошадямъ даютъ горохъ и соль [1]). Нужно замѣтить, что на коня въ Эѳіопіи смотрятъ только какъ на боевое животное, почему на походѣ ведутъ его въ поводу

Абиссинская конница.

оруженосцы, а для передвиженій употребляются мулы. Садятся же на лошадь или въ виду непріятеля, или чтобы поиграть въ „гуксъ“ [2]), или просто погарцовать для разнообразія на походѣ.

Какъ въ мирное, такъ и въ военное время лошадь по-

---

[1]) Иначе говоря, кормятъ лошадей деньгами, такъ какъ таковыя составляетъ соль.

[2]) Игра вродѣ «поло», въ которой участники бросаютъ другъ въ друга палками и защищаются щитами.

мѣщается вмѣстѣ съ воиномъ или дома, или въ палаткѣ, причемъ обыкновенно привязывается за заднюю ногу; при пастьбѣ же въ полѣ другой конецъ веревки привязывается къ шеѣ.

Общее количество абиссинской конницы можетъ быть опредѣлено въ 40 тысячъ коней, и этотъ родъ оружія считается въ Эѳіопіи самымъ дѣйствительнымъ.

Абиссинская артиллерія, большею частью горная, состоитъ изъ 44 орудій [1]), изъ которыхъ 32 системы Гочкисса, 37 миллиметровъ съ унитарнымъ снарядомъ. Въ числѣ этихъ орудій находятся три бронзовыя пушки—подарокъ французскаго короля Людовика-Филиппа. Имѣются въ числѣ ихъ и 3 митральезы (изъ нихъ двѣ системы Максима), причемъ одна изъ нихъ находится у короля годжамскаго Теклеймана, а другая—у расъ-Маконена.

Въ Харрарѣ также находятся 4 крупповскихъ орудія, взятыхъ абиссинцами у султана Аббдулахи, всѣ же остальныя орудія находятся у негуса, гдѣ стоятъ выровненныя на обширномъ дворцовомъ дворѣ и содержатся всегда въ полной исправности.

Нужно добавить, что кромѣ подарка французскаго короля, всѣ остальныя орудія приспособлены для перевозки, каждое на трехъ мулахъ, при прекрасномъ устройствѣ вьюковъ, причемъ на одномъ мулѣ перевозится орудіе, на второмъ—лафетъ и на третьемъ—колеса и принадлежность. На каждое орудіе въ складахъ имѣется по 100 зарядовъ; тамъ собрано также много запасовъ пороха и динамита.

Динамитъ между прочимъ долгое время хранился въ подпольѣ дворца негуса, какъ разъ надъ той комнатой, гдѣ судилище Менелика. Онъ уже началъ бурѣть и вѣроятно въ одинъ прекрасный день не только отъ дворца, но и отъ всей столицы ничего бы не осталось, если бы его во время

---

[1]) Послѣ пораженія итальянцевъ подъ Адуей, эѳіопская артиллерія обогатилась еще 72 пушками.

не осмотрѣлъ, при томъ случайно, г. Леонтьевъ и не распорядился перенести на сосѣднюю съ городомъ гору, Энтото, гдѣ и устроили для него хранилище. Динамитъ былъ выписанъ главнымъ образомъ для взрыва скалъ при расчисткѣ дорогъ, послѣднее же время служилъ лишь для рыбной ловли, сопряженной, такимъ образомъ, съ явною опасностью для жизни, такъ какъ, прежде чѣмъ бросить въ воду патроны, зажигаютъ фитиль. Патронъ рвется на водѣ, оглушенная, убитая рыба въ массѣ всплываетъ на поверхность, и ловкіе пловцы, десятками, бросаясь за ней, складываютъ добычу къ ногамъ старшаго.

Личный составъ артиллеріи и вся ея матеріальная часть находится подъ вѣдѣніемъ ликамакуаса Аббато, молодого человѣка 35 лѣтъ, хорошо ознакомленнаго съ сущностью артиллерійскаго дѣла. Помощникомъ его по завѣдыванію артиллеріею состоитъ евнухъ негуса Бальдерра—онъ же хранитель царскаго имущества.

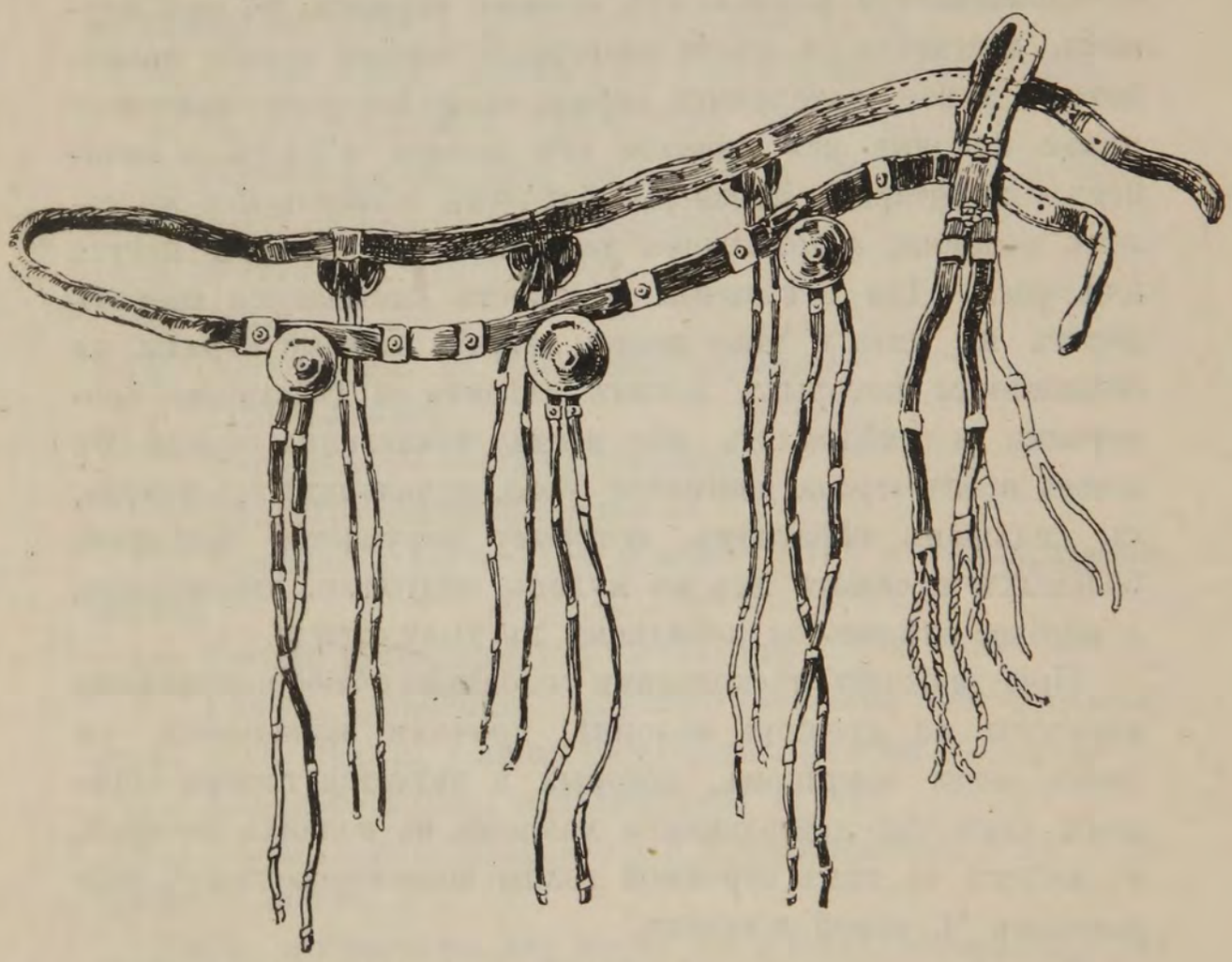
Личный составъ артиллеріи обученъ съ претензіею на европейскій образецъ, и артиллеристы практически хорошо ознакомлены со своимъ дѣломъ; одѣты они въ европейскіе красные мундиры, зеленыя панталоны и зеленыя съ красною полосою чалмы.

Практической стрѣльбы не существуетъ, но въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ на Пасху, производится салютаціонная пальба боевыми снарядами, причемъ цѣлью для стрѣльбы выбирается скала въ трехъ верстахъ отъ Энтото, дающая при попаданіи клубы бѣлой пыли. Интересно, что при этомъ стрѣляютъ черезъ находящуюся на пути деревню, жители которой предупреждаются о торжествѣ, происходящемъ всегда въ присутствіи негуса, его свиты и всего населенія Энтото, и деревня пустѣетъ до окончанія забавы.

Саперъ, какъ отдѣльнаго рода оружія, не существуетъ совсѣмъ; единственный родъ шанцеваго инструмента пред-

ставляютъ топоры съ узкимъ лезвіемъ, которыми умудряются рубить большія деревья, а также и копать землю.

Необходимо также упомянуть, что въ Анкоберѣ былъ устроенъ патронный заводъ подъ наблюденіемъ итальянскаго инженера Капуччи, который, къ несчастью, сгорѣлъ передъ началомъ войны [1]), то есть именно тогда, когда въ немъ



Сбруя абиссинскаго боеваго коня.

ощущалась наибольшая потребность. Теперь же въ Энтото существуетъ маленькій ручной патронный заводъ для изготовленія гильзъ въ 12 пріемовъ и ручная машина для переснаряженія уже стрѣлянныхъ гильзъ.

Въ столицѣ Энтото, или вѣрнѣе—Аддисъ-Абаба, имѣются также мастерскія, гдѣ дѣлаются всѣ исправленія матеріаль-

[1]) И какъ говорятъ, не случайно.

ной части, доступныя ручному труду, поправляется оружіе и изготовляются сабли, щиты и сѣдла, для чего содержится цѣлый штатъ оружейниковъ, слесарей, столяровъ и сѣдельниковъ.

Лучшіе щиты и клинки изготовляются въ Годжамѣ.

Порядокъ, въ которомъ абиссинцы выступаютъ въ походъ, обусловливается формою ихъ боеваго порядка, то есть первымъ двигается съ мѣста авангардъ, затѣмъ правое крыло, потомъ лѣвое, начальникъ отряда, около котораго образуется цѣлая колонна изъ личнаго его конвоя и слугъ, и наконецъ — аріергардъ. Кавалерія слѣдуетъ обыкновенно въ головѣ колонны, а артиллерія двигается съ колонною негуса или раса. Для освѣщенія мѣстности высылаются впередъ верстъ на пять и даже десять летучіе конные отряды, на обязанности которыхъ лежитъ слѣдить за дѣйствіями противника и увѣдомлять обо всемъ начальника отряда. Въ концѣ всего отряда двигается уобо, начальникъ аріергарда, съ сильнымъ карауломъ, которому поручается подбирать больныхъ и сажать ихъ на муловъ, подгонять отстающихъ, и вообще слѣдить за порядкомъ въ тылу отряда.

При движеніи нѣсколькими колоннами общее направленіе держится по средней колоннѣ, причемъ начальникъ ея идетъ подъ зонтикомъ, который и является такимъ образомъ какъ бы двигающимся маякомъ въ волнахъ пестрой, но вмѣстѣ съ тѣмъ стройной толпы воиновъ, женщинъ, подростковъ [1]), коней и муловъ.

Для продовольствія на походѣ, какъ и въ мирное время, воины образуютъ звенья отъ 5—6 до 10 человѣкъ; при каждомъ звенѣ находятся двѣ или три женщины, такъ называемыя солдатскія жены. Исторія ихъ обыкновенно такова. Разъ дѣвушка, какой бы знатной семьи она ни была, до 18 лѣтъ не выйдетъ замужъ, это считается такимъ несча-

---

[1]) Обыкновенно сыновей, лѣтъ 12—14, несущихъ ружья своихъ отцовъ.

стіемъ, что въ семьѣ она уже жить больше не хочетъ, рискуя остаться старой дѣвой, и въ одинъ прекрасный день исчезаетъ неизвѣстно куда. Обыкновенно, она выбираетъ себѣ воина, съ которымъ и дѣлитъ трудности походной жизни, всюду за нимъ слѣдуя.

Звенья на общій счетъ обзаводятся мулами, за неимѣніемъ же достаточныхъ средствъ, лошадьми или ослами [1]), на которыхъ везется провіантъ и часть груза.

Этотъ послѣдній состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1. Палки, служащей основаніемъ палатки.

2. Полотнища палатки изъ легкой матеріи [2]) съ отдушинами для свободнаго прохода воздуха.

3. Рядна для подстилки.

4. Запаса бѣлья.

5. Запаса зерна въ кожаныхъ сумкахъ.

6. Льняной муки.

7. Мѣшковъ съ перцемъ (барбари).

8. Мѣднаго, нелуженаго котла.

9. Желѣзнаго листа (для печенія хлѣба и поджариванія зерна).

10. Роговъ (буйволовыхъ) съ медомъ.

11. Гомбо, громаднаго круглаго кувшина для приготовленія меда (теджа) и пива (телля) изъ ячменя и солода.

12. Плоскаго камня, замѣняющаго ступку.

13. Нѣсколькихъ брусковъ соли, представляющихъ въ то же время и деньги.

Часть предметовъ для носки въ походѣ распредѣляется между воинами и ихъ женами, причемъ послѣднія несутъ на плечахъ гомбо, а на бивуакахъ приступаютъ немедленно къ приготовленію обѣда.

Довольствіе войскъ на походѣ производится слѣдующимъ образомъ.

---

[1]) Лошади и ослы въ Абиссиніи гораздо дешевле муловъ.

[2]) Въ Тигре палатки дѣлаются изъ чернаго войлока.

Начальникъ провинціи или области, по которой движется армія, заблаговременно увѣдомляется о приходѣ войскъ на ночлегъ и о мѣстѣ бивуака, и тотчасъ озабочивается доставленіемъ туда такъ называемаго „дурго",—извѣстнаго количества барановъ, быковъ, козъ, меда, хлѣба, зерна, зелени, соломы, травы, словомъ—всего, потребнаго для пропитанія людей и животныхъ. Дурго доставляется цѣлою фалангою людей, иногда человѣкъ по 200, 300, даже 500, въ зависимости отъ величины отряда и ревности начальника области, причемъ каждый несетъ что-нибудь изъ провизіи на головѣ. Весь кортежъ торжественно дефилируетъ мимо палатки начальника, и затѣмъ запасы складываются въ особо устроенный шалашъ, откуда идутъ уже въ войска. Слѣдствіемъ такого обыкновенія является движеніе арміи малыми переходами, дабы никого не обидѣть и со всей администраціи проходимой области взыскать поровну.

Кромѣ этого ежедневнаго налога на проходимую мѣстность, въ стратегическихъ пунктахъ устраиваются амбары (готора), гдѣ подъ крышею, въ громадныхъ ямахъ, вымощенныхъ камнями и замуравленныхъ сверху, помѣщаются большіе запасы зерна, на случай крайней необходимости во время военныхъ дѣйствій; подвижной же запасъ зерна везется на мулахъ вслѣдъ за отрядомъ.

Становится войско на бивуакъ, строго соблюдая форму боеваго порядка, причемъ воины съ ихъ мулами располагаются очень свободно и широко для доставленія пастбищныхъ мѣстъ скоту.

Прежде всего устанавливается палатка начальника, за которымъ располагается его конвой. Сообразно положенію палатки негуса или раса становятся авангардъ, аріергардъ, правое и лѣвое крыло, конечно, по глазомѣру, и при этомъ примѣняясь къ мѣстности и не стѣсняясь мѣстными предметами. Въ каждой изъ отдѣльныхъ колоннъ соблюдаются тѣ же правила. Это начало боеваго расположенія проходитъ черезъ всю армію до младшаго офицера включительно, у котораго

въ миніатюрѣ есть при лагерномъ расположеніи переднія, заднія и боковыя части. Быстрота расположенія бивуака и снятія съ него изумительная, причемъ каждый точно знаетъ свое дѣло, и шума, суеты и безтолочи, хотя бы и при тревогѣ, никогда въ эѳіопскихъ войскахъ не бываетъ.

Во время отдыха въ лагерѣ всегда ставится дежурный отрядъ, величина котораго зависитъ отъ степени опасности и близости непріятеля; отрядъ выставляется впереди лагеря со стороны вѣроятнаго нападенія непріятеля; начальникъ его выставляетъ отъ себя патрули по 2—3 человѣка на высокіе пункты мѣстности для наблюденія. Остальныя же части арміи сами себя охраняютъ. Абиссинцы вообще отличаются чуткостью и по ночамъ очень мало спятъ.

Когда на походѣ получается извѣстіе о появленіи противника, отрядъ быстро перестраивается въ боевой порядокъ; обозъ остается верстахъ въ двухъ сзади, а конница переѣзжаетъ на болѣе угрожаемый флангъ. Въ случаѣ же, если появляется противникъ въ незначительномъ количествѣ, атаковать его поручается авангарду или одному изъ крыльевъ, а походное движеніе продолжается по прежнему.

Когда отрядъ построится въ боевой порядокъ, всѣ части его разсыпаются для дѣйствія огнемъ, причемъ замѣчательно примѣняются къ каждому камню или закрытію, открывая мѣткій огонь обыкновенно никакъ не далѣе 600 шаговъ, и безъ установки прицѣла, перемѣняя лишь точку прицѣливанія. Съ этой дистанціи стрѣляютъ, употребляя постоянный прицѣлъ. На закрытіяхъ абиссинцы не долго задерживаются, неудержимо стремясь впередъ, чтобы какъ можно скорѣе сойтись съ врагомъ въ рукопашную, которую они и считаютъ собственно настоящимъ боемъ.

Во время огня, не особенно частаго, такъ какъ на руки выдается всего по 30 или 40 патроновъ на человѣка [1]),

[1]) Въ зависимости отъ экспедиціи; такъ, при выступленіи въ походъ противъ племени Аламо было дано только по 15 патроновъ на человѣка.

питаніе патронами дѣлается при посредствѣ муловъ, подводимыхъ къ войскамъ изъ обоза и навьюченныхъ свертками съ патронами, по 2,000 на каждомъ. Тогда воины бросаются къ муламъ, разрѣзаютъ кожаныя сумки и быстро разбираютъ патроны.

Управленіе боемъ въ этомъ періодѣ еще остается въ рукахъ начальниковъ, находящихся посрединѣ своихъ частей, по которымъ воины и равняются. Когда назрѣлъ моментъ общей атаки, къ ней подается сигналъ негуса или расовъ жестокимъ боемъ въ литавры, и войска, въ томъ порядкѣ, въ какомъ шли, устремляются на непріятеля, стараясь охватить его съ обоихъ фланговъ. Кавалерія при этомъ несется лавою, стараясь заскакать въ тылъ и меча передъ шокомъ свои губительныя копья.

Послѣдній рѣшительный ударъ наноситъ колонна начальника, къ которой стремятся присоединиться всѣ отдѣльные воины, почему-либо оставшіеся не у дѣла. Всѣ бѣгутъ защищать своего начальника, и, окружая его компактною массою, устремляются на врага. Какъ только абиссинцы сойдутся съ нимъ грудь съ грудью, начинается настоящая вакханалія войны. Это уже не люди, а разсвирѣпѣвшіе, голодные тигры, жаждущіе крови и, что называется, вычитающіе безъ остатка въ случаѣ успѣха. Все гибнетъ подъ ударами ихъ сабель и мечей. Плѣнные, если бываютъ, то лишь при большомъ количествѣ непріятеля, когда его устаютъ избивать, иначе, кромѣ грудъ обезображенныхъ тѣлъ, ничего не остается на полѣ сраженія, и надъ несчастными жертвами войны, какъ тризна, звучитъ побѣдная военная пѣсня абиссинцевъ:

«Пойте, коршуны, пойте!
Въ пищу вамъ готово
Тѣло человѣческое!»

Нужно замѣтить, что передъ самою атакою раздается гиканье и вопли изъ обоза. Это крики женщинъ и дѣтей, воодушевляющихъ своихъ мужей и отцовъ. Отсюда стано-

Походъ абиссинскихъ войскъ.

вится понятнымъ, отчего абиссинцы неохотно отступаютъ и дерутся, какъ львы: они знаютъ, что съ ихъ бѣгствомъ сопряжены безславіе и тяжелый плѣнъ ихъ женъ и семействъ.

Но, конечно, при атакѣ можетъ случиться, что успѣхъ перейдетъ на сторону непріятеля, тогда абиссинцы разсыпаются въ разные концы и собираются въ разбродъ къ своему начальнику. Поэтому въ эѳіопской арміи трудно устраивать какіе-либо шахматные ходы въ бою или жертвовать какою-нибудь частью, для спасенія другой или всего отряда. Иниціатива начальника въ данномъ случаѣ сводится къ нулю; но за то не бываетъ напрасной гибели людей. Инстинктъ подсказываетъ каждому, что ему надо дѣлать, и безсмысленное приказаніе начальника остановиться, напримѣръ, когда бы это повело къ неминуемой гибели, никогда не было бы исполнено его воинами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, чтобы у абиссинцевъ на практикѣ не примѣнялись демонстраціи. Возможность ихъ обусловливается всегдашнею любовью ихъ къ бою, но вмѣстѣ съ тѣмъ они никогда не переходятъ границъ самосохраненія и благоразумія.

Когда побѣда въ рукахъ, и начинается преслѣдованіе бѣгущаго въ смятеніи врага, толпы женщинъ съ гомбо (кувшинами, наполненными пивомъ, медомъ или водою) въ рукахъ бросаются въ ряды побѣдителей, ставятъ на землю свои ноши, къ которымъ припадаютъ измученные и жаждущіе воины, а сами устремляются ловить бѣгущихъ и забирать ихъ въ плѣнъ, что выполняютъ съ большимъ успѣхомъ.

Нужно замѣтить при этомъ, что отсутствіе главнаго резерва всегда мѣшаетъ воспользоваться абиссинцамъ плодами побѣды въ смыслѣ дальняго движенія впередъ.

Заканчивая разсмотрѣніе тактики эѳіопскихъ войскъ, скажемъ, что трудная сторожевая служба въ арміи негуса возложена на особый отрядъ, составленный изъ прокаженныхъ и помѣщаемый въ отдѣльномъ лагерѣ. Вслѣдствіе существующаго въ странѣ повѣрія, что проказа излечивается

отъ ночнаго бодрствованія, они спятъ днемъ, а ночью сторожатъ войска отъ нечаяннаго нападенія, причемъ утромъ будятъ лагерь, исполняя стройнымъ хоромъ мелодичный гимнъ, соотвѣтствующій нашему генералъ-маршу. Нельзя не видѣть въ этомъ фактѣ крайне гуманнаго отношенія къ этимъ несчастнымъ, которымъ не только дается право на существованіе, но и полная возможность, какъ и другимъ воинамъ, служить столь любимому ими своему отечеству.

Такимъ образомъ во время войны прокаженные играли роль какъ бы капитолійскихъ гусей, съ тою разницей, что тѣ Римъ спасли, а эти—наоборотъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что эѳіопская армія представляется прекраснымъ военнымъ матеріаломъ, но трудно въ то же время сказать положительно, могутъ-ли быть привиты къ ней дисциплина и порядки европейскихъ регулярныхъ войскъ. Абиссинскіе солдаты очень хороши въ горной войнѣ и при условіи дѣйствія въ открытомъ полѣ, но при штурмѣ крѣпостей и укрѣпленій могутъ оказаться несостоятельными передъ силою артиллерійскаго и ружейнаго огня и преодолѣваніемъ такихъ препятствій, какъ рвы, каменныя стѣны и валы. Къ дальнимъ экспедиціямъ они безусловно способны, но для осуществленія ихъ необходимо иное устройство продовольственной части, безъ которой будетъ немыслимъ никакой большой походъ по странѣ, въ которой нельзя продовольствовать войска реквизиціями. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ государства, конечно, будутъ прогрессировать и его военныя силы, съ которыми во всякомъ случаѣ придется считаться въ Африкѣ всѣмъ тѣмъ націямъ, которыя захотятъ посягнуть на самостоятельность и права Абиссиніи, вошедшей теперь уже въ семью самостоятельныхъ государствъ.

ГЛАВА X.

Приготовленія Менелика къ походу противъ итальянцевъ.—Народное настроеніе.—Устройство базы. — Манифестъ негуса о войнѣ. — Мѣры къ сохраненію порядка въ странѣ.—Регентъ ея расъ-Даргэ.

Рѣшивъ вступить въ борьбу съ Италіею негусъ, не медля, сталъ приготовляться къ походу. Для увеличенія металлическаго фонда императоромъ былъ введенъ въ странѣ новый налогъ: каждая пара быковъ была обложена талеромъ. Всѣмъ расамъ были разосланы циркуляры, приглашавшіе ихъ сдѣлать воззваніе въ подвѣдомственныхъ имъ провинціяхъ, дабы каждый изъ абиссинцевъ помогъ чѣмъ можетъ для великаго дѣла защиты своей родины. Ближайшій надзоръ за сборомъ пожертвованій былъ возложенъ на шумовъ (родъ на-

Оголовье абиссинск. боеваго коня.

шихъ старшинъ). Запасы же вещами, хлѣбомъ и деньгами сосредоточивались у расовъ, откуда уже направлялись къ негусу. Для того, чтобы считать деньги, по приказанію Менелика были устроены квадратные сундуки вмѣстимостью каждый на 5,000 талеровъ, куда деньги высыпались мѣрами. Въ очень короткій срокъ однѣхъ денегъ было собрано до двухъ милліоновъ талеровъ. Нужно замѣтить, что патріотизмъ въ Эѳіопіи передъ войною достигъ размѣровъ, сдѣлавшихъ бы честь любой европейской націи. Необыкновенный подъемъ духа нисколько не умалялся сознаніемъ предстоявшей опасности. А насколько большою она представлялась въ глазахъ абиссинцевъ явствуетъ изъ того, что всѣ шли въ походъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что идутъ на вѣрную смерть. „Пойдемъ умирать", „всѣ мы умремъ" — вотъ фразы, которыя слышались со всѣхъ сторонъ въ войскѣ, но въ то же время на ряду съ ними звучали и энергичныя слова: „пока живъ хоть одинъ изъ насъ, итальянцамъ не владѣть нашею землею". Вскорѣ (въ концѣ августа) въ Абиссинію стали прибывать усиленные транспорты съ оружіемъ, причемъ большую часть его, за недостаткомъ животныхъ, отъ Джибути несли на рукахъ галасы, таща каждый по три, по четыре ружья. Были караваны по 60,000 штукъ. По опредѣленію купцовъ, всего закуплено было болѣе 130,000 ружей, что съ имѣвшимися прежде въ странѣ составляло до 250,000 ружей. Изъ нихъ ремингтоновскія ружья были отняты еще царемъ Іоанномъ, разгромившимъ Гикса-пашу, у египетскихъ войскъ. Той же системы ружья были взяты во время войны съ Годжамомъ, они же были и у тигрейцевъ. Были и итальянскія ружья, которыя, въ количествѣ 8,000, прежде были проданы абиссинцамъ черезъ посредство гр. Антонелли, а итальянцами, въ свою очередь, отняты у папскихъ войскъ. Сосредоточивались всѣ запасы въ Бурамедѣ (близь озера Аикъ), который являлся стратегическимъ пунктомъ, какъ узелъ путей, ведущихъ

внутрь страны; менѣе важными пунктами для складовъ явились Комбольджа и Орайлу.

При первомъ же извѣстіи о войнѣ къ Менелику и расамъ стало стекаться такое громадное количество воиновъ, предлагавшихъ свои услуги, что скоро многихъ пришлось, за недостаткомъ ружей, зачислить въ резервъ и считать кандидатами иногда по нѣсколько человѣкъ на ружье, причемъ строго было запрещено всѣмъ въ странѣ воевать за свой собственный счетъ. Всѣмъ же поступившимъ въ ряды дѣйствующей арміи было дано каждому по 15 талеровъ, на обзаведеніе одеждою и походными принадлежностями.

Во время приготовленій къ походу негусомъ было получено извѣстіе отъ своихъ агентовъ въ Европѣ, что итальянцы въ будущихъ своихъ дѣйствіяхъ сильно разсчитываютъ на помощь султана Аусскаго. Дабы наказать его, Менеликомъ, въ дополненіе къ главному плану кампаніи, былъ выработанъ еще дополнительный—похода на Ауссу, въ которомъ должны были принять участіе: расъ Уаль де-Георгисъ, съ 7,000 тысячами человѣкъ, деджазъ Тесама—съ 4,000 тысячами и азажъ Уаль де-Цадикъ—съ 3,000 воиновъ. Послѣдній принялъ участіе, какъ губернаторъ Анкобера, въ составъ земель котораго входили и всѣ области Данакилей, а слѣдовательно и Аусса, причемъ ему была ввѣрена вся продовольственная часть этого отдѣльнаго корпуса. Когда всѣ приготовленія были окончены, въ храмѣ Энтото было совершено митрополитомъ Аббуною торжественное богослуженіе, на которомъ испрашивалось благословеніе Божіе для начала великаго дѣла—защиты своей родины отъ нашествія врага, и 21 сентября негусъ двинулся въ походъ съ 30,000 человѣкъ пѣхоты, 12,000 конницы и 32 орудіями. Вмѣстѣ съ нимъ отправилась и императрица Таиту съ 3,000 пѣшихъ воиновъ и 600 всадниками. Маршрутъ былъ назначенъ на Рави, Данаба, Чачу, Доба, Габеденъ и пока въ Орайлу, гдѣ должна была быть остановка для приведенія въ порядокъ организаціи и сбора запасовъ. Движеніе негуса и его арміи

должно было совершаться по новой, только-что проложенной дорогѣ, и для работъ по проведенію ея было стянуто къ вышеуказанному пути множество народа.

Передъ выступленіемъ своимъ на войну императоръ оставилъ вмѣсто себя правителемъ (регентомъ) страны дядю своего расъ-Даргэ, и на случай своей смерти сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ ему права на престолъ. Въ виду же того, что расъ-Даргэ былъ уже въ очень преклонномъ возрастѣ, было также обнародовано это право и для его старшаго сына.

Кромѣ войскъ негуса и императрицы, для участія въ войнѣ противъ итальянцевъ двинулись:

Изъ	Харрара—расъ-Маконенъ съ . . .	15,000 и 4 оруд.
„	Гондара—Мешаша Атикемъ . . .	6,000
„	Уоло—расъ-Микаэль	16,000
„	Эджу—расъ-Оліэ	10,000
	Что давало въ суммѣ	47,000 и 4 оруд.

Если же принять въ соображеніе силы расъ-Мангаши и расъ-Аллулы, отступавшихъ передъ итальянскими войсками, доходившія до 18,000, при 6 орудіяхъ, получится вмѣстѣ съ войсками негуса внушительная цифра въ 112 тысячъ человѣкъ, при 44 орудіяхъ.

Когда было рѣшено объявить войну Италіи, императоръ Менеликъ издалъ своему народу слѣдующій манифестъ, въ которомъ энергія и твердость соединялись съ упованіемъ на Божію помощь въ предстоявшемъ трудномъ дѣлѣ—защиты родины отъ иноземнаго нашествія.

„Внемлите мнѣ и пусть глухота постигнетъ враговъ нашей вѣры и родины нашей. Внемлите мнѣ и пусть глухота постигнетъ враговъ Менелика, государя вашего. Внемлите мнѣ и пусть глухота постигнетъ враговъ Дѣвы Маріи! Господь по сіе время милостиво оберегалъ нашу Эѳіопію. Онъ позволилъ намъ побѣдить враговъ нашихъ и вновь возстановить наше отечество. Милостью Божіей я царство-

Смотръ негуса войскамъ передъ выступленіемъ въ походъ противъ итальянцевъ.

валъ по сіе время, но я не стану горевать о своей кончинѣ если близокъ мой конецъ, ибо смерть—общій удѣлъ нашъ. Но до сихъ поръ Господь ни разу не подвергалъ меня униженіямъ и Онъ этого и впредь не совершитъ. Изъ за моря пришли къ намъ враги, они нарушили неприкосновенность нашихъ границъ и стремятся уничтожить нашу вѣру, наше отечество. Я все переносилъ и долго велъ переговоры, чтобы пощадить нашу страну, которой такъ жестоко приходилось страдать въ послѣдніе годы. Но врагъ неустанно идетъ впередъ; онъ, дѣйствуя на подобіе крота, грозитъ нашей землѣ и нашему народу. Теперь довольно! Уповая на Триединое Божество, я собираюсь выступить въ защиту страны и дать отпоръ врагу. Пусть всякій, у кого есть силы, слѣдуетъ за мною, а тѣ, кому силы измѣнили, пусть молятся за успѣхъ нашего оружія. Вотадарсы [1]) должны всѣ собраться въ главную квартиру у Джарона, а фанносы [2]) поспѣшно запастись продовольствіемъ, дабы всѣхъ моихъ шумовъ [3]) можно было бы призвать къ оружію. Оставаться дома никто не долженъ, ибо всѣ обязаны выступить въ походъ въ защиту отечества и домашняго очага. Я хочу видѣть вокругъ себя всѣхъ моихъ воиновъ! Да будетъ это вамъ извѣстно".

Между тѣмъ, передъ самымъ выступленіемъ въ походъ до Менелика дошли донесенія, что въ странѣ Уоло Чана, подвластной негусу и находящейся между Абиссиніей и султанствомъ Ауссой, началось сильное броженіе умовъ подъ вліяніемъ итальянскихъ эмиссаровъ, находившихся въ Ауссѣ,—странѣ, къ которой издавна тяготѣла Уоло. Необходимо было энергично подавить мятежъ въ самомъ его зародышѣ и отбить всякую охоту къ какому бы то ни было возстанію. Съ этою цѣлью расъ-Маконенъ пригласилъ собраться къ

---

[1]) Дѣйствующія войска.

[2]) Родъ ополченцевъ.

[3]) Подвластные негусу правители, родъ нашихъ старшинъ.

нему въ Харраръ всѣхъ начальниковъ племенъ, якобы для совѣщаній по вопросамъ предстоявшей войны, и когда всѣ они, согласно обычая, разсѣлись въ кружокъ, воины расъ-Маконена по данному знаку окружили ихъ, схватили и тотчасъ же разстрѣляли. Эта мѣра быстро успокоила страну и ею только и ограничились, дальнѣйшихъ безполезныхъ жестокостей, о которыхъ трубили итальянскія газеты, совсѣмъ не было, потому уже, что въ нихъ не являлось никакой надобности, а Менеликъ никогда ничего безцѣльно не дѣлалъ.

Передъ выходомъ въ походъ была принята еще одна необходимая мѣра предосторожности для спокойствія государства. Въ виду того, что только-что завоеванная страна галасовъ представляла собою всегда готовый очагъ для волненій и возмущеній, всѣ начальники галасскихъ племенъ были собраны въ Аддисъ-Абаба и дали торжественную клятву негусу, что во все время его отсутствія въ странѣ галасовъ будетъ царить полный порядокъ, и племена будутъ разоружены и останутся при однихъ лишь копьяхъ. Кромѣ того, на кеньязмеча Маконена было возложено охраненіе дороги изъ Шоа въ Харраръ между Тедекса-Мелька и Лега-Ардимъ. Но все-таки эта мѣра предосторожности не помѣшала галасамъ племени Арусси все время сводить свои счеты съ данакилями, такъ что всѣ караваны,—въ томъ числѣ и г. Леонтьева, — должны были добираться до цѣли путешествія подъ сильнымъ конвоемъ Маконена. Одною изъ радикальныхъ мѣръ для прекращенія разбоевъ были заложники, дѣти начальниковъ племенъ, коимъ было объявлено, что въ случаѣ убійства путешественниковъ и отсутствія виновныхъ будетъ закалываться соотвѣтственное количество дѣтей.

Передъ выступленіемъ къ Менелику явился съ повинной деджазъ Гуангуль. Исторія его была такова. Онъ былъ женатъ на дочери Менелика, но тотъ, недовольный своимъ зятемъ, развелъ его съ нею и Гуангуль ушелъ въ пустыню

между Уоло и Ауссою, гдѣ занялся разбоемъ. Но лишь только онъ узналъ, что начинается война съ Италіей, какъ тотчасъ явился къ императору предложить свои услуги, съ полною готовностью сложить свою голову за родину. Растроганный Менеликъ принялъ тотчасъ же его къ себѣ на службу и произвелъ въ деджазмечи.

Итальянскія ружья.

ГЛАВА XI.

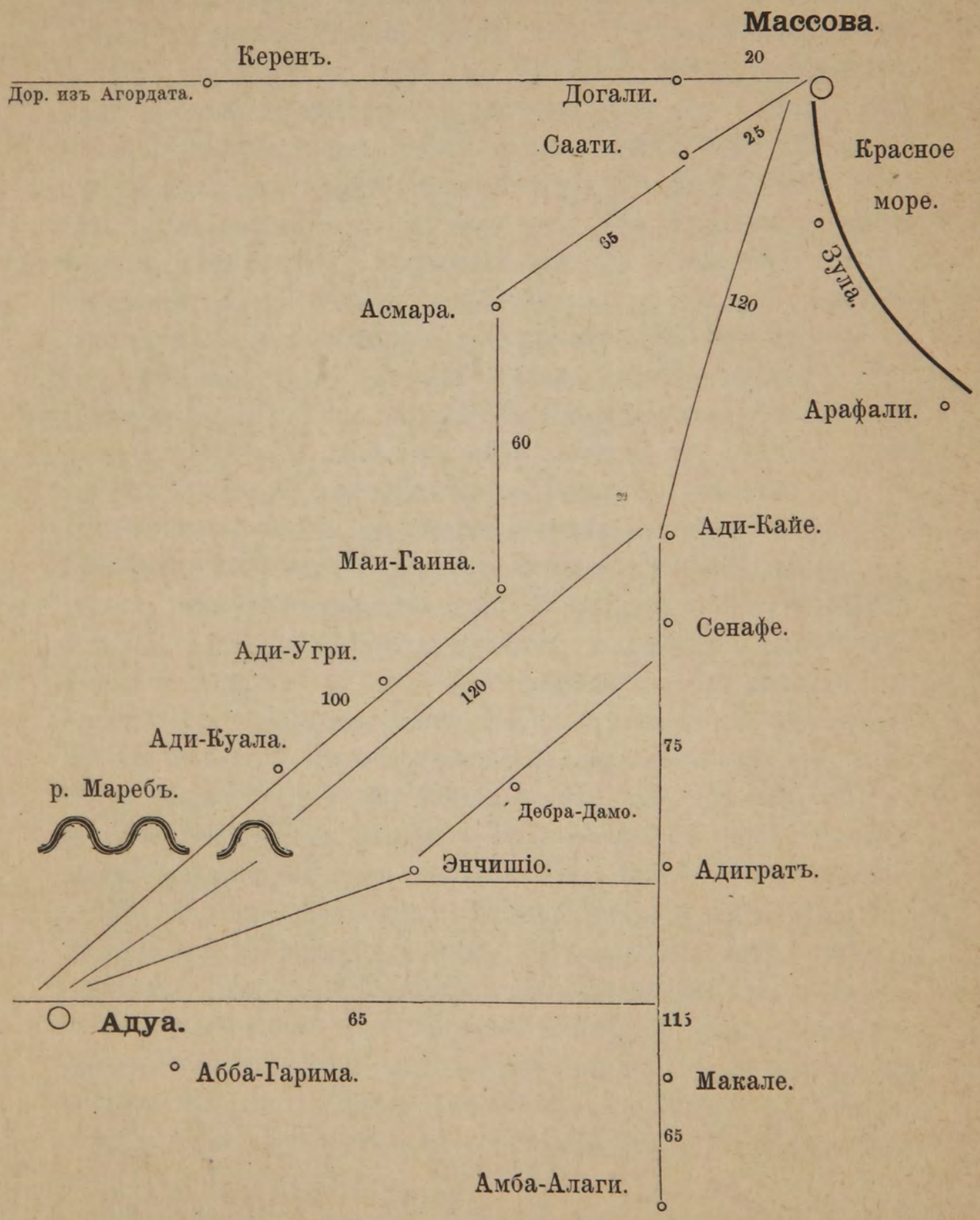
Движеніе генерала Баратіери внутрь страны. — Преслѣдованіе войскъ расъ-Мангаши. — Бой у Дебро-Айла.—Переходъ на сторону итальянцевъ расъ-Себата и деджаза Али.—Иллюзіи генерала Баратіери. — Засѣданіе палаты депутатовъ въ Римѣ и рѣшеніе по эритрейкому вопросу.—Движеніе императора Менелика къ Бурамеду. —Походная обстановка абиссинцевъ.—Родственники негуса.

Въ первыхъ числахъ октября (новаго стиля) 1895 г. генералъ Баратіери съ четырьмя батальонами черныхъ войскъ, однимъ батальономъ альпійскихъ стрѣлковъ и батареею (8 орудіями) артиллеріи выступилъ черезъ Асмару

СХЕМАТИЧЕСКОЕ

ИЗОБРАЖЕНІЕ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ВЪ АБИССИНІИ *).

(Цифры означаютъ версты).



*) Военный Сборникъ 1897 г., № 2.

въ Тигре для того, чтобы догнать отступившія войска расъ-Мангаши, и отрѣзавъ имъ путь отступленія, разбить до прибытія подкрѣпленій расъ-Маконена, расъ-Оліэ и наконецъ войскъ Менелика. Въ авангардѣ шелъ 4-й батальонъ маіора Тозелли, который по пути до Донголы имѣлъ нѣсколько незначительныхъ стычекъ съ абиссинскими разъѣздами. Это движеніе вглубь страны, какъ намъ кажется, было предпринято генераломъ Баратіери со слѣдующею цѣлью. Онъ считалъ чрезвычайно важнымъ занять Антало, во-первыхъ, какъ позицію, находящуюся на единственно возможномъ пути наступленія войскъ негуса, расположенную близь узла дорогъ, ведущихъ на югъ страны, и обезпечивающую всѣ дороги въ Тигре. Кромѣ того, занимая Антало, явилось вполнѣ возможнымъ подать руку помощи Аусскому султану и ударить во флангъ и тылъ войскамъ абиссинцевъ, на случай, если бы они пожелали завладѣть Тигре черезъ Семьенъ.

Такимъ образомъ, цѣль была поставлена вполнѣ вѣрно, но соотвѣтствовали-ли ей средства? Отрядъ состоялъ, какъ было сказано, изъ 5 батальоновъ, одной банды, двухъ 8-пушечныхъ батарей, двухъ піонерныхъ парковъ и телеграфнаго отдѣленія, т. е. всего не болѣе 6,000 человѣкъ. Съ этимъ количествомъ приходилось стать твердою ногою въ Антало и создать опорный пунктъ противъ надвигающагося непріятеля въ количествѣ болѣе 100,000 человѣкъ. Можно поставить вопросъ: какъ рисовалъ себѣ Баратіери свойство, качество и количество своего врага, но, конечно, логическаго отвѣта на него не найдется. Если даже допустить, что онъ мѣрилъ все на аршинъ побѣдъ надъ толпами плохо вооруженныхъ бандъ расъ-Мангаши, то вѣдь цѣлый рядъ итальянскихъ агентовъ и туземныхъ шпіоновъ могли ему вовремя указать, что не всѣ войска Эѳіопіи были одного качества. Мы не говоримъ уже о томъ, на какой произволъ судьбы были предоставлены сообщенія этого отряда съ его базой Адуя-Адигратъ.

На авангардъ маіора Тозелли была возложена задача

двигаться черезъ Азби, Десса, Сешетъ и выйти на британскую дорогу [1]) у Буя, дабы, отрѣзавъ здѣсь путь отступленія расъ-Мангаши, задержать его до прихода главныхъ силъ подъ личной командой генерала Баратіери. Но достигнуть этого не удалось, такъ какъ войска расъ-Мангаши частью разсѣялись, а съ остальными онъ успѣлъ отступить на Зебулъ. Вслѣдъ за нимъ былъ посланъ генералъ Аримонди съ тремя батальонами и полубатареей (4 ор.), но настигнуть расъ-Мангаши не удалось и онъ занялъ неприступную позицію въ горахъ Вогерати. Тогда генералъ Аримонди, будучи безсильнымъ что-либо противъ него предпринять, возвратился назадъ въ Антало. Но въ то же время колонна генерала Баратіери очутилась лицомъ къ лицу съ войсками расъ-Оліэ, занимавшими позицію у Дебро-Айла, въ сорока пяти верстахъ къ югу отъ Антало на пути къ озеру Ашанги. Такимъ образомъ, расъ-Оліэ являлся авангардомъ эѳіопской арміи, выдвинутымъ также слишкомъ далеко впередъ. Позиція у Дебро-Айла (прежде называвшаяся Дебро-Муза) командовала надъ дорогою изъ Тигре въ Шоа и представляла гору, на которой сходился узелъ горныхъ обрывистыхъ, извилистыхъ тропинокъ, пересѣкаемыхъ оврагами. Обладая всѣми качествами для превосходной обороны, позиція давала возможность обороняющемуся уйти съ нея по разнымъ малымъ тропинкамъ безъ всякаго риска преслѣдованія, вслѣдствіе полнаго хаоса здѣсь природы. Позиція эта была занята отрядомъ расъ-Оліэ въ 1,300 человѣкъ, причемъ часть ихъ заняла самую вершину (амба) горы Дебро-Айла, а остальная размѣстилась на нижней терассѣ. Подходившій къ горѣ авангардъ генерала Баратіери состоялъ изъ 6 ротъ туземныхъ стрѣлковъ и 4 орудій подъ командою маіора Амеліо. Онъ тотчасъ же распорядился ввезти орудія на терассы, кольцомъ огибающія Дебро-Айла и открыть

---

[1]) Такъ зовется въ Абиссиніи путь, по которому въ 1868 году двигалась экспедиція лорда Непира.

Бой при Дебро Айла.

частый огонь по непріятелю. Выстроившіяся по обѣимъ сторонамъ орудій стрѣлковыя роты открыли огонь залпами, но храбрый маіоръ Амеліо, не медля, рѣшилъ атаковать противника. Наступленіе было такъ энергично, что абиссинцы дрогнули и отступили, оставивъ на мѣстѣ боя 20 убитыхъ, много плѣнныхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ кеньязмечъ Айлахъ-Маріамъ и до 1,000 вьючныхъ животныхъ. Дѣло окончилось такъ быстро, что когда генералъ Баратіери, подходившій въ это время съ главными силами къ Антало, услышавъ перестрѣлку со стороны Дебро, послалъ туда батальонъ альпійскихъ стрѣлковъ и 3-й туземный, они подоспѣли на мѣсто боя, когда все было окончено. Разсматривая этотъ бой, мы видимъ, во-первыхъ, что расъ-Оліэ, располагавшій 10,000 воиновъ, къ Дебро-Айла направилъ ихъ всего 1,300, такъ что силы обѣихъ сторонъ были равныя, но конечно значительный перевѣсъ является у итальянцевъ, вслѣдствіе присутствія у нихъ орудій. Но и это обстоятельство не имѣло бы большого значенія на печальный исходъ боя для расъ-Оліэ. Намъ кажется, причину этого слѣдуетъ искать въ преувеличенномъ значеніи, которое въ глазахъ абиссинцевъ имѣли европейскія войска; разсказы про губительное дѣйствіе ихъ огня,—вотъ что породило панику въ ихъ рядахъ и заставило уклониться отъ рукопашнаго боя, до котораго абиссинцы такіе большіе охотники и который они съ такимъ успѣхомъ впослѣдствіи примѣняли.

Въ то же время генералъ Аримонди, преслѣдуя остатки войскъ расъ-Мангаши, дошелъ до конца Амбаладжи. Здѣсь къ нему присоединились расъ-Себатъ и деджазъ Али, передавшіеся на сторону итальянцевъ. Съ этою же цѣлью явился и шейхъ Тала, явившійся изъ Зебула съ 1,000 ружей. Всѣ они рѣшили отправиться въ Антало для выраженія покорности Баратіери. Въ довершеніе всего, расъ-Мангаши запросилъ мира, что, въ сущности, было сдѣлано для выигрыша времени. Сверхъ того, ожидались обѣщанныя капитану Персико султаномъ Аусскимъ войска.

Но итальянскій главнокомандующій изъ всѣхъ этихъ фактовъ могъ вывести успокоительное для себя заключеніе, что дѣла Менелика настолько пошли плохо, что онъ не только не отважится перейти въ наступленіе, но даже самъ запроситъ мира на выгодныхъ для Италіи условіяхъ, по которымъ ей удастся закрѣпить за собою такъ удачно захваченную страну Тигре. Это повидимому серьезное убѣжденіе въ непреложности сдѣланнаго имъ вывода изъ текущихъ событій и заставило, вѣроятно, генерала Баратіери настолько безпечно отнестись къ будущему, что онъ счелъ возможнымъ вернуться въ Массову, хотя въ Римъ послалъ донесеніе, что ѣдетъ только въ Асмару. Относительно истинныхъ намѣреній императора Абиссиніи итальянскій главнокомандующій совсѣмъ не былъ оріентированъ. Онъ предполагалъ сначала дойти даже до озера Ашанги, куда, по его предположеніямъ, должны были подойти и войска султана Аусскаго. Баратіери думалъ, что если при этомъ движеніи ему и придется имѣть съ кѣмъ-либо дѣло, то только съ силами расъ-Оліэ. Такимъ образомъ, выдвинувшись съ нѣсколькими батальонами на 600 почти верстъ отъ базы Адуя-Адигратъ, ничѣмъ не прикрывъ своей операціонной линіи, итальянскій главнокомандующій не могъ даже дать себѣ точнаго представленія, что вокругъ него происходитъ, съ какими силами придется имѣть ему дѣло, будетъ-ли наступать на него императоръ, кто изъ расовъ его поддержитъ,— все это было покрыто мракомъ неизвѣстности, и какъ мы видѣли, не особенно его и безпокоило, разъ онъ могъ оставить свой передовой отрядъ безъ всякихъ инструкцій на произволъ судьбы, и самъ возвратился въ Массову. Впрочемъ, изъ его донесенія въ Римъ отъ 5 октября видно, что на позицію у Антало онъ возлагалъ большія надежды въ томъ смыслѣ, что, укрѣпившись на ней, спокойно можно было ожидать дальнѣйшихъ событій. Конечно, этимъ выражалось непоколебимое убѣжденіе въ ничтожествѣ ожидаемаго врага, и что въ какихъ бы силахъ онъ ни наступалъ—безразлично:

горсть итальянскихъ войскъ задержитъ какія угодно полчища дикарей. Вотъ единственное объясненіе, которое можно дать донесенію, что съ нѣсколькими батальонами, выдвинутыми на такое громадное разстояніе отъ базы, окруженными населеніемъ, всякую минуту готовымъ возмутиться,—можно было спокойно ожидать дальнѣйшихъ событій. Такимъ образомъ, расъ-Мангаша, самъ того не желая, сослужилъ большую службу Менелику: по его войскамъ судили и объ остальныхъ и сообразно съ этимъ и поступали, облегчивъ побѣды абиссинцамъ.

Между тѣмъ въ Римѣ, вскорѣ послѣ удачнаго для итальянскаго оружія боя при Дебро-Айла, а именно 24 октября, въ совѣтѣ министровъ состоялось засѣданіе по вопросу объ африканскихъ дѣлахъ, подъ предсѣдательствомъ Криспи. Въ немъ участвовали: министръ Бланъ, призванный для этого изъ Флоренціи, министры Соннино и Моченни и начальникъ главнаго штаба генералъ Примерано. На этомъ своего рода военномъ совѣтѣ былъ поставленъ вопросъ: какимъ образомъ, наконецъ, твердо поставить колонію Массова, принеся въ послѣдній разъ всѣ необходимыя для того жертвы? Послѣ долгихъ преній было рѣшено наступательное движеніе еще далѣе вглубь страны, дабы, слѣдуя примѣру англичанъ въ 1868 г., дойти до Магдалы по ту сторону озера Ащанги, которая должна была быть разрушена. Это рѣшеніе было основано на полученныхъ со всѣхъ сторонъ—изъ Зейлы, изъ Джибути, изъ Массовы, отъ агентовъ изъ Шоа—достовѣрныхъ извѣстіяхъ о смерти Менелика отъ удара молніи и о начавшемся въ странѣ волненіи и безпорядкахъ. Вслѣдствіе этого и постановлено было вполнѣ воспользоваться anarchia etiopica.

Желаніе продвинуться такъ далеко вглубь страны, безъ сомнѣнія, вызывалось соблазнительнымъ примѣромъ англичанъ въ 1868 году, на который и ссылались въ засѣданіи. Но итальянскіе министры упустили изъ виду, что царь Ѳеодоръ, на котораго ополчились британцы, овладѣлъ престо-

ломъ вопреки желанію всѣхъ расовъ и страны, какъ узурпаторъ, и что расы не только не держали его стороны, но одинъ передъ другимъ щеголяли скорѣйшимъ переходомъ на сторону лорда Непира.

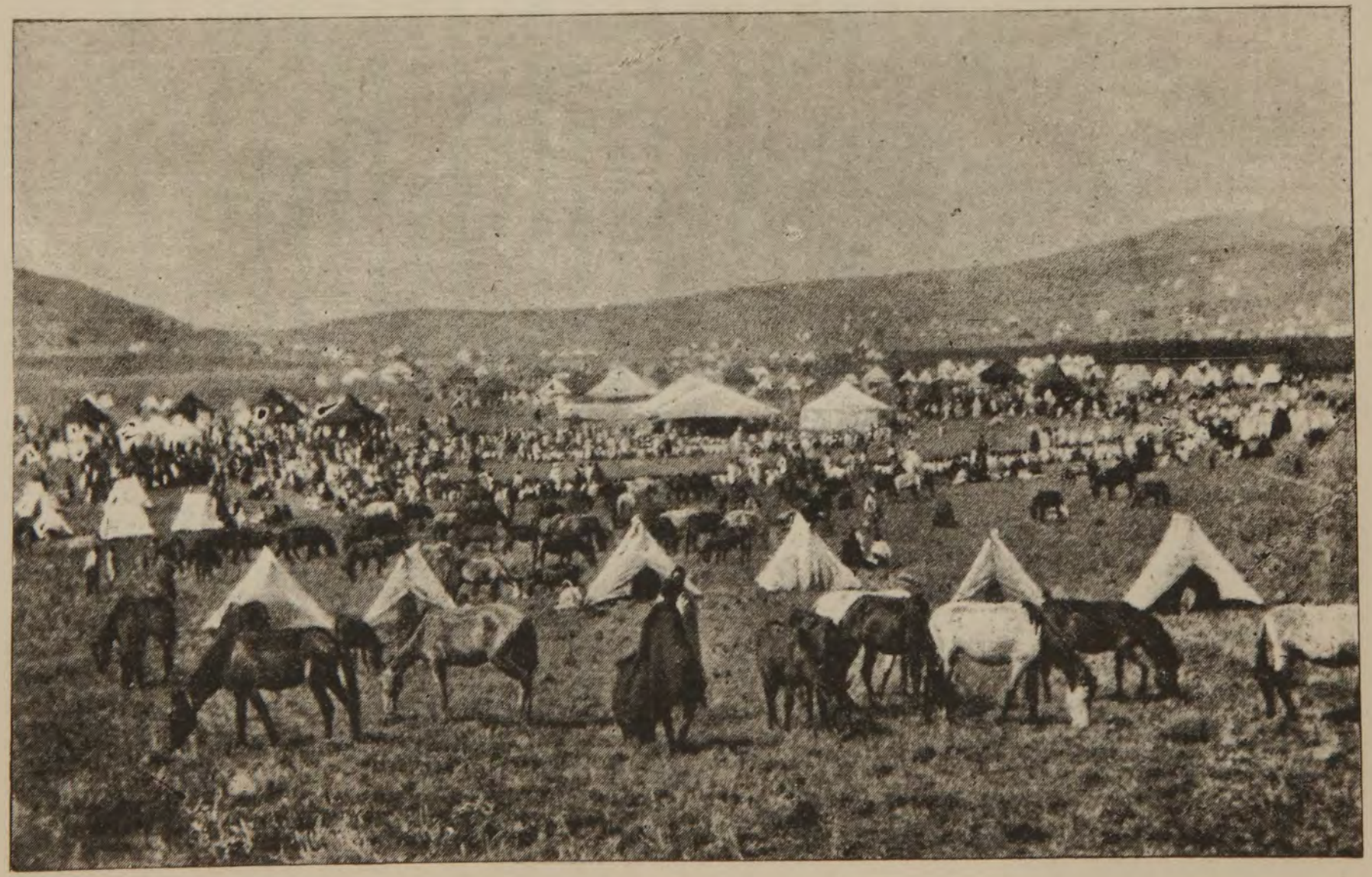
При этомъ было рѣшено ограничить до крайней степени всѣ правительственныя сообщенія по африканскимъ дѣламъ и внушить то же и газетамъ, ибо, судя по прежнему опыту, едва появлялись такія въ Италіи, ихъ тотчасъ же сообщали въ Парижъ, оттуда въ Джибути, а изъ этого города курьерами въ Шоа,—такъ что Менеликъ всегда былъ во-время освѣдомленъ о томъ, что предполагали сдѣлать или уже совершили итальянцы. Такимъ образомъ, общественное мнѣніе, такъ возстававшее противъ непонятнаго для него замалчиванія правительствомъ многихъ вопросовъ войны, какъ мы видимъ, не было особенно прозорливо.

Въ одномъ изъ ближайшихъ засѣданій палаты, безпокоившейся о результатахъ африканскихъ предпріятій, Криспи постарался разсѣять тревогу и закончилъ свою рѣчь фразою: „Конечно, если насъ атакуетъ непріятель, то намъ нельзя же будетъ оставаться съ ружьемъ у ноги и ждать отъ палаты разрѣшенія защищаться, но, конечно, мы не захотимъ новыхъ увеличеній колоніи безъ полномочія палаты“.

Вполнѣ успокоенная этимъ завѣреніемъ, палата приняла формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Между тѣмъ, императоръ Менеликъ со своею арміей, простоявъ около двухъ недѣль въ Уараулу, двинулся къ Бурамеда, гдѣ, какъ мы видѣли, былъ его операціонный базисъ, и остановился здѣсь почти на мѣсяцъ, для приведенія въ порядокъ организаціи войскъ, сбора новыхъ продовольственныхъ запасовъ и вьючныхъ животныхъ и выясненія намѣреній итальянцевъ.

Пока обѣ стороны остановились въ выжидательномъ положеніи другъ противъ друга, посмотримъ, при какихъ усло-



Лагерь Менелика.

віяхъ и въ какой обстановкѣ совершалъ свой военный походъ императоръ Менеликъ. Все движеніе на встрѣчу врагу совершалось обыкновенно небольшими переходами, приблизительно не болѣе четырехъ - пяти часовъ времени хода. Дѣлалось это, во-первыхъ, съ цѣлью какъ можно равномѣрнѣе обременять жителей проходимыхъ областей приношеніемъ „дурго", а во-вторыхъ—потому, что вообще абиссинцы не любятъ торопиться. Лагерь снимался для похода обыкновенно между пятью и шестью часами утра, причемъ сигналомъ къ выступленію служилъ бой въ литавры негуса. Всѣ расы, деджазмечи и кеньязмечи—однимъ словомъ генералитетъ, собирались обыкновенно по дорогѣ, и становясь пѣшкомъ по старшинству, ожидали прибытія императора, причемъ оруженосцы держали муловъ. Завидѣвъ негуса, всѣ снимали шляпы, отдавали ихъ оруженосцамъ, и отвѣсивъ низкій поклонъ, быстро садились на муловъ, чтобы слѣдовать за Менеликомъ, причемъ послѣдній обыкновенно подзывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ свиты для разговора. За негусомъ обыкновенно вели его боевого коня, причемъ этотъ же оруженосецъ несъ его два боевыхъ копья [1]), передъ оруженосцемъ слѣдовалъ другой—со щитомъ въ чехлѣ изъ лазуревой шелковой матеріи и саблей императора, причемъ мѣсто между ними считалось неприкосновеннымъ. Впереди негуса слѣдовали 3 афтенне—личные тѣлохранители, а по бокамъ, два баламуана, пажа, держа руки на крупѣ мула императора. Справа отъ него ѣхалъ обыкновенно аффа-негусъ или генералъ-прокуроръ, а слѣва слѣдовали тѣ, кого негусъ удостоивалъ подзывать къ себѣ. Походный костюмъ Менелика состоялъ изъ шелковаго бурнуса безъ капюшона бѣлаго плаща-шама, мягкой фетровой шляпы на затылкѣ, длинной сирійской шелковой рубашки-камизъ до икръ, съ разрѣзами по бокамъ, такихъ же бѣлыхъ панталонъ и баш-

---

[1]) При большихъ торжествахъ такихъ копій носится сорокъ, съ широкими лезвіями, на длинныхъ тонкихъ древкахъ.

маковъ, и наконецъ, большого краснаго зонтика. Ѣхалъ онъ обыкновенно на гнѣдомъ мулѣ, посѣдланномъ сѣдломъ, обитымъ красной матеріей и съ европейскими стременами.

Императрица слѣдовала въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ супруга, сидя верхомъ по-мужски на мулѣ и завернутая до глазъ въ бѣлоснѣжную вуаль. Рядомъ и справа отъ нея одинъ изъ придворнымъ несъ на высокой палкѣ шелковый фіолетовый зонтикъ, а сзади слѣдовали на мулахъ придворныя дамы. Впереди императрицы слѣдовалъ обыкновенно взводъ конницы, сто человѣкъ пѣхоты, мулы въ богатой серебряной упряжи, осѣдланныя лошади, складное кресло и аналой для чтенія Евангелія. Съ придворными дамами ѣхало всегда много поповъ, неизбѣжныхъ спутниковъ Таиту во все время похода, такъ какъ послѣднее время она сильно ударилась въ ханжество.

По дорогѣ негуса встрѣчали мѣстные начальники и жители, поднося его величеству различные подарки. Если это были лошади, то кто-нибудь изъ афтенне тутъ же, заѣзжавъ впередъ, садился и пробовалъ ее передъ Менеликомъ. При прохожденіи черезъ города и деревни, все населеніе ихъ встрѣчало Менелика криками: „Вотъ нашъ царь, нашъ родной царь“, и какъ аккомпаниментъ къ этимъ возгласамъ женщины монотонно визжали: „ля-ля-ля-ля-ля-ля. Но иногда бывали и курьезы, въ видѣ разныхъ неумѣстныхъ претензій вродѣ жалобы; какъ напримѣръ: „Государь, я былъ вашимъ слугой и остался бѣденъ, другіе же ваши слуги вокругъ васъ разбогатѣли; дайте мнѣ хоть мула“.

Въ то время, какъ окружающая негуса свита надрывалась отъ смѣха, Менеликъ продолжалъ хранить свой невозмутимо-спокойный видъ и проѣзжалъ далѣе. Онъ самъ признавался г. Леонтьеву, что нарочно дѣлалъ крюкъ, только бы обойти провинцію Ментъ, откуда онъ родомъ, такъ какъ едва онъ тамъ когда-либо появлялся, какъ масса родственниковъ просто не давали ему прохода, крича и требуя, кто шаму, кто мула, кто коня т. и т. д. Когда на эти просьбы не

было удовлетворенія, вслѣдъ негусу слышалось обыкновенно: „А, такъ ты теперь возгордился, не хочешь и знать родныхъ!“ Особенно надоѣдливы въ этомъ отношеніи были женщины. Менеликъ обыкновенно очень благодушно принималъ всѣ эти выраженія недовольства имъ, и съ улыбкою, пожимая плечами, говорилъ: „Что же мнѣ съ ними дѣлать, вѣдь это дѣйствительно мои родственники“. И вся эта громадная родня, не смотря на всѣ эти претензіи, не задумалась бы сложить головы, въ случаѣ нужды, за императора.

ГЛАВА XII.

Движеніе отряда маіора Тозелли къ Амбаладжійскому ущелью.-- Появленіе передъ нимъ силъ расъ-Маконена.—Занятіе Тозелли позиціи.—Бой при Амбаладжи. — Разгромъ итальянцевъ.—Потери.

Маіоръ Тозелли.

Подъ командою маіора Тозелли, выдвинутаго на 60 слишкомъ верстъ къ югу отъ Макале, находился 4-й туземный батальонъ, одна банда и 4 скорострѣльныя орудія, всего 2,450 человѣкъ. Главными своими силами маіоръ Тозелли занялъ ущелье Амбаладжи, выставивъ аванпосты къ Дубарру, отстоявшему на 11 верстъ отъ Амбаладжи къ югу, и такимъ образомъ, передовые отряды итальянцевъ находились всего въ 30—35 верстахъ, или въ одномъ небольшомъ переходѣ отъ озера Ашанги. До Тозелли сначала доходили извѣстія, что передовыя части абиссинской арміи, а именно войска расъ-Маконена, находятся далеко къ югу отъ озера Ашанги, но 3 декабря имъ получены были точныя свѣдѣ-

нія, что авангардъ Маконена достигъ до Аломата, а на слѣдующій день явился отъ него и посланецъ съ письмомъ, въ которомъ расъ-Маконенъ, подобно Святославу, предупреждалъ Тозелли, увѣдомляя, что атакуетъ его въ скоромъ времени, такъ какъ не можетъ сдерживать рвущихся въ бой остальныхъ находящихся съ нимъ расовъ, и совѣтовалъ уходить. Онъ прибавлялъ при этомъ, что съ одной стороны на всѣ его предложенія о заключеніи міра между Абиссиніей и Италіей, отъ генерала Баратіери не послѣдовало никакого отвѣта, а съ другой—онъ получилъ отъ императора Менелика категорическое приказаніе наступать. Тогда Тозелли тотчасъ же послалъ донесеніе объ этомъ генералу Аримонди, увѣдомляя о предстоявшемъ боѣ съ превосходными непріятельскими силами. Донесеніе свое онъ оканчивалъ словами: „Ихъ много, много; я даже на горизонтѣ вижу ихъ огни; расположеніемъ своимъ они какъ бы раздѣляются на три колонны, влѣво отъ которыхъ виднѣются отдѣльные огни, должно быть сторожевыхъ ихъ отрядовъ". Онъ просилъ помощи, рѣшивъ встрѣтить врага на занятой имъ неприступной позиціи. Эта послѣдняя представлялась въ видѣ пирамидальной высокой горы съ остроконечною верхушкой, подымавшейся изъ котловины, образованной окружавшими пикъ возвышенностями, надъ которыми командовалъ этотъ послѣдній. Къ югу отъ пикъ, возвышенности разступались, давая доступъ внутрь этой воронки, по дну которой пролегала дорога, съ обѣихъ сторонъ огибавшая пикъ и соединявшаяся далѣе на сѣверѣ; идя на югъ, на ней новые ряды возвышенностей образовали для итальянцевъ хорошія позиція для встрѣчи наступавшаго съ юга противника. Вся описываемая мѣстность носила характеръ каменистый, возвышенности изобиловали террасами, обрывистыми спусками, крутыми подъемами, такъ что маіору Тозелли съ трудомъ удалось втащить на эти кручи свои орудія.

4 декабря итальянцы увидѣли раскидывавшійся въ 5—6

верстахъ передъ ними абиссинскій лагерь. Онъ былъ образованъ абиссинскими войсками, которыя состояли изъ силъ: расъ-Маконена—15,000, расъ-Микаэля—11,000, расъ-Оліэ—10,000, Мангаши Атикема—6,000 и расъ-Аллула—3,000—всего 45,000 человѣкъ. Такимъ образомъ, абиссинцы превосходили итальянцевъ болѣе чѣмъ въ пятнадцать разъ. Почему же маіоръ Тозелли, видя такое подавляющее превосходство силъ противника, не отступилъ позднѣе. Разсчитывалъ-ли онъ на скорую помощь генерала Аримонди, хотя въ то же время и зналъ, что у того было не болѣе 14,000 человѣкъ; былъ-ли онъ увѣренъ, что непріятель не осмѣлится атаковать его неприступную позицію; считалъ-ли онъ своихъ враговъ жалкою толпою, которая побѣжитъ, охваченная паникою, при первыхъ взрывахъ итальянскихъ гранатъ? Къ этому заключенію можно отчасти прійти, судя по письму одного изъ его офицеровъ, поручика Мессино, отъ перваго декабря, гдѣ стояло слѣдующее: „батальону приказано преградить *и во что бы то ни стало* задержать наступленіе абиссинцевъ. Какія потребуются жертвы для исполненія этого порученія, ты можешь легко себѣ представить. Мы ляжемъ костьми, дабы дать время всѣмъ войскамъ сосредоточиться и двинуться впередъ“ [1]). Все это такъ и осталось тайною, которую храбрый, какъ настоящій римскій герой, маіоръ Тозелли унесъ съ собою въ могилу.

Что же дѣлалъ въ это время генералъ Баратіери? Получая донесенія отъ генерала Аримонди все болѣе и болѣе тревожнаго характера о наступленіи отъ Бурамеда большихъ непріятельскихъ силъ, онъ долгое время не придавалъ особаго значенія этимъ извѣстіямъ, разсчитывая на трудность и медленность движенія абиссинскихъ войскъ, и только 3 декабря рѣшился выйти изъ своего пассивнаго положенія и покинуть Массову, пославъ наканунѣ, т. е. 2 декабря 1895 года, приказъ о сосредоточеніи всѣхъ войскъ

---

[1]) Профессоръ Н. А. Орловъ. «Итальянцы въ Абиссиніи».

къ Адиграту подъ прикрытіемъ силъ генерала Аримонди. Рѣшеніе это было вполнѣ цѣлесообразно и соотвѣтствовало обстановкѣ: стянуть войска къ укрѣпленной базѣ Адуя-Адиграть и тамъ ждать подкрѣпленій изъ Италіи. Но оно было слишкомъ позднее для маіора Тозелли: приказъ этотъ могъ быть полученъ имъ лишь 7 декабря, а 6—ни его, ни его отряда уже не существовало.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошелъ этотъ бой.

Окруживъ въ субботу, 25 ноября (ст. ст.), отрядъ маіора Тозелли, абиссинцы на слѣдующій день рѣшили остаться ради праздника въ пассивномъ положеніи и не атаковать, такъ какъ это было противно ихъ религіознымъ обычаямъ. Только авангардъ, состоявшій изъ 7,000—8,000 войскъ, подъ командою фитаурари Габаю, продвинулся въ воскресенье на разсвѣтѣ впередъ, дабы занять горжу Амбаладжійскаго прохода, что выполнилъ съ успѣхомъ, и Габаю быстро разбилъ здѣсь свой лагерь.

Здѣсь чрезвычайно важнымъ является вопросъ: кто, собственно говоря, началъ амбаладжійскій бой, абиссинцы или итальянцы? Генералъ Баратіери въ телеграммѣ своей военному министру генералу Моченни сообщилъ слѣдующее:

„Колонна Тозелли, которая находилась у Амбаладжи, была неожиданно окружена и атакована всею шоанскою арміею. Нѣсколько разъ Аримонди посылалъ приказанія маіору Тозелли отступать, но нужно полагать, что приказанія эти не доходили. Генералъ Аримонди, который приблизился, чтобы поддержать Тозелли, подошелъ въ 4 часа къ позиціи Адерикъ, на половинѣ пути между Макале и Амба. Здѣсь, встрѣтивъ непріятельскія колонны, завязалъ бой, соединился съ офицерами и 300 аскаріевъ, которые отступали отъ Амбы и сосредоточили всѣ свои войска въ большомъ порядкѣ къ Макале. Потомъ онъ отошелъ къ Адагамусу, оставивъ Макале сильно охраняемымъ и съ большимъ запасомъ жизненныхъ и боевыхъ припасовъ. Къ генералу Аримонди присоединились офицеры Бодреро, Паджело и Баццани.

Нѣтъ извѣстій отъ маіора Тозелли. Число шоанцевъ опредѣляютъ въ 20,000 человѣкъ. Свидѣтели-очевидцы говорятъ, что потери непріятеля очень велики. Я двигаюсь къ Адиграту".

Изъ первыхъ же словъ этого оффиціальнаго сообщенія, мы видимъ, что оно расходится съ истиной. Неожиданность атаки не могла имѣть мѣста, ибо расъ-Маконенъ письмомъ *предупредилъ* маіора Тозелли о нападеніи, поступивъ рыцаремъ и сдѣлавъ то, отъ чего онъ былъ совершенно въ правѣ воздержаться. Далѣе, какъ выше было сказано, фитаурари Габаю разбилъ свой лагерь у устья горжи Амбаладжи на разсвѣтѣ въ воскресенье. По религіознымъ обычаямъ своимъ, абиссинцы никогда не вступали въ бой въ праздничные дни, такъ было и въ этотъ разъ. Но маіоръ Тозелли въ 5 часовъ утра самъ началъ бомбардировать гранатами абиссинскій лагерь и, конечно, расъ-Маконену ничего не оставалось, какъ приказать собрать палатки и двинуться въ атаку на противника [1]). Теперь изъ той же телеграммы усматривается, что генералъ Аримонди могъ соединиться съ отрядомъ маіора Тозелли только къ вечеру въ воскресенье, т. е. между 5—6 часами пополудни. Слѣдовательно, не начни маіоръ Тозелли канонады, день бы этотъ прошелъ спокойно, генералъ Аримонди подоспѣлъ бы на позицію и, конечно, дѣло подъ Амбаладжи приняло бы совершенно иной оборотъ, а не тотъ, къ описанію котораго мы теперь обратимся.

Характеристичнымъ является слѣдующій фактъ, рисующій, насколько маіоръ Тозелли былъ увѣренъ въ легкой побѣдѣ надъ врагомъ и своевременномъ приходѣ Аримонди. Въ утро передъ сраженіемъ многіе изъ офицеровъ собрались съ биноклями въ рукахъ на батареѣ, спокойно обозрѣвая движенія непрі-

---

[1]) Какъ мы увидимъ далѣе, итальянцы въ сраженіи подъ Адуей употребили тотъ же пріемъ, двинувшись въ атаку именно въ воскресенье, въ то время, какъ Менеликъ и всѣ расы были у ранней обѣдни.

ятеля. Когда опредѣлилось ясно движеніе колонны Габаю, всѣ отправились на свои мѣста. Тѣ же, которые составляли резервъ, собрались къ Тозелли, котораго увѣдомили о предстоящей атакѣ. „Теперь семь часовъ, сказалъ онъ.—Сдѣлаемъ теперь, что намъ угодно, тѣ не придутъ во-время; только въ 10 Аримонди будетъ здѣсь“.

Замѣтивъ наступленіе врага, маіоръ Тозелли быстро расположилъ свой отрядъ на позиціи слѣдующимъ образомъ. На лѣвомъ флангѣ съ фронта подножія горы находились рота капитана Исселя и двѣ банды деджаза Баракита и расъ-Себата; на лѣвомъ же флангѣ, но ближе къ центру, лейтенантъ Мадзеи съ одною полуротою (centuria—сотня) 4-го батальона; въ вершинѣ исходящаго угла треугольника позиціи, образуемаго горою, расположилась рота капитана Кановетти. На правомъ флангѣ стали лейтенантъ Вольпичелли съ бандами Околукзай и шейха Тала изъ Ауссы. Рота капитана Персико [1]) была поставлена въ прикрытіе батареи маіора Ангера, расположенной правѣе роты Кановетти, а три роты 4-го батальона подъ личною командой маіора Тозелли составили резервъ, помѣстившійся за серединою боеваго порядка.

Нужно замѣтить, что маіоръ Тозелли отличался рѣдкими качествами энергичнаго, храбраго и образованнаго офицера, а батальонъ его считался лучшимъ изъ всѣхъ африканскихъ войскъ, и когда было нужно сдѣлать наиболѣе лестное сравненіе, всѣ говорили: „какъ 4-й баталіонъ“.

Главными недостатками занятой позиціи являлась слишкомъ большая ея растянутость сравнительно съ числомъ занимавшихъ ее войскъ; сдѣлано было это въ твердой надеждѣ на своевременный подходъ колонны генерала Аримонди. Кромѣ того, пагубнымъ для баталіона маіора Тозелли являлось то обстоятельство, что единственный возможный путь отступленія пролегалъ по горному дефиле.

Первымъ ринулся въ бой авангардъ фитаурари Габаю,

---

[1]) Бывшаго агента въ Ауссѣ.

въ количествѣ 7—8 тысячъ воиновъ, причемъ Габаю выбралъ цѣлью своей атаки исходящій уголъ занимаемой итальянцами позиціи. По авангарду былъ сосредоточенъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь и атака не была доведена до конца. Тогда подоспѣвшій съ главными силами расъ-Маконенъ направилъ расъ-Оліэ съ 7,000 въ обходъ лѣваго фланга маіора Тозелли; расъ-Мангаши и расъ-Аллула съ 15 тысячами—въ обходъ праваго фланга; вся конница была направлена въ обходъ лѣваго фланга и должна была заскакать въ тылъ непріятелю, со всѣми же остальными силами расъ-Маконенъ повелъ энергичную фронтальную атаку, причемъ благоразумно выждалъ, давъ время обходящимъ колоннамъ сдѣлать поставленныя имъ задачи.

Первый ударъ абиссинцевъ обрушился на лѣвый флангъ итальянцевъ и именно на роту капитана Исселя. Капитанъ Риччи, видя критическое положеніе своего товарища, бросился ему на выручку со своею ротою, и поддержанный въ свою очередь взводомъ лейтенанта Манфредини, успѣлъ мѣткимъ огнемъ на нѣкоторое время удержать непріятеля. Но волны абиссинцевъ наступали неудержимо все ближе и ближе. Храбрецы были окружены и началась рукопашная. Итальянскіе офицеры дрались, какъ львы, ихъ черные солдаты слѣдовали ихъ примѣру, зная, какая ужасная участь ждетъ ихъ, какъ измѣнниковъ своему отечеству, въ случаѣ плѣна. Но тѣмъ не менѣе, эта беззавѣтная храбрость не принесла никакихъ результатовъ, и страшныя абиссинскія сабли дѣлали свое кровавое дѣло. Въ то время, когда лѣвый флангъ позиціи былъ уже наводненъ абиссинцами, одновременно былъ атакованъ правый ея флангъ и центръ. Рота капитана Вольпичелли, первая принявшая ударъ, была быстро смята, началась рѣзня, и скоро отъ нея не осталось ни одного человѣка. Причину этого быстраго разгрома надо искать въ томъ обстоятельствѣ, что орудія, всецѣло занятыя происходившимъ на лѣвомъ флангѣ, не поддержали во-время своимъ огнемъ праваго. Той же, хотя и не столь плачевной,

участи подверглись роты капитана Кановетти, лейтенанта Мадзеи и банды Околукзая и шейха Тала. Маіоръ Тозелли, всюду лично поспѣвавшій и примѣромъ своимъ ободрявшій своихъ подчиненныхъ, все еще не терялъ надежды на прибытіе помощи. Можно представить себѣ его ужасное душевное настроеніе, это трепетное ожиданіе подкрѣпленій! Руки его не оставляли бинокля, въ который онъ тщетно старался увидѣть вдали такъ желанный блескъ итальянскихъ штыковъ и густые столбы пыли. Горячій бой длился уже три съ половиною часа, а на горизонтѣ ничего не виднѣлось. Около десяти часовъ утра, посланный имъ ранѣе патруль на дорогу къ Макале успѣлъ какимъ-то чудомъ пробраться на позицію,—но и онъ принесъ неутѣшительную вѣсть, что никого и ничего не видно. Маіоръ Тозелли тогда пришелъ къ окончательному заключенію, что гибель его отряда была неизбѣжна. Но, какъ истый воинъ, онъ до конца рѣшилъ исполнить свой долгъ, и не смотря на критическое положеніе отряда, еще почти три часа продолжалъ защищать свое знамя и честь итальянскаго оружія. Въ одиннадцать часовъ онъ приказалъ отступать къ сѣверу вьючному обозу и усилить огонь по абиссинцамъ, выдвинувъ весь резервъ въ боевую линію. Его убійственный огонь нѣсколько замедлилъ интенсивность атаки, и цѣлыхъ почти два часа храбрецы сопротивлялись многочисленному и страшному въ своемъ освирѣпѣніи врагу. Только въ 12 часовъ 40 минутъ маіоръ Тозелли отдалъ приказъ оставшимся въ живыхъ начать отступленіе, рѣшивъ прикрывать его самъ съ горстью оставшихся при немъ храбрецовъ.

Во время отступленія, когда храбрый маіоръ Тозелли отходилъ шагъ за шагомъ по краю обрыва съ остававшимися при немъ въ живыхъ офицерами, два изъ имѣвшихся у него четырехъ орудій сорвались въ пропасть, увлекая за собой двухъ офицеровъ, поручиковъ Скала [1]) и Манфредини. Два

[1]) Скала какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ и былъ въ обморочномъ состояніи взятъ въ плѣнъ

другія орудія попали въ руки враговъ, которые не замедлили пустить ихъ въ дѣло. Между тѣмъ, выбившійся изъ силъ маіоръ Тозелли, въ пылу защиты не видѣвшій потери своей артиллеріи, услышалъ два выстрѣла и увидѣлъ дымъ на дорогѣ, откуда ожидалось прибытіе Аримонди. Тогда, обращаясь къ окружающимъ, онъ сказалъ: „только-что подошли, но слишкомъ поздно“, — не подозрѣвая, что по немъ стрѣляютъ изъ его же орудій. Тогда-то онъ послалъ адъютанта своего Бодреро доложить Аримонди о случившемся.

Но если гибеленъ былъ бой на самой позиціи, то отступленіе могло назваться ужаснымъ. Оно должно было совершаться по узкой дорогѣ, которая пролегала надъ пропастью, глубина которой доходила до 200 саженей. Надъ этой, скорѣе тропинкой, чѣмъ дорогой, высились утесы, дававшіе возможность абиссинцамъ чуть не въ упоръ разстрѣливать отступавшихъ; и, дѣйствительно, опытный военачальникъ расъ-Аллула тотчасъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и послалъ своихъ стрѣлковъ на вершины утесовъ. Тогда положеніе горсти храбрецовъ стало критическимъ. Градъ пуль съ разстоянія ста и менѣе шаговъ посыпался на ихъ головы. Уйти отъ него было некуда, сзади неудержимо стремились на нихъ все новыя и новыя толпы врага, а впереди дорога была загромождена мулами съ орудіями, зарядами и вьюками. Пришлось пожертвовать артиллеріею, чтобы открыть себѣ дорогу, и мулы съ пушками полетѣли въ пропасть. Въ этомъ хаосѣ выстрѣловъ, криковъ, пороховаго дыма нашли себѣ смерть многіе, оборвавшіеся въ пропасть, сталкиваемые туда другъ другомъ, такъ какъ каждый спѣшилъ впередъ, и увлекаемые падающими животными. Такова была и участь героя-начальника маіора Тозелли. Въ Италіи появилось двѣ версіи объ его смерти. Первая, что онъ палъ геройски подъ ударами абиссинскихъ сабель, вторая, что онъ, видя неизбѣжную гибель своего отряда, лишилъ себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера. Между тѣмъ, по окончаніи сраженія, воины, посланные расъ-Маконеномъ под-

Бой при Амбаладжи.

бирать трупы итальянцевъ для погребенія, нашли маіора Тозелли мертвымъ, съ переломанными ногами, на днѣ пропасти близь рѣчки. Когда его принесли къ расъ-Маконену, онъ осмотрѣлъ трупъ и не нашелъ на немъ ни пулевой, ни сабельной раны. Такимъ образомъ, можно установить фактъ, что Тозелли сорвался съ тропинки въ горячемъ пылу послѣдняго боя.

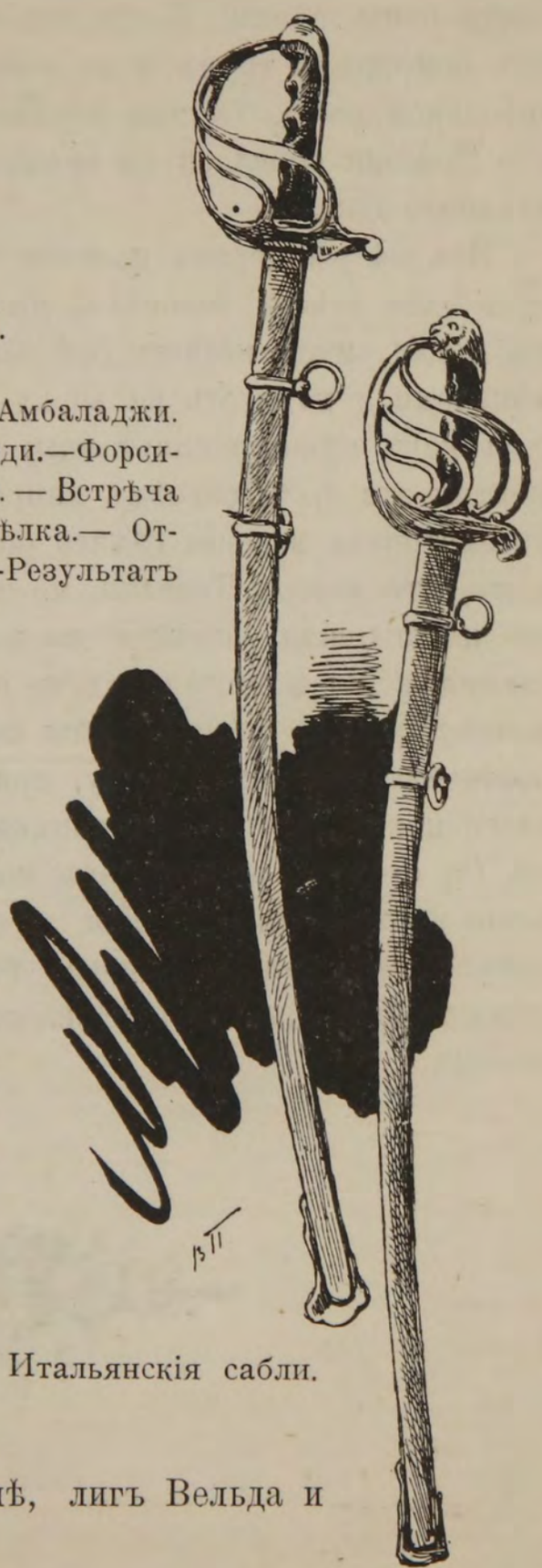
Изъ 34 офицеровъ полегло 31, изъ 2,450 солдатъ спаслось едва двѣсти человѣкъ, при трехъ офицерахъ. Итальянцы могли смѣло назвать бой подъ Амбаладжи своими Ѳермопилами и написать на верху его пика ту же славную надпись, какъ нѣкогда спартанцы; но нельзя не сказать, что жертвы эти были совсѣмъ напрасны и ничѣмъ не вызваны. Разсматривая веденіе самаго боя съ обѣихъ сторонъ, мы видимъ, что маіоръ Тозелли, не смотря на то, что покрѣпленій не подошло, все-таки не поправилъ недостатки своего расположенія и не стянулъ, не сконцентрировалъ свои части, почему онѣ и были разбиты поочередно. Конечно, трудно поставить ему это въ вину, принимая во вниманіе подавляющее превосходство противника и энергичное веденіе атаки. Со стороны абиссинцевъ можно замѣтить полное примѣненіе къ законамъ тактики, и если была сдѣлана во время сраженія какая-либо ошибка, то только фитаурари Габаю, которая была быстро исправлена подоспѣвшимъ расъ-Маконеномъ.

ГЛАВА XIII.

Абиссинская реляція о боѣ при Амбаладжи. —Дѣйствія генерала Аримонди.—Форсированный маршъ изъ Макале. — Встрѣча его съ противникомъ.—Перестрѣлка.— Отступленіе генерала Аримонди.—Результатъ его марша на помощь Тозелли.

Для полной характеристики Амбаладжійскаго боя, а также и событій ему предшествовавшихъ, приводимъ нижеслѣдующую абиссинскую подлинную реляцію о немъ, которая была писана секретаремъ негуса Габріэлемъ и по приказанію императора послана регенту страны расъ-Даргэ для объявленія народу:

„Расъ-Мангаша безъ полномочія его величества негуса уже началъ перегоры о мирѣ. Переговорщиками были Аббо Аннанія, который былъ прежде въ Іерусалимѣ, лигъ Вельда и гразмечъ Садоръ.



Итальянскія сабли.

„Баратіери заковалъ въ цѣпи парламентеровъ, говоря: „Вы явились не для переговоровъ о мирѣ, вы шпіоны“; онъ сказалъ потомъ: „пусть они умрутъ“, но когда ихъ повели на казнь, лейтенантъ Скала сказалъ: „пусть ихъ прогонятъ, но не убиваютъ“. Сказавъ это, онъ спасъ ихъ отъ смерти. Ихъ не казнили, но отослали въ Массову. Этотъ лейтенантъ Скала, потомъ взятый въ плѣнъ при Амбаладжи, былъ артиллерійскій офицеръ. Его величество покинулъ Эджу, когда пришло къ нему хорошее извѣстіе о побѣдѣ при Амбаладжи. Его величество сталъ лагеремъ въ Ашанги. Вотъ что говорятъ въ войскахъ о побѣдѣ при Амбаладжи.

„Генералъ Баратіери, будучи въ Массовѣ, узналъ о прибытіи шоанской арміи и онъ приказалъ гарнизонамъ Адуи, Адиграта и Макале двинуться впередъ подъ командою маіора Тозелли, и онъ завладѣлъ проходомъ Амбаладжи. Маіоръ Тозелли, соединивъ свои войска, занялъ Амбаладжи и тамъ укрѣпился. Генералъ Баратіери, соединивъ значительныя силы, сталъ лагеремъ у Адиграта. Надъ проходомъ Амбаладжи господствуетъ Амба; говорили о войскѣ раса, но простой фитаурари испыталъ бы много трудностей при движеніи черезъ этотъ проходъ.

„20 ноября фитаурари Габаю находился со своими войсками ниже Алаги въ долинѣ Дабборъ. Расы остались позади. 28-го, утромъ, маіоръ Тозелли началъ стрѣлять изъ пушекъ по лагерю фитаурари. Въ нашемъ войскѣ былъ отданъ приказъ избѣгать сраженія по случаю воскреснаго отдыха, но когда непріятель сталъ стрѣлять, давать ему на это время—было глупо. Скажемъ, что прежде, чѣмъ войско, оставшееся позади, подошло, войско фитаурари Габаю, конное и пѣшее, устремилось на высоты, не смотря на трудность, разбило главныя силы непріятеля и взяло его пушки. Маіоръ Тозелли и тѣ, кто съ нимъ былъ тамъ—погибли. Число итальянцевъ, убитыхъ съ нимъ, превосходитъ 30, 3 было взято въ плѣнъ, одинъ изъ нихъ, лейтенантъ Скала, былъ артиллерійскій офицеръ. Послѣ этой схватки наши

воины, дабы бѣглецы не могли ускользнуть въ горахъ и оврагахъ, гнались за ними по трупамъ и скакали вплоть до ночи.

„Генералъ Аримонди и маіоръ Галліано стояли лагеремъ по ту сторону горы, и услышавъ громъ пушекъ и ружей, снялись съ лагеря, чтобы идти на помощь. Бѣглецы же, преслѣдуемые нашею конницею, добѣжали до ихъ лагеря. Оставивъ его и обозъ и взявъ только пушки, генералъ убѣжалъ. Наши воины ихъ преслѣдовали и убили много людей. Только ночь ихъ остановила. Маіоръ Галліано, достигнувъ Макале, вошелъ въ крѣпость.

„Эта крѣпость была выстроена на мѣстѣ церкви, посвященной Іисусу Христу; она была сожжена такъ же, какъ и алтарь; на этомъ мѣстѣ была построена стѣна. Солдаты, которые ихъ преслѣдовали, остались въ странѣ Агбатсъ-Мари.

„4 пушки были взяты. Окрестные балагеры завладѣли снарядами, припасами, деньгами и ружьями. Ихъ и теперь еще собираютъ. Наши потери въ этомъ дѣлѣ—277 убитыхъ и 348 раненыхъ. Ни одинъ изъ баши-бузуковъ Тигре, которые были съ итальянцами, не спасся. Кто умеръ, тотъ умеръ, остальные были взяты въ плѣнъ. Когда умеръ деджазъ Бахти Ардеръ, итальянцы запретили его похоронить. Расъ-Маконенъ приказалъ, наоборотъ, похоронить итальянцевъ. Братья деджаза Бахти протестовали, говоря: зачѣмъ это дѣлать, когда они запретили хоронить нашего брата. Расъ-Маконенъ отвѣчалъ: „Христіане не должны такъ поступать; если они себя показали злыми людьми, зачѣмъ же и мы будемъ злыми“. И онъ приказалъ ихъ похоронить.

„Писано въ Долло, 17 Тери (января) 1888 года Милосердія.

Что же дѣлалъ въ это время генералъ Аримонди? Находясь въ Макале и извѣщенный о трудномъ положеніи отряда маіора Тозелли, онъ рѣшилъ было выступить къ Амбаладжи утромъ шестого декабря, но былъ остановленъ полученной въ то же утро телеграммой генерала Баратіери, не

выступать до полученія особаго приказанія и оно, дѣйствительно, послѣдовало въ тотъ же день, 6-го, вечеромъ. Тотчасъ же въ отрядѣ все пришло въ движеніе и дворъ бывшаго дворца расъ-Мангаши представлялъ живописное зрѣлище сбора въ походъ; при свѣтѣ фонарей навьючивали муловъ, солдаты строились и собирали свои несложные пожитки, и уже къ полночи отрядъ былъ готовъ къ выступленію. Генералъ Аримонди направился къ Амбаладжи со слѣдующими силами: двумя ротами батальона подъ командою капитановъ Кастеллацци и Венуччи, тремя ротами 5-го батальона подъ командою капитановъ Альферацци, Карапни и Павезе, одной 6-го батальона—подъ начальствомъ капитана Одонне и полубатареей (Lezione) лейтенанта Карузо. Всего до 1,400 ружей при 4 орудіяхъ. Изъ старшихъ начальниковъ при генералѣ Аримонди находились маіоры Амеліо и Галліано.

При блескѣ полной луны двинулся въ походъ отрядъ по трудной гористой дорогѣ, загроможденной камнями и пролегавшей между рядами глубокихъ пропастей. Подъ утро холодъ сталъ настолько чувствительнымъ, что всѣ ѣхавшіе на мулахъ должны были слѣзть и идти пѣшкомъ, чтобы отогрѣть закоченѣвшія ноги. Въ 6 часовъ утра 7 декабря генералъ Аримонди достигъ Афгола, и здѣсь встрѣтилъ его курьеръ маіора Тозелли, который извѣщалъ генерала, что будетъ атакованъ 7-го числа. Вскорѣ извѣстіе это подтвердилось безпрерывной канонадою и столбами дыма, поднимавшимися къ небу со стороны Амбаладжи. Послѣ небольшаго привала въ часъ 45 минутъ колонна снова тронулась въ путь. Послѣ крайне утомительнаго марша по каменистымъ скаламъ и горамъ, причемъ солдаты падали отъ изнеможенія, отрядъ въ 3 часа 30 минутъ пополудни достигъ вершины хребта, командующаго надъ разстилавшейся передъ нимъ долиной и дорогой, ведущей къ Амбаладжійскому проходу. На этомъ пунктѣ отрядъ находился верстахъ въ 12 отъ мѣста боя. Нѣсколько попавшихся по пути балагеровъ (крестьянъ) сообщили генералу Аримонди, что все утро слы-

шали сильную перестрѣлку со стороны Амбаладжи. Аримонди, который не имѣлъ разрѣшенія дойти до Амбаладжи, рѣшилъ разбить свой лагерь на высотахъ Адера, въ твердой надеждѣ, что Тозелли легко удастся отступить и присоединиться къ его отряду. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, около 4-хъ часовъ, въ долинѣ показалась какая-то колонна и у Аримонди вдругъ явилось сомнѣніе, своя это или чужая; ровно въ четыре часа подошелъ къ генералу лейтенантъ Бодреро, адъютантъ маіора Тозелли.

— Гдѣ же вашъ баталіонъ? обратился къ нему Аримонди.

— Его болѣе не существуетъ, былъ лаконичный отвѣтъ.

— Но развѣ Тозелли не получилъ приказаній отступать? вскричалъ пораженный ужасною новостью генералъ.

— Маіоръ Тозелли никакихъ приказаній подобнаго рода не получалъ, отвѣчалъ Бодреро.

— Значитъ, ординардцы были захвачены! Какое несчастье!..

Въ эту минуту къ отряду присоединились двое офицеровъ, поручики Пачелла и Баццани, два унтеръ-офицера и около двухсотъ нижнихъ чиновъ, частью 4-го батальона, частью изъ банды расъ-Себата. Всѣ они едва держались на ногахъ отъ усталости, многіе были въ крови отъ полученныхъ ранъ, а на поручикѣ Баццани осталась всего одна рубашка. Спасся также отъ погрома расъ-Себатъ. „Шесть недѣль тому назадъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Аримонди,— я предупреждалъ губернатора [1]): берегитесь непріятеля, который значительно превосходитъ васъ числомъ,—отчего не сосредоточили войскъ? Тогда не было бы сегодняшней рѣзни“.

Въ то время, какъ бѣжавшіе присоединились къ колоннѣ, она была атакована преслѣдовавшею остатки отряда Тозелли галасскою конницею. Началась перестрѣлка, во время которой подъ генераломъ Аримонди была убита лошадь и другая ранена. Можно сказать, къ счастью для отряда, насту-

---

[1]) Генералъ Баратіери.

пили сумерки и генералъ Аримонди поспѣшно отступилъ къ Макале, оставивъ лагерь и часть обоза въ рукахъ абиссинцевъ. Если бы эти послѣдніе не занялись, по привычкѣ своей грабежомъ, а развили бы преслѣдованіе, отступательный ночной маршъ этотъ могъ бы быть гибельнымъ для итальянцевъ.

Оставивъ въ Макале маіора Галліано съ 4-мя ротами, такъ какъ рѣшено было не отдавать этого пункта абиссинцамъ, генералъ Аримонди двинулся далѣе къ Адагамусу. На этомъ переходѣ колонну встрѣтили новые сюрпризы. Узнавъ о блестящемъ для Эѳіопіи дѣлѣ при Амбаладжи, крестьяне возстали почти поголовно и началась партизанская война. Итальянцевъ на каждомъ шагу встрѣчали засады со всѣхъ сторонъ, выстрѣлами которыхъ выведено было изъ строя не мало людей. Послѣ восемнадцати-часоваго марша колонна Аримонди достигла Гемата, гдѣ возстаніе приняло еще бо̀льшіе размѣры. Ночь съ 9 на 10 декабря отрядъ провелъ въ Май-Мидельта, близь Адагамуса, гдѣ было назначено сосредоточеніе войскъ. Сюда онъ вступилъ въ 10 часовъ утра 10 декабря.

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ движеніе колонны генерала Аримонди къ Амбаладжи, мы видимъ, что она, выступивъ въ 11 часовъ ночи 6 декабря и пробывъ до 10-го, т. е. слишкомъ трое сутокъ, въ безпрерывныхъ маршахъ, достигла слѣдующаго положительнаго результата. Она спасла остатки отряда Тозелли, принявъ на себя ударъ преслѣдовавшей ихъ конницы. Но если бы непріятель не оказался такъ пассивенъ въ преслѣдованіи, можно утвердительно сказать, что ее ожидала бы участь отряда Тозелли. Разбирая этотъ маршъ съ точки зрѣнія стратегической, мы не можемъ не удивиться тому легкомыслію, съ которымъ генералъ Баратіери отдалъ приказаніе генералу Аримонди идти на помощь Тозелли съ такими незначительными силами, такъ какъ онъ зналъ уже достовѣрно, въ какомъ числѣ наступаютъ абиссинцы. Этимъ приказаніемъ онъ только раз-

дробилъ свои силы въ глубину и далъ возможность противнику разбить ихъ по частямъ, которою, къ счастью, тотъ не воспользовался. Самъ главнокомандующій не былъ въ рѣшительную минуту тамъ, откуда ему легче было видѣть обстановку и дѣлать соотвѣтствующія распоряженія.

Относительно боя подъ Амбаладжи генералъ Аримонди послалъ отъ себя лично рапортъ военному министру, который гласилъ, что: во-первыхъ, 25 ноября 1895 года маіоръ Тозелли точно давалъ знать о силахъ непріятеля и о принятыхъ имъ мѣрахъ къ оборонѣ; во-вторыхъ, что какъ для колонны маіора Тозелли, такъ и его собственной, послѣдовало распоряженіе отступить къ Адиграту; въ-третьихъ, что онъ, Аримонди, видя, что колонна Тозелли не отступаетъ, обратился немедленно къ губернатору (генералу Баратіери) съ просьбою уполномочить его подать помощь маіору Тозелли, что онъ сдѣлалъ лишь только тогда, когда получилъ это полномочіе. Остальная часть рапорта заключала подробности совершенія имъ марша, уже вышеприведенныя.

Извѣстіе о пораженіи подъ Амбаладжи произвело въ Италіи тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что общественное мнѣніе совсѣмъ не было подготовлено къ такого рода извѣстіямъ съ театра военныхъ дѣйствій. Всѣ ожидали легкихъ побѣдъ и новой славы итальянскаго оружія и поэтому неудивительно, что исходъ боя 7 декабря какъ громомъ поразилъ всѣхъ. Итальянская печать безъ различія партій была возмущена результатами честолюбивой политики Криспи, котораго единственно обвиняли во всемъ происшедшемъ, и „Sekolo“, не стѣсняясь, заявило на своихъ столбцахъ, что Криспи въ погонѣ за короной Эѳіопіи, поднесъ таковую изъ 2,000 итальянскихъ череповъ. Другія газеты усердно принялись доискиваться причинъ такой стойкости эѳіопскихъ войскъ, и „Riforma“, органъ Криспи, не замедлилъ открыть

Америку, объявивъ, что весь вопросъ въ томъ, что Россія снабжаетъ Абиссинію не только оружіемъ и военными припасами, но и послала туда сто двадцать офицеровъ (!?). Что касается правительства, то оно выразило полное довѣріе генералу Баратіери, основываясь вѣроятно на его прежнихъ успѣхахъ и томъ авторитетѣ, которымъ генералъ пользовался среди своихъ войскъ. Дѣйствительно, всѣ письма генераловъ и офицеровъ колоніальныхъ войскъ къ роднымъ и знакомымъ были переполнены восторженными отзывами о генералѣ Баратіерѣ. Криспи 9 декабря сказалъ въ палатѣ хвастливую рѣчь о будущихъ побѣдахъ и что пораженіе подъ Амбаладжи не представляетъ ничего особеннаго, являясь лишь славнымъ эпизодомъ текущей войны. Поставивъ цѣлью для новой экспедиціи возстановленіе престижа итальянскаго знамени и необходимости для Италіи твердою ногою стать на землѣ, орошенной кровью ея дѣтей,—онъ просилъ кредита въ 20 милліоновъ лиръ и высылки сильныхъ подкрѣпленій для скорѣйшаго рѣшенія эритрейскаго вопроса, дабы къ нему впослѣдствіи болѣе не возвращаться. Результатомъ засѣданія явилось рѣшеніе выслать въ Африку еще 14 батальоновъ пѣхоты по 600 человѣкъ въ каждомъ, и 5 шестиорудійныхъ горныхъ батарей—всего 11,000 человѣкъ; кромѣ того, 4 милліона патроновъ, 20,000 снарядовъ для батарей, 20,000 снарядовъ для парковъ, полевой госпиталь, отдѣленіе „Краснаго Креста“, запасы продовольствія и фуража, инженернаго и телеграфнаго матеріала.

Вмѣстѣ съ этими силами у генерала Баратіери должно было образоваться до 25,000 войскъ, съ которыми онъ и надѣялся нанести рѣшительный ударъ абиссинцамъ.

ГЛАВА XIV.

История принца Гуксы.—Принцъ—воспитанникъ инженера Илька.—Интрига доктора Траверси. — Водвореніе принца въ Римѣ. — Его кандидатура на эѳіопскій престолъ.—Воздѣйствіе итальянцевъ на отца принца—расъ-Даргэ. — Обмѣнъ письмами Нераццини и расъ-Даргэ. — Водвореніе принца Гуксы въ Массовѣ. — Письма его къ Менелику.—Возвращеніе принца въ Швейцарію.

Вскорѣ послѣ дѣла подъ Амбаладжи, въ Европѣ, въ видѣ intermezzo къ абиссино-итальянской войнѣ, разыгралась слѣдующая исторія съ принцемъ Гуксой, однимъ изъ сыновей регента Эѳіопіи, расъ-Даргэ. Этотъ юноша, лѣтъ 16, воспитывался въ Цюрихѣ, куда былъ отвезенъ инженеромъ Илькомъ, швейцарцемъ по происхожденію, близкимъ и довѣреннымъ лицомъ негуса Менелика. У Гуксы былъ товарищъ, абиссинецъ Аффе Уаркъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ и женатый на дочери инженера Илька отъ абиссинки. Молодые люди порядкомъ таки тяготились надзоромъ Илька и скоро случай доставилъ имъ возможность отъ него избавиться. На нихъ было обращено благосклонное вниманіе Италіи и рѣшено было воспользоваться принцемъ Гуксой, какъ орудіемъ для достиженія слѣдующаго плана. Предположено было, пользуясь отсутствіемъ Менелика, склонить расъ-Даргэ отложиться отъ императора и склонить къ этому и всю страну, обѣщая въ награду за это возвести на престолъ эѳіопіи сына его, Гуксу. Для осуществленія этого смѣлаго плана предложилъ свои услуги докторъ Траверси, какъ человѣкъ бывалый и знакомый хорошо съ абиссинскими нравами.

Зная о скучномъ и тягостномъ надзорѣ за молодыми людьми въ Цюрихѣ и хорошо изучивъ характеръ абиссинцевъ, которые по натурѣ всѣ въ душѣ интриганы, онъ вступилъ въ переговоры съ товарищемъ Гуксы и набросалъ ему блестящую перспективу, ожидавшую его друга, въ соединеніи съ ожидавшимъ ихъ почетомъ въ Римѣ, куда они тотчасъ же поѣдутъ, разъ на это согласится Гукса, и ожидающимъ ихъ тамъ почетомъ и привольною, веселою жизнью. Заманчивыя обѣщанія подѣйствовали на Гуксу, и въ одинъ прекрасный день онъ съ товарищемъ своимъ тайно покинулъ Цюрихъ и отправился по желѣзной дорогѣ въ Италію. На границѣ ихъ встрѣтилъ докторъ Траверси и привезъ въ Римъ. Здѣсь Гуксу окрестили тотчасъ претендентомъ на эѳіопскій престолъ, устроили по-княжески, и вскорѣ же начато было дальнѣйшее выполненіе начертаннаго плана воздѣйствіемъ на отца Гуксы, расъ-Даргэ. Для этой цѣли былъ предназначенъ докторъ Нераццини, который въ то время находился въ роли итальянскаго агента въ Зейлѣ: на обязанности его лежало собирать всѣ свѣдѣнія, идущія изъ Шоа, а также разработать вопросъ о возможности, конечно съ разрѣшенія Англіи, высадиться въ Зейлѣ операціонному итальянскому корпусу, который долженъ былъ двинуться прямо на Шоа. Собственно говоря, по мнѣнію Н. С. Леонтьева, это была лишь демонстрація, такъ какъ, во-первыхъ, переходъ по маловодной Данакильской пустынѣ на Мардале и Гильдессу представлялъ чрезвычайно рискованное предпріятіе, а во-вторыхъ, на это необходимо было предварительно заручиться согласіемъ Франціи, такъ какъ вслѣдствіе условія между нею и Англіею Харраръ былъ объявленъ неприкосновеннымъ, и разрѣшеніе на высадку нарушило бы этотъ договоръ и, конечно, Франція не замедлила бы протестомъ. Такимъ образомъ роль Нераццини въ Зейлѣ сводилась къ нулю, и онъ съ успѣхомъ могъ принять на себя новое порученіе. Нераццини обратился къ расъ-Даргэ со слѣдующимъ письмомъ.

„Письмо доктора Нерацини да дойдетъ къ его королевскому высочеству расъ-Даргэ. Шлю поклонъ и почтеніе. Мною получено предписаніе итальянскаго правительства довести до вашего свѣдѣнія ноту о нижеслѣдующемъ. Сынъ вашего высочества Гукса вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, недовольные оставаться въ Швейцаріи, просили помощи и покровительства Италіи. Итальянское правительство, изъ уваженія къ вашей высокой особѣ, согласилось на просьбы вашего сына. Будьте совершенно спокойны относительно вашего сына Гуксы, ему хорошо и онъ съ нами въ безопасности, какъ у себя дома. Италія смотритъ на него, какъ на собственнаго сына, и съ Божіею помощью готовитъ ему блестящую будущность.

„Прошу написать мнѣ скорѣе, какъ только получится это мое письмо. Да пошлетъ вамъ Богъ всякое счастье. Написано въ Зейлѣ, 7 января 1895 года.

„Докторъ Нерацини".

Письмо это было вручено расъ-Даргэ преданнымъ итальянцамъ человѣкомъ, который не замедлилъ сдѣлать расъ-Даргэ весьма прозрачные намеки на то, какъ слѣдуетъ ему въ данномъ случаѣ поступить.

Расъ-Даргэ былъ въ высшей степени возмущенъ, какъ письмомъ, такъ и предложеніемъ свергнуть Менелика съ престола и содѣйствовать итальянцамъ, и не замедлилъ дать г. Нерацини слѣдующій, свойственный абиссинцамъ, лаконичный отвѣтъ:

„Чтобы это письмо расъ-Даргэ, перваго изъ сановниковъ Эѳіопіи, дошло бы до доктора Нерацини. Какъ твое здоровье? Я, благодаря Божіей милости, въ добромъ здравіи. Гдѣ же мой отецъ дружилъ съ твоимъ, что ты осмѣливаешься мнѣ такъ писать? То, что ты мнѣ пишешь, есть ложь. Будь даже написано это письмо моимъ сыномъ, я все же сказалъ бы, что это вымыселъ".

Вмѣсто подписи, по обычаю, была приложена печать расъ-Даргэ. Такимъ образомъ попытка Нерацини потерпѣла

полное фіаско, а тѣмъ временемъ Гуксу перевезли въ Массову къ генералу Баратіери. Мотивировано было это непривычкой къ европейскому холодному климату и тоскою по родинѣ. Съ какою цѣлью это было сдѣлано—трудно сказать. Вѣроятнѣе всего предполагать, что имъ хотѣли воспользоваться для снятія осады съ Макале и обмѣна на принца Гуксу захваченныхъ при Амбаладжи плѣнныхъ офицеровъ, а потомъ и на взятыхъ при Адуѣ. Вскорѣ предложено было даже безвозмездно отпустить Гуксу въ Эѳіопію, дабы удобнѣе было войти въ переговоры о мирѣ. Тогда Гукса написалъ письмо Менелику, дабы тотъ поклялся на Евангеліи, что прощаетъ совсѣмъ ему прежнія вины и позволяетъ водвориться на родинѣ. Сдѣлано это имъ было изъ справедливыхъ опасеній, что при появленіи его въ Абиссиніи императоръ накажетъ его за всѣ его проступки. Менеликъ на это отвѣчалъ лаконически, написавъ, что для всякаго молокососа клясться не намѣренъ, и Гукса не рѣшился возвратиться въ отечество. Пока онъ находился при Баратіери, его заставляли писать письма Менелику, уговаривая его отступить изъ Тигре и окончить дѣло съ Италіею миромъ, но на всѣ эти посланія императоръ не обращалъ равно никакого вниманія. Послѣ неудачныхъ своихъ подвиговъ принцъ Гукса снова водворился было въ Италіи, но такъ какъ тамъ ему значительно поубавили какъ почета, такъ и роскоши содержанія, какъ утратившему свое званіе претендента на эѳіопскій престолъ, то онъ счелъ за болѣе для себя выгодное помириться съ Илькомъ и по прежнему водвориться въ Цюрихѣ.

Такъ окончилась попытка итальянской кандидатуры на тронъ Абиссиніи.

ГЛАВА XV.

Занятіе итальянцами форта Макале. — Описаніе его.— Военный совѣтъ у генерала Аримонди. — Движеніе абиссинскихъ войскъ.— Блокада форта расъ-Маконеномъ. — Появленіе арміи Менелика.— Донесеніе Галліано генералу Баратіери.—Полное обложеніе Макале.— Неудачная вылазка итальянцевъ. — Расположеніе абиссинцевъ.— Идеи генерала Баратіери.—Итальянскій агентъ Фельтеръ и его дѣятельность. — Выкупъ гарнизона Макале. — Отступленіе батальона Галліано и фланговый маршъ негуса къ Адуа.—Реляція Менелика объ осадѣ Макале.—Впечатлѣнія въ Массовѣ и Италіи, вызванныя сдачею Макале.

Маіоръ Галліано.

Разгромъ 4-го баталіона при Амбаладжи не образумилъ итальянцевъ, и все-таки рѣшено было занять также однимъ батальономъ Макале. Причина этого рѣшенія заключалась въ необходимости не очищать совсѣмъ страны и оставить за собою опорный пунктъ для будущихъ операцій, такъ какъ, видимо, итальянскіе генералы не думали отказаться отъ своей первоначальной идеи расширить территорію Эритрейской колоніи и считали почему-то, что, въ случаѣ осады Макале, ей можно будетъ долго противостоять и съ небольшими силами.

Фортъ Макале былъ выстроенъ на горѣ Енда-Іезусъ, на вершинѣ коей, расположенной въ юго-восточномъ углу укрѣпленія, помѣщался пороховой погребъ, устроенный въ бывшей абиссинской церкви. Укрѣпленная ограда, состоявшая изъ соединенія фронтовъ бастіонныхъ съ тенальнымъ и капонирнымъ сильной профили до 2 метровъ, и окружала холмъ со всѣхъ сторонъ, искусно примѣняясь къ мѣстности. На серединѣ горы Енда-Іезусъ находился редутъ, фронтомъ расположенный къ сѣверу. Въ сѣверной сторонѣ ограды находилась потерна, подземный ходъ изъ которой былъ предназначенъ для облегченія вылазокъ и соединялъ внутренность форта со рвомъ. Отъ потерны былъ ходъ къ водѣ, которая въ итальянскихъ реляціяхъ совершенно неправильно была названа источникомъ; это было ничто иное, какъ сбѣгавшая въ котловину вода изъ проходившаго въ двухъ или трехъ верстахъ отъ форта притока рѣки Агула. Для охраны этого водовмѣстилища, находившагося въ 840 саженяхъ отъ форта, былъ выстроенъ особый блокгаузъ, имѣвшій видъ входящаго угла и дававшій перекрестную оборону; но такъ какъ самое сооруженіе не было достаточно крѣпко для самостоятельной обороны и находилось внѣ сферы дѣйствительнаго огня съ валовъ форта, то его скоро пришлось оставить въ рукахъ абиссинцевъ.

Внутри форта находились помѣщенія для офицеровъ и казармы для гарнизона, помѣщеніе для телеграфа, складовъ продовольственныхъ запасовъ и инженерныя постройки. Но лазаретные бараки, вѣроятно въ предупрежденіе заразы, были вынесены за стѣны форта. Кромѣ всего вышеупомянутаго, внутри форта былъ заготовленъ въ цистернахъ запасъ воды въ 200,000 литровъ, и принимая во вниманіе величину гарнизона, могъ хватить лишь на 10 дней осады. Вокругъ форта построены были искусственныя препятствія, какъ-то: проволочныя сѣти, фугасы, волчьи ямы. Собственно самое Макале находилось въ полутора верстахъ къ сѣверу-западу отъ форта; тамъ по срединѣ селенія высился дворецъ негуса,

выстроенный итальянцемъ Жіакомо Наретти. Фортъ огибала дорога, которая шла вдоль подошвы горы и, поровнявшись съ южнымъ фронтомъ, раздѣлялась на двѣ части: одна восходила къ Агулу, а другая продолжалась далѣе къ Доло.

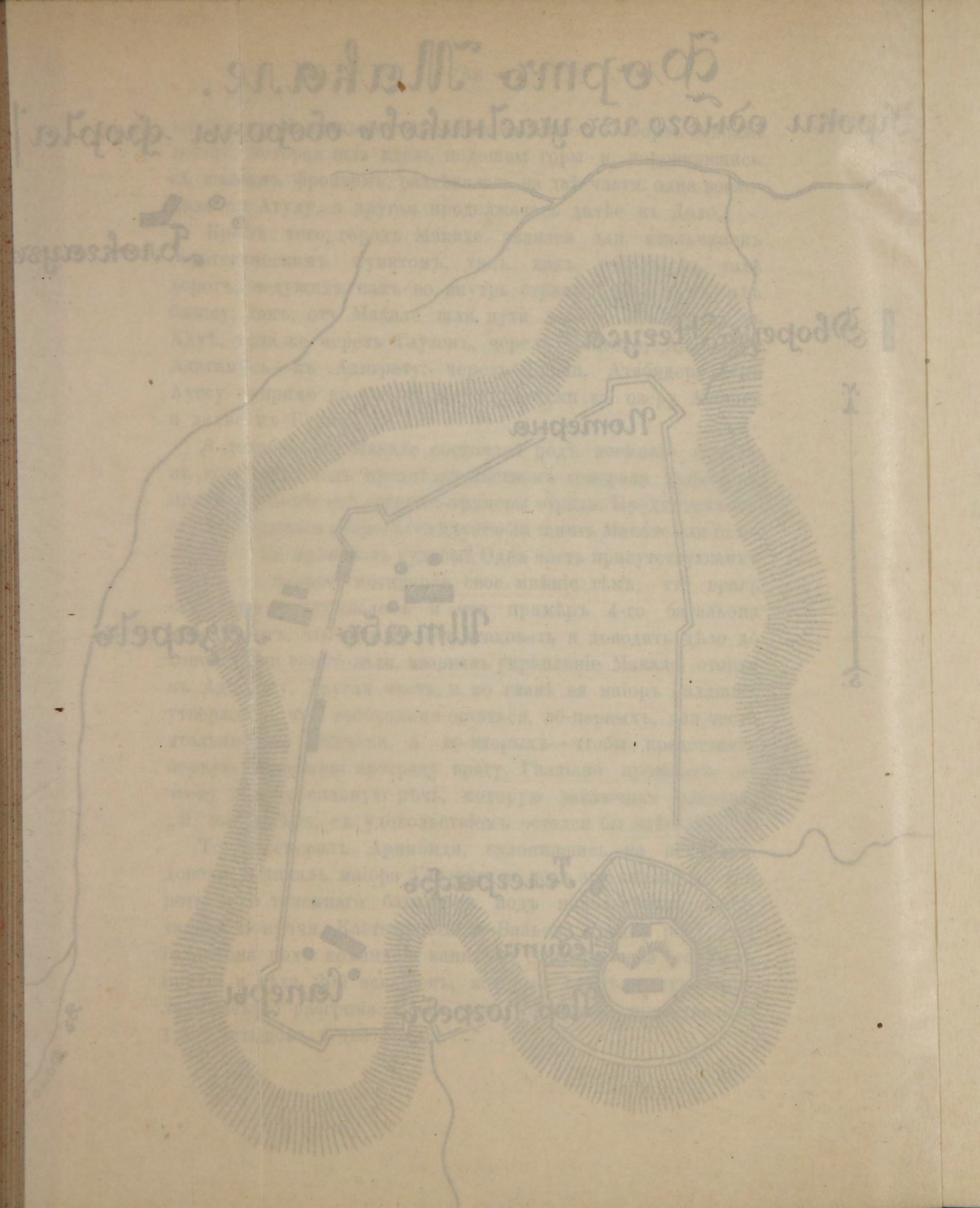
Кромѣ того, городъ Макале являлся для итальянцевъ стратегическимъ пунктомъ, такъ какъ лежалъ въ узлѣ дорогъ, ведущихъ какъ во внутрь страны, такъ и къ ихъ базису; такъ, отъ Макале шли пути черезъ Желибетту къ Адуѣ, туда же черезъ Гаузенъ, черезъ Донголо, Адабаге и Адагамусъ—къ Адиграту; черезъ Берки, Атабидеру — въ Ауссу и прямо на югъ черезъ Амбаладжи къ озеру Ашанги и далѣе къ Бурамеду.

8 декабря въ Макале состоялся родъ военнаго совѣта, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ генерала Аримонди, приняли участіе всѣ старшіе офицеры отряда. Предметомъ обсужденія явился вопросъ: слѣдуетъ-ли занять Макале или оставить его на произволъ судьбы? Одна часть присутствующихъ стояла за первое, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что врагъ слишкомъ многочисленъ и что примѣръ 4-го батальона показываетъ, что онъ умѣетъ атаковать и доводить дѣло до конца. Одни совѣтовали, взорвавъ укрѣпленіе Макале, отойти къ Адиграту. Другая часть, и во главѣ ея маіоръ Галліано, утверждала, что необходимо остаться, во-первыхъ, для чести итальянскаго знамени, а во-вторыхъ—чтобы представить первую серьезную преграду врагу. Галліано произнесъ по этому поводу сильную рѣчь, которую заключилъ словами: „Я, напримѣръ, съ удовольствіемъ остался бы здѣсь!“

Тогда генералъ Аримонди, склонившись на послѣдніе доводы, оставилъ маіора Галліано и подъ его командою: три роты 3-го туземнаго батальона подъ начальствомъ капитановъ Венуччи, Кастелачи и де-Вальона и одну роту 8-го батальона подъ командою капитана Оливари, два горныхъ орудія и тѣхъ 200 аскаріевъ, которые уцѣлѣли отъ амбаладжинскаго разгрома. Всего сила гарнизона представляла 1,500 штыковъ и два орудія.

Форть Макале.

Кроки одного изъ участниковъ обороны форта



Въ то время какъ маіоръ Галліано заперся въ Макале, войска расъ-Маконена и бывшихъ съ нимъ расовъ подошли къ Шеликоту и передовыя его части были всего въ восьми верстахъ отъ крѣпости; къ 20 же декабря абиссинцы передвинулись къ Доло и стали лагеремъ, занявшимъ прямоугольникъ въ 7 верстъ въ основаніи и 3 версты въ высоту.

Въ авангардѣ стали расы Аллула и Габаю, на правомъ крылѣ—расъ-Оліэ, на лѣвомъ—расъ-Микаэль въ центрѣ—расъ-Маконенъ и въ арріергардѣ—Мангаша Атикемъ.

Предвидя скорую блокаду форта, которую непріятель хотя медленно, но неуклонно приводилъ въ исполненіе, Галліано поспѣшилъ приспособленіемъ его къ оборонѣ, причемъ поручику саперовъ Луччіо де-Паолетти поручено было укрѣпить вершину Енда-Іезусъ, дабы сдѣлать ее окончательно неприступною. Къ 11 декабря все было окончено и Галліано не замедлилъ послать объ этомъ донесеніе генералу Баратіери, которое было имъ получено, равно какъ и всѣ послѣдующія. Такъ, 16 декабря Галліано донесъ, что имъ было приказано разрушить часть города Макале, вслѣдствіе найденнаго тамъ склада запасовъ, которые, очевидно, предназначались не для итальянскихъ войскъ.

20 декабря Мангаша Атикемъ сдѣлалъ было попытку атаковать фортъ—но легко былъ отброшенъ.

21 декабря абиссинцы, пользуясь временнымъ перемиріемъ, которое было испрошено Маконеномъ для отысканія и погребенія убитыхъ, слишкомъ близко появились подъ стѣнами форта, увлеченные реквизиціею. Галліано отогналъ ихъ пушечными выстрѣлами и пожаловался Маконену, который тотчасъ же наказалъ всѣхъ виновныхъ въ нарушеніи демаркаціонной линіи.

23 декабря по приказанію маіора Галліано была произведена вылазка для сбора пшеницы, при этомъ сотня Джусти была атакована абиссинцами и въ значительныхъ силахъ, но они были скоро отброшены и реквизиція была доведена до конца.

4 января расы Маконенъ и Мангаша отправились въ Шеликотъ, а 6 января большія колонны ихъ войскъ потянулись еще дальше къ западу и заняли позиціи на высотахъ къ югу отъ Макале, гдѣ расъ-Маконенъ произвелъ всѣмъ войскамъ смотръ. Въ этотъ день у абиссинцевъ была перестрѣлка съ осажденными, причемъ они потеряли убитыми и ранеными нѣсколько человѣкъ.

7 января подъ стѣнами Макале съ большими силами появился императоръ Менеликъ и сдѣлалъ попытку атаки форта. Приводимъ описаніе этого дня, сдѣланное по часамъ маіоромъ Галліано и отосланное Баратіери [1]).

„Макале, 7 января, 8 часовъ.

„Съ семи часовъ утра показались густыя колонны со стороны Шеликота, вытягиваясь къ югу отъ форта и заняли долину.

„10 часовъ 10 минутъ. Видна въ 6—8 верстахъ къ югу красная палатка негуса, окруженная другими бѣлыми. Со стороны Шеликота продолжаютъ дефилировать колонны.

„10 часовъ 15 минутъ. Съ нашихъ передовыхъ постовъ, выдвинутыхъ къ югу и юго-западу, были слышны перестрѣлки.

„10 часовъ 30 минутъ. Атака опредѣлилась: съ юго-востока на юго-западъ. Нашъ резервъ передовыхъ постовъ отступилъ, присоединивъ къ себѣ предварительно всѣ малые отдѣльные развѣдочные отряды и посты.

„12 часовъ. Моментъ перерыва атаки“.

Отъ того же 7 января въ 20 [2]) часовъ въ главной квартирѣ получено было слѣдующее второе письмо Галліано:

„Атака въ настоящую минуту нерѣшительная возобновилась въ часъ дня. Непріятель стрѣляетъ частымъ орудійнымъ огнемъ, но снаряды однако летятъ черезъ фортъ.

---

[1]) Оно было напечатано въ итальянскихъ оффиціальныхъ органахъ.

[2]) Въ итальянской арміи принятъ счетъ времени на круглыя сутки, такъ что 20 часовъ 7 января соотвѣтствуютъ нашимъ восьми часамъ вечера того же числа.

„16 часовъ (4 час. пополудни). Атака ведется развернутымъ фронтомъ со всѣхъ сторонъ, исключая сѣверной. Идетъ горячій бой. Весь лагерь Менелика развертывается на громадномъ протяженіи. По сіе время у насъ слѣдующія потери: умерло три аскарія, ранено: двое итальянскихъ солдатъ, три аскарія и одна женщина. Непріятель понесъ болѣе значительныя потери.

„Съ шести часовъ атака шла, постепенно уменьшаясь въ своей силѣ, ночью прекратилась совершенно и непріятель отошелъ къ своему лагерю".

На этомъ оканчивалось второе письмо маіора Галліано генералу Баратіери.

Между тѣмъ нужно замѣтить, что расъ-Маконенъ и при осадѣ Макале не измѣнилъ тому же образу дѣйствій, что и при Амбаладжи: въ первый же день обложенія форта онъ написалъ Галліано письмо, въ которомъ, выражая желаніе быть такъ же великодушнымъ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, увѣдомлялъ, что не отвергнетъ мирныхъ предложеній маіора и подождетъ нѣсколько дней производствомъ атаки. Маіоръ Галліано тѣмъ не менѣе, ни минуты не колеблясь, немедленно велѣлъ передать Маконену, что всегда съумѣетъ выполнить свой долгъ солдата до послѣдняго момента. И такъ атака форта продолжала повторяться и все также безполезно. Такъ, 8 января абиссинцы произвели новый штурмъ значительными силами, массировавъ предварительно свою артиллерію и соединивъ всѣ орудія въ одну батарею [1]), Итальянскія орудія вступили съ нею въ состязаніе, но только къ вечеру могли заставить абиссинцевъ прекратить огонь, который все-таки причинилъ въ разныхъ мѣстахъ вредъ форту. Штурмъ окончился неудачно съ большими потерями для войскъ раса-Маконена, которыя главнымъ образомъ и участвовали въ дѣлѣ.

---

[1]) Тутъ же находились и два итальянскихъ орудія, взятыхъ въ бою при Амбаладжи.

Но въ ту же ночь абиссинцы снова предприняли бомбардировку и атаку форта, очевидно въ надеждѣ захватить

Штурмъ Макале войсками расъ-Маконена.

врасплохъ гарнизонъ, но энергичная защита осажденныхъ снова принудила атакующихъ къ отступленію.

На слѣдующее утро, 9 января, абиссинцы открыли живой ружейный огонь, сначала почти съ двухъ тысячъ шаговъ, а потомъ съ половиннаго разстоянія, и затѣмъ повели снова атаку съ юга и съ сѣвера. Въ тотъ же день итальянцами было обнаружено, что непріятель производилъ ночью дѣятельную работу траншеи на холмѣ къ сѣверу отъ форта, вслѣдствіе этого маіоръ Галліано приказалъ прекратить дальнѣйшую работу итальянской траншеи изъ боязни встрѣчной мины. 8 января потери гарнизона Макале были слѣдующія: одинъ итальянецъ и три туземца умершими, 4 итальянца и 9 туземцевъ ранеными; 9 же января: одинъ итальянецъ умершій и раненыхъ 2 итальянца и 4 туземца.

10 января закончилось полное обложеніе Макале; войска Менелика укрѣпились на занятыхъ ими позиціяхъ и положеніе храбрыхъ защитниковъ форта стало совсѣмъ тягостнымъ, такъ какъ десяти-дневный запасъ воды въ цистернахъ сталъ подходить къ концу. Въ тотъ же самый день абиссинцы повторили свою атаку на Макале и снова также безуспѣшно. Потерями у итальянцевъ были: двое аскаріевъ убитыхъ и шестеро раненыхъ. За всѣ эти неудачные штурмы потери расъ-Маконена, войска котораго главнымъ образомъ принимали участіе въ дѣлахъ, были гораздо значительнѣе итальянскихъ; каждая атака обходилась человѣкъ въ полторастадвѣсти убитыхъ и раненыхъ. При этомъ трудно понять то упорство, съ которымъ Маконенъ хотѣлъ непремѣнно достичь своей цѣли—взять какъ можно скорѣе фортъ, когда защитники его все равно должны бы были сдаться отъ недостатка воды.

Въ ночь съ 10 на 11 января маіоръ Галліано попытался сдѣлать вылазку, для того, чтобы снова захватить въ свои руки источникъ воды, но попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ, и отбитые огнемъ абиссинцевъ, итальянцы вернулись въ укрѣпленіе. Здѣсь у самой стѣны былъ найденъ трупъ абиссинскаго воина съ маленькой мотыкой въ рукахъ, около начатой имъ въ стѣнѣ бреши, которую онъ вѣроятно наивно

думалъ довести до конца и доставить своимъ возможность добраться до итальянскаго гарнизона.

Въ эту же ночь пришлось усилить посты, такъ какъ абиссинцы, ободренные успѣхомъ, пытались разрушить вторую линію обороны форта.

На слѣдующій день—11 числа—въ 8 часовъ утра, всѣ силы Менелика атаковали фортъ и были приняты сильнѣйшимъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ, который снова заставилъ ихъ отступить. При этомъ штурмѣ Менеликъ приказалъ пустить въ дѣло всю свою артиллерію, но она мало принесла пользы, такъ какъ въ значительной степени была парализована огнемъ итальянскихъ орудій.

Весь слѣдующій день абиссинцы, подъ впечатлѣніемъ большихъ потерь, а главное—упорнаго сопротивленія итальянцевъ, не выходили изъ укрѣпленій. Во время штурма 11 января потерями итальянцевъ было: убитыми два итальянскихъ капрала и пять аскаріевъ, и ранеными одинъ итальянецъ и двадцать четыре аскарія. Потери абиссинцевъ доходили до трехсотъ человѣкъ.

13 января, въ годовщину боя при Коати, снова произошла атака форта и снова абиссинцы были отброшены и еще съ большими потерями, чѣмъ 11 числа.

Когда бой окончился, въ 3 часа 10 минутъ пополудни къ маіору Галліано явился парламентеръ Абдалахъ съ письмомъ отъ негуса, въ которомъ императоръ просилъ остановки военныхъ дѣйствій, дабы дать этимъ возможность похоронить убитыхъ. Галліано согласился на эту просьбу, но съ тѣмъ, чтобы и абиссинскія войска по пушечному сигналу обязались не производить огня и чтобы сборомъ тѣлъ убитыхъ занималось не болѣе 50 безоружныхъ людей.

При наступленіи вечера одинъ изъ итальянцевъ умудрился взобраться на вершину горы Енда-Іезусъ и зажечь тамъ бенгальскій огонь. Не понявъ въ чемъ дѣло, абиссинцы открыли огонь, слѣдствіемъ чего была вылазка аскаріевъ изъ форта, которые отогнали абиссинцевъ, причемъ дошли

до источника, гдѣ напились и набрали воды въ мѣха. Въ этомъ ночномъ дѣлѣ было только двое раненыхъ аскаріевъ.

13 января у итальянцевъ до такой степени истощился запасъ воды, что пришлось выгнать изъ укрѣпленія всѣхъ вьючныхъ животныхъ, дабы избавиться отъ лишнихъ ртовъ и зараженія воздуха отъ падали. Нѣкоторые изъ остававшихся въ фортѣ туземныхъ женщинъ, видя неизбѣжность смерти отъ жажды, кончали жизнь самоубійствомъ, бросаясь внизъ со стѣнъ форта.

Въ описываемый періодъ блокады Макале расположеніе абиссинскихъ войскъ было слѣдующее. Войска Шоа стояли къ западу отъ Макале около Дебры. Король Годжама Теклеймановъ и расъ-Мангаша со своими силами къ востоку отъ форта. Войско расовъ Оліэ, Мангаша Атикемъ, Михаэля и деджазмеча Оліэ—около Грембеса, и наконецъ войско императора Менелика, расъ-Маконена и фитаурари Габаю были расположены эшелонами по пути отъ Макале къ Шеликоту.

Между тѣмъ генералъ Баратіери былъ своевременно извѣщаемъ о всѣхъ перипетіяхъ осады Макале и, тѣмъ не менѣе, вопреки общественному мнѣнію въ Италіи, требовавшему скорѣйшаго освобожденія геройскаго гарнизона форта, не трогался съ мѣста на его выручку. Причинами этого было, во-первыхъ, убѣжденіе, что съ 16 тысячами, находившимися въ его распоряженіи, не только невозможно было бы достигнуть цѣли освобожденія Макале, но значило бы рисковать участью своей арміи и что лучше было пожертвовать гарнизономъ Макале и спасти свои войска. Такова была оффиціальная причина такого рѣшенія, но подкладка въ этомъ дѣлѣ была совсѣмъ иная; она-то и позволяла генералу Баратіери спокойно созерцать издали тягостное положеніе своего 4 баталіона и къ разсмотрѣнію ея мы обратимся своевременно.

14 января продолжалась оживленная перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ, причемъ замѣтнымъ для итальянцевъ стало то обстоятельство, что непріятель мало-по-малу концентри-

чески сжималъ сферу обложенія форта и приближался къ укрѣпленіямъ. Особое свое вниманіе абиссинцы обратили на бдительное охраненіе источника. Около него и днемъ, и ночью стоялъ отрядъ въ 1,000 человѣкъ, укрываясь отъ выстрѣловъ за сложенною изъ большихъ камней стѣною. Самое русло источника было завалено землею и камнями, дабы лишить итальянцевъ всякой возможности имъ воспользоваться.

Послѣ горячей перестрѣлки 14 января, снова послѣдовалъ штурмъ абиссинцевъ и снова геройски былъ отбитъ гарнизономъ, лишившимъ непріятеля 500 человѣкъ. Съ этого же дня маіоръ Галліано сталъ лично раздавать людямъ вино и воду по порціямъ, причемъ послѣдней на каждаго въ день приходилось всего по полъ-стакана.

Съ 14 до 18 января ежедневно обѣ стороны поддерживали болѣе или менѣе оживленную перестрѣлку, причемъ объектомъ дѣйствій съ итальянской стороны былъ источникъ.

18 числа расъ-Маконенъ опять рѣшился на послѣдній штурмъ, но снова былъ отбитъ съ громадными потерями въ нѣсколько сотъ человѣкъ.

Между тѣмъ 14 января въ лагерѣ у Менелика появился извѣстный уже намъ итальянскій агентъ г. Фельтеръ. 17-го онъ вернулся въ Адагамусъ къ генералу Баратіери, 18 января снова поѣхалъ къ Менелику и результатомъ всѣхъ этихъ поѣздокъ явилось ни болѣе ни менѣе, какъ... освобожденіе гарнизона Макале съ оружіемъ и военными почестями. Разсмотримъ теперь объясненіе этого страннаго и загадочнаго событія съ обѣихъ сторонъ, итальянской и абиссинской, послѣ чего легко будетъ вывести соотвѣтствующее заключеніе. По разсказамъ первой, дѣло произошло слѣдующимъ образомъ. 14 января императоръ Менеликъ прислалъ къ генералу Баратіери гонца съ просьбою прислать въ абиссинскій лагерь г. Фельтера, которому негусъ намѣревался сообщить о предлагаемыхъ имъ мирныхъ условіяхъ. Баратіери немедленно послалъ Фельтера и тотъ вернулся

17 числа съ предложеніемъ Менелика отпустить гарнизонъ Макале съ военными почестями (?!), обозомъ и всѣми ранеными [1]). Взамѣнъ этого генералъ Баратіери обязывался не трогать своихъ войскъ, расположенныхъ у Май-Медельта, въ теченіи четырехъ дней, необходимыхъ для присоединенія отряда маіора Галліано къ войскамъ Баратіери. Конечно, послѣдній не только согласился на всѣ условія Менелика, но и прибавилъ еще къ нимъ какія-то условія и инструкціи, о коихъ итальянскіе источники благоразумно умолчали, и снова г. Фельтеръ былъ посланъ къ Менелику, а 24 января генералъ Баратіери получилъ письмо съ извѣстіемъ объ освобожденіи Макале. Разсматривая эти объясненія, невольно задаешься вопросомъ: какая же причина могла заставить Менелика рѣшиться на такое малоосмысленное и черезчуръ великодушное рѣшеніе, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, что гарнизонъ Макале отъ жажды, того гляди, вынужденъ будетъ сдаться, и, конечно, безъ всякихъ условій. Разумѣется, отвѣта на это у итальянцевъ не найдется, а потому поищемъ его лучше въ противномъ лагерѣ.

Дѣйствительно, агентъ Фельтеръ появился въ станѣ Менелика, но ни болѣе, ни менѣе, какъ съ предложеніемъ генерала Баратіери выкупить гарнизонъ Макале. Оселъ съ мѣшками золота—вотъ кто былъ всему причиной, и сумма выкупа опредѣлилась въ 5 милліоновъ франковъ или 2 милліона абиссинскихъ талеровъ.

Когда сдѣлано было это предложеніе негусу Менелику, онъ разсудилъ такъ. Итальянскія войска усилятся всего однимъ баталіономъ, что для него въ сущности все равно, а два милліона талеровъ всегда пригодятся. И, конечно, вполнѣ логично, что онъ согласился при этихъ условіяхъ на освобожденіе 4-го баталіона. Такъ какъ ему приходилось идти на соединеніе съ войсками Баратіери въ теченіи четырехъ переходовъ черезъ страну, въ которой поголовно воз-

[1]) «La guerra italo-abissina». La cronaca dell'assedio di Macalé.

стало почти все населеніе, то Менеликъ приказалъ войскамъ расъ-Маконена довести до назначеннаго пункта и охранять во все время пути баталіонъ Галліано, который со своими офицерами обязался честнымъ словомъ не поднимать болѣе оружіе противъ Менелика. Такимъ образомъ явилась еще никогда невиданная въ военной исторіи картина, когда одна воюющая сторона охраняла другую. Нужно при этомъ замѣтить, что деньги, слѣдовавшія за выкупъ гарнизона, не были внесены сразу, и г. Фельтеръ привезъ Менелику всего одинъ милліонъ, обѣщавъ второй, когда баталіонъ благополучно достигнетъ Адиграта.

Менеликъ и на это согласился, но въ обезпеченіе уплаты оставилъ себѣ 9 офицеровъ заложниками до внесенія полной суммы. Объ этихъ заложникахъ много писали и телеграфировали въ свое время, но, конечно, итальянцы не могли бы объяснить, почему, отпуская всѣхъ 1,400 человѣкъ на свободу, предусмотрительный Менеликъ оставилъ у себя 9 человѣкъ офицеровъ. Какъ только второй милліонъ былъ внесенъ, плѣнные тотчасъ же были освобождены.

Путь отступавшаго къ своимъ баталіона Галліано былъ намѣченъ на Эндерту и Адагамусъ, причемъ войска расъ-Маконена окружили отрядъ со всѣхъ сторонъ. Достойна всякаго вниманія слѣдующая великодушная черта императора Менелика. Какъ извѣстно, 4-й баталіонъ весь состоялъ изъ аскаріевъ—то-есть тѣхъ же абиссинцевъ, поступившихъ на итальянскую службу и являвшихся такимъ образомъ измѣнниками своему отечеству. Поэтому становится вполнѣ понятнымъ то озлобленіе, которое охватило всѣ абиссинскія войска при видѣ дефилировавшихъ изъ крѣпости своихъ собратьевъ, пули которыхъ уложили столько жертвъ. Въ особенности волновались и озлоблены были солдаты расъ-Мангаши и расъ-Аллулы, у которыхъ, какъ у пограничныхъ съ Эритрейскою колоніею, въ рядахъ измѣнниковъ были и родственники. Общему же гнѣву не мало способствовало то, что Галліано распорядился сдѣлать изъ церкви редюитъ

форта. Когда расы донесли Менелику, что съ трудомъ сдерживаютъ войска отъ нападенія на измѣнниковъ и не ручаются за послѣдствія, Менеликъ тотчасъ же распорядился возвратить баталіону Галліано отобранные у солдатъ патроны, *дабы въ случаѣ нападенія они могли защищаться.* Мы нарочно подчеркиваемъ этотъ небывалый въ военныхъ лѣтописяхъ фактъ, изъ котораго явствуетъ, что не одна культура и цивилизація можетъ служить гарантіей благородства и гуманныхъ идей. То же самое мы видѣли и въ сраженіи при Амбаладжи, когда итальянцы выкидывали на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ трупы непріятеля, а абиссинцы хоронили итальянцевъ по христіанскимъ обычаямъ.

Въ то время, какъ организованъ былъ маршъ отряда маіора Галліано, императоръ Менеликъ блестяще воспользовался имъ и совершилъ рѣдко удававшуюся и только великимъ полководцамъ перемѣну своей базы. Къ этому его вынудило то обстоятельство, что страна къ югу отъ Макале въ значительной степени была истощена реквизиціями и дальнѣйшее пребываніе абиссинскихъ войскъ могло пагубно отозваться на ихъ продовольствіи и особенно для конницы. Между тѣмъ страна къ югу и юго-западу отъ Адуи, куда задумалъ перейти Менеликъ, была и богата, и совсѣмъ не испытала на себѣ реквизиціонныхъ поборовъ. Для того, чтобы перейти въ нее, предстояло совершить фланговый маршъ мимо непріятеля, и, конечно, лучшаго боковаго авангарда и заслона отъ Баратіери, какъ его же 4 баталіонъ, нельзя было и представить. Направивъ Маконена съ Галліано на Эндерту, Менеликъ одновременно двинулся двумя колоннами на Гаузенъ и Алозо, и безпрепятственно достигъ новой своей базы, совершивъ тѣмъ блестящую стратегическую операцію. Конечно, могутъ на это возразить, что не могъ же Менеликъ имѣть стратегическихъ познаній, но на это можно замѣтить, что ни Аннибалъ, ни Юлій Цезарь не обучались въ военныхъ академіяхъ, а тѣмъ не менѣе въ этихъ послѣднихъ они остались высокими примѣрами военнаго искусства,

которое, какъ и всякій талантъ—качество врожденное. Конечно, мы не думаемъ этимъ приравнивать Менелика къ приведеннымъ выше геніямъ войны, но хотимъ лишь охарактеризовать, насколько опаснымъ соперникомъ являлся императоръ Менеликъ для своихъ враговъ, которые желали видѣть въ немъ только дикаря. При этомъ слѣдуетъ попутно замѣтить, что объясненіе, даваемое итальянскими оффиціозами этому фланговому маршу, было настолько же наивно, насколько и невѣрно. Они пытались доказать, что цѣлью движенія Менелика и его арміи было желаніе императора короноваться въ Аксумѣ. Прежде всего это не могло имѣть мѣста уже потому, что Менеликъ короновался, при самомъ вступленіи своемъ на престолъ Эѳіопіи въ 1890 году, въ Энтото. Вслѣдствіе этого обстоятельства въ Эѳіопіи и возникло два митрополита, Аббуна и Аксумскій. Второй, интригуя противъ перваго, игралъ все время роль шпіона у итальянцевъ.

Наконецъ, одно желаніе короноваться не могло заставить Менелика совершить опасный фланговый маршъ и съ успѣхомъ могло быть отложено до окончанія войны.

Приводимъ нижеслѣдующую, подлинную реляцію негуса Менелика объ осадѣ Макале.

„Войска его величества, окруживъ потомъ Макале, расположились лагеремъ вокругъ крѣпости. Въ то время какъ итальянцы старались занимать насъ переговорами о мирѣ, ночью они увеличивали свои укрѣпленія. Его величество былъ еще въ Ашанги, когда его увѣдомили, что трупы людей и животныхъ загромождаютъ дорогу и распространяютъ отвратительный запахъ; онъ приказалъ тогда устроить новую дорогу изъ Водерата и прибыли въ Галико [1]), гдѣ сталъ лагеремъ; отпраздновавъ здѣсь Рождество, онъ подошелъ къ Макале. Его войско хотѣло идти на приступъ, но его величество не позволилъ, думая, что безъ боя и на-

[1]) Вѣроятно Шеликотъ.

прасныхъ жертвъ туда войдетъ. Зная, что у непріятеля былъ недостатокъ въ водѣ, его величество приказалъ охранять воинамъ всѣ источники, кои были вокругъ форта. Но итальянцы, обманувъ нашихъ людей, подъ предлогомъ начатія переговоровъ о мирѣ и дѣлая колодцы, завладѣли нѣсколькими боченками воды. Они думали, что недостатокъ у насъ провіанта заставитъ насъ идти на реквизицію и разсчитывали тогда уйти. Видя недостатокъ въ водѣ, они начали стрѣлять изъ пушекъ и ружей съ утра и до вечера. Наши воины, напротивъ, только удвоили стражу. Стрѣляя изъ ружей, они убили у насъ много людей и животныхъ. Солдаты расъ-Маконена, которые сторожили воду, были убиты. Трупы ихъ не были убраны, говоритъ онъ; расъ-Маконенъ тогда сталъ стрѣлять изъ пушекъ по форту, итальянцы же, если только видѣли одного человѣка, собирающаго траву, стрѣляли по немъ цѣлый день изъ пушки. Итальянцы заставили войти въ крѣпость поповъ, балагеровъ, женщинъ и дѣтей изъ сосѣднихъ деревень, но не находя никакого у нихъ состраданія, женщины, страдая отъ жажды, бросались ночью внизъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Они умирали отъ жажды и, чтобы имѣть воду, стали измѣнять и приходить. Всѣ стада и балагеры, кои были въ крѣпости, умирали, и такъ какъ некому было ихъ хоронить, ужасный запахъ сталъ далеко распространяться. Еще одинъ день и никого бы изъ нихъ тамъ не осталось.

„Его величество негусъ чувствовалъ, какъ его сердце движется состраданіемъ къ ближнимъ, созданнымъ по образу Божію. Я христіанскій король, сказалъ онъ,—а не языческій, я не допущу, чтобы христіане умирали отъ жажды. Одинъ итальянскій негоціантъ изъ Харрара, по имени Фельтеръ, явился для улаженія отношеній и былъ въ лагерѣ у расъ-Маконена.

„Его величество велѣлъ его позвать. „Для чего вы явились изъ вашей, страны? Чтобы взять эту или чтобы заставлять умирать отъ жажды людей?“ Но тотъ, видя положеніе дѣлъ, ничего не отвѣчалъ.

„Тогда его величество сказалъ: „Если бы моя злоба равнялась вашей, я оставилъ бы умирать ихъ всѣхъ. Вотъ что ты можешь сказать генералу Баратіери, который явился сюда, говоря, что возьметъ нашу страну. Если бы я не былъ здѣсь, всѣ люди, которые въ крѣпости, погибли бы отъ жажды; но Евангеліе намъ говоритъ: „любите даже враговъ вашихъ!“ Я христіанскій правитель, а не языческій, и теперь, чтобы христіане не умирали отъ жажды, я пошлю людей ихъ взять. Если вы хотите сражаться, соберитесь и ждите меня, я приду“, сказалъ онъ. И онъ отослалъ Фельтера передать эти слова. 14 дней спустя король Гумбертъ прислалъ отвѣтъ: отдайте мнѣ моихъ людей и возьмите крѣпость. Избѣгшіе смерти и оставшіеся въ Макале итальянцы, видя изъ письма ихъ начальника, что помощи ждать имъ нечего и что положеніе ихъ затруднительно, выкинули бѣлое знамя. Они просили воды для себя и своихъ животныхъ. Его величество приказалъ выпустить изъ крѣпости больныхъ, если бы они тамъ были. Ихъ выпустили. Его величество приказалъ дать воды имъ и ихъ животнымъ. Послѣ утоленія жажды, были люди и животныя, которыя отъ этого умерли. И не только люди, даже собаки умирали. Наши войска были охвачены грустью. Но скоро доброта его величества къ людямъ, которые грабили нашу страну, жгли наши церкви, показалась войскамъ слишкомъ великою и они на это были очень злы. „Крестьяне не сражались вѣдь съ вами, зачѣмъ же вы заставляли ихъ умирать въ этой крѣпости?“ спросили мы итальянцевъ. „Это потому, что мы не знали, что будетъ такъ мало воды“—былъ ихъ отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ, столь странный для насъ, знающихъ свою страну, тѣмъ не менѣе, не сказка. Его величество, видя, что итальянцамъ трудно унести съ собою ихъ вещи, и не желая, чтобы они думали, что вещи нужны его величеству, приказалъ дать имъ взятыхъ въ наемъ муловъ, чтобы они нагрузили на нихъ свои ружья и вещи, и отослалъ ихъ. Если бы его величество былъ бы такъ

золъ, какъ эти люди, ни одинъ бы изъ нихъ не ушелъ живымъ, дабы сообщить своимъ о гибели отряда.

„Писано въ Долло, 17 Тери (января) 1888 года Милосердія“.

Въ войскахъ Баратіери сдача Макале вызвала сначала, кромѣ радости за освобожденіе товарищей, общее недоумѣніе. Чтобы характеризовать настроеніе корпуса офицеровъ, приведемъ выдержки изъ статьи объ этомъ событіи, посланной изъ Адагамуса въ „Corriere della Serra“ отъ 24 января 1896 года [1]).

„Но на какихъ же условіяхъ, спрашивали всѣ, негусъ согласился дать свободу нашимъ 1,400 собратьямъ, коимъ, окруженнымъ 70,000 или 80,000 арміею и лишеннымъ воды, оставалось всего нѣсколько дней жизни?

„Эти условія держатся начальствомъ [2]) въ строгомъ секретѣ. Одни говорятъ, что, не смотря на свою силу, Менеликъ очень насъ боялся и согласился на освобожденіе гарнизона съ однимъ лишь условіемъ, чтобы мы согласились на отмѣну Учіалійскаго договора. Другіе утверждаютъ, что Менеликъ самъ предложилъ капитуляцію и согласился признать нашею всю территорію, гдѣ проливалась итальянская кровь. Иные же утверждаютъ, что взамѣнъ этого освобожденія съ нашей стороны было обѣщаніе позволить Менелику пойти короноваться въ Аксумъ. Однимъ словомъ, никто ничего не понимаетъ, *но общее убѣжденіе то, что безъ очень важной причины никогда бы не выпустили изъ Макале гарнизона его, находившагося въ такомъ безвыходномъ положеніи*“.

Перемѣна базы Менеликомъ совершенная такимъ искуснымъ маневромъ, сразу оказала свое дѣйствіе; силы и многочисленное „дурго“ войскъ стали приращаться прогрессивно

---

1) Она появилась въ газетѣ 11 февраля 1896 года.

2) Въ подлинникѣ: «Commando», т.-е. надо подразумѣвать генерала Баратіери.

вслѣдствіе подхода воиновъ изъ сѣверныхъ провинцій, а близость негуса къ Массовѣ настолько повліяла на настроеніе туземцевъ, что Баратіери былъ вынужденъ объявить Массову на военномъ положеніи.

3 февраля итальянскій главнокомандующій оставилъ свою позицію у Адагамуса и продвинулся къ Энтото изъ опасенія, что иначе Менеликъ можетъ отрѣзать его отъ базы. Тогда на слѣдующій день негусъ отошелъ еще къ сѣверозападу и занялъ высоты Гандатпы. Это въ свою очередь заставило Баратіери продвинуться еще вправо и стать въ Май-Маманѣ, къ юго-западу отъ Май-Габеты.

ГЛАВА XVI.

Бой при Адуа.

Обстановка, въ которой находились обѣ воюющія стороны передъ Адуанскимъ сраженіемъ. — Рѣшеніе Баратіери отступить къ Ади-Кайе.—Отмѣна этого рѣшенія.—Военный совѣтъ въ итальянскомъ лагерѣ и его результаты. — Диспозиція генерала Баратіери на 29 февраля.—Описаніе мѣстности, на которой разыгралось сраженіе.—Силы обѣихъ сторонъ въ бою подъ Адуей. — Характеристика итальянскихъ генераловъ.—Тревога въ абиссинскомъ лагерѣ.—Наступленіе итальянскихъ колоннъ.—Бой колонны генерала Альбертоне.—Атака абиссинцами колоннъ генерала Аримонди и Эллены. — Бой колонны генерала Даборми́ды.—Бѣгство итальянцевъ.—Потери обѣихъ сторонъ.—Рейдъ расъ-Себата.—Расправа съ плѣнными башибузуками.—Дѣятельность Менелика послѣ боя.—Участь подполковника Галліано.—Впечатлѣніе, произведенное Адуанскимъ боемъ въ Италіи.

Обстановка, въ которой находились обѣ враждующія стороны передъ Адуанскимъ погромомъ итальянцевъ, была слѣдующая.

Негусъ Менеликъ, выпустивъ выкупленный при посредствѣ итальянскаго агента г. Фельтера, за 2.000,000 талеровъ, 4-й туземный баталіонъ подполковника Галліано, справедливо разсуждалъ, что 1,400 лишнихъ штыковъ у итальянцевъ ему вовсе не страшны, а деньги всегда пригодятся, особенно въ

тяжелое военное время; при этомъ онъ искусно воспользовался этимъ баталіономъ, какъ надежнымъ заслономъ, въ видѣ боковаго авангарда, при совершеніи абиссинцами опаснаго фланговаго марша двумя колоннами на Алозо и Гаузенъ къ Адуѣ, предпринятаго для перемѣны базы и операціонной линіи. Трудный маневръ этотъ былъ выполненъ Менеликомъ съ полнымъ успѣхомъ, послѣ чего получена была возможность вести далѣе войну, базируясь уже на свои западныя провинціи. Идею и исполненіе этого марша слѣдуетъ приписать врожденному таланту Менелика. По этой операціи итальянцамъ слѣдовало бы заключить, что они имѣютъ дѣло не съ простымъ дикаремъ, а съ весьма съ опаснымъ соперникомъ.

Своимъ передвиженіемъ къ Адуѣ Менеликъ сталъ сразу въ угрожающее положеніе относительно итальянцевъ, занявъ позицію на флангѣ ихъ операціонной линіи. Вслѣдствіе этого генералъ Баратіери былъ вынужденъ перемѣнить фронтъ на западъ и, занявъ сначала авангардомъ Энтишіо, продвинулся потомъ впередъ къ Саурійской позиціи, причемъ путь отступленія его направлялся отъ праваго фланга позиціи на сѣверъ.

До половины февраля обѣ стороны оставались въ выжидательномъ положеніи, и Менеликъ воспользовался временнымъ перерывомъ военныхъ дѣйствій для того, чтобы, согласно своему обыкновенію, предложить мирныя условія итальянцамъ. Эти условія были доведены до minimum'а, а именно, Менеликъ ставилъ границей между государствами рр. Маребъ и Белезу и отмѣну 17-го пункта Учіалійскаго договора, т.-е. установленнаго Италіей протектората надъ Эѳіопіей. Условія эти не были приняты генераломъ Баратіери и военныя дѣйствія возобновились.

Сближеніе сторонъ привело къ тому, что расы Себатъ и Агосъ, отложившіеся отъ Менелика въ началѣ войны, 13 февраля явились къ нему съ повинною и просили опять

принять ихъ на службу, обѣщая приложить все свое усердіе и храбрость въ борьбѣ съ итальянцами и тѣмъ загладить тяготѣвшую на нихъ вину. Слѣдуя своей обычной тактикѣ, Менеликъ всячески ихъ обласкалъ, принялъ опять къ себѣ и посовѣтовалъ какъ можно скорѣе отличиться въ какомъ-нибудь самостоятельномъ горячемъ дѣлѣ, дабы этимъ возвратить довѣріе къ себѣ среди своихъ единоплеменниковъ, которые до сихъ поръ видѣли въ нихъ лишь гнусныхъ измѣнниковъ своему отечеству. Себатъ и Агосъ не заставили долго ждать и, въ ночь на 14 февраля, атаковали на высотахъ Алеква передовой итальянскій постъ, одну центурію (60 челов.) подъ командою капитана Чистерна, и съ большимъ урономъ заставили его отступить. Посланный итальянцами отрядъ, подъ командою поручика де-Кончилисъ, былъ весь захваченъ въ плѣнъ. Для обратнаго занятія высотъ Алеква были высланы три роты подъ командою капитана Макагата, но ничего не могли сдѣлать, и только два отряда, одинъ дѣйствовавшій съ фронта, подъ командою капитана Оддоне, и другой, подъ начальствомъ маіора Валли, направленный во флангъ и тылъ партизанскому отряду Себата, вынудилъ его очистить позицію. Но расы эти скоро дали себя знать уже въ тылу у противника, занявъ мѣстечко Май-Маратъ и уничтоживъ телеграфное сообщеніе итальянцевъ. Генералъ Баратіери долженъ былъ выслать противъ нихъ уже цѣлый отрядъ изъ трехъ баталіоновъ и горной батареи подъ командою полковника Стефани. Себатъ и Агосъ послѣ упорнаго боя отступили, но недалеко, и снова стали на флангѣ у итальянцевъ на высотахъ Гунди-Гундета; потерями итальянцевъ въ этихъ стычкахъ было болѣе 100 человѣкъ убитыми, 36 человѣкъ ранеными и 40 плѣнными.

Эти послѣднія дѣла ясно показали генералу Баратіери, въ какомъ опасномъ положеніи находилась его операціонная линія, и въ то же время открыли глаза итальянскому правительству въ томъ смыслѣ, что разъ командованіе вой-

сками находилось въ рукахъ генерала Баратіери, нельзя было возлагать надеждъ на какой бы то ни было успѣхъ въ Африкѣ. 22 февраля состоялся королевскій декретъ объ отозваніи генерала Баратіери и о назначеніи на его мѣсто генерала Бальдиссера. Это назначеніе было оставлено въ тайнѣ и про новаго главнокомандующаго былъ распущенъ слухъ, что онъ уѣзжаетъ изъ Италіи для леченія глазной болѣзни. Много было говорено по поводу того, что попытка вызвать на бой абиссинцевъ подъ Адуей была сдѣлана Баратіери какъ бы съ отчаянія, вслѣдствіе того, что въ печати все-таки проскользнуло извѣстіе о назначеніи его преемника. Какъ мы увидимъ ниже, это не было вѣрно, такъ какъ рѣшилъ бой военный совѣтъ, хотя въ согласіи съ Баратіери; на его постановленіе, конечно, могла вліять и вышеприведенная данная.

Между тѣмъ расы Себатъ и Агосъ не дремали и распространили свои набѣги по направленію къ Годофеласси, такъ что банды ихъ очутились уже совсѣмъ въ тылу у итальянцевъ, угрожая ихъ сообщеніямъ съ Асмарой.

Въ то же время передъ глазами генерала Баратіери появился новый грозный призракъ—продовольственный вопросъ. Запасы истощались, подвозъ съ базы былъ весьма затруднителенъ. Съ половины февраля едва хватало продовольствія на итальянскихъ солдатъ. Офицеры получали солдатскіе раціоны; аскаріямъ же выдавали вмѣсто муки по $1^1/_2$ фунта ячменя въ день и по 2 талера. Фуражная дача также была доведена до minimum'а.

Взвѣсивъ обстановку, генералъ Баратіери принялъ рѣшеніе отступить на Ади-Кайе. Хотя приказъ объ этомъ былъ заготовленъ еще 16 февраля, генералъ все еще медлилъ, тяготясь самой идеей постыднаго отступленія безъ боя и опасаясь за духъ своихъ войскъ, соскучившихся въ бездѣятельности. Наконецъ, 23 февраля, появился этотъ приказъ въ войскахъ; на слѣдующее утро, въ 6 часовъ, назначалось выступленіе всему корпусу, имѣя въ авангардѣ

2-ю пѣхотную бригаду, за которой должны были слѣдовать 1-я и 3-я бригады. Въ приказѣ генерала Баратіери говорилось: „Непріятель отступилъ къ Адуѣ, прервавъ связь съ нами. Вслѣдствіе этого рѣшаю отодвинуть операціонный корпусъ къ Дебра-Дамо“. Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ приказа видно, что отступленіе это должно было совершаться подъ прикрытіемъ туземныхъ войскъ, кои для введенія въ заблужденіе противника должны были оставаться въ лагерѣ до тѣхъ поръ, пока весь корпусъ не сосредоточится у Дебра-Дамо. Всѣ обозы подъ командою капитана Ангера должны были двигаться впереди корпуса, причемъ ночлегъ имъ былъ назначенъ около высотъ къ сѣверо-востоку отъ Май-Габетта.

Тѣмъ временемъ Менеликъ, 17 февраля отступившій къ Адуѣ и расположившійся станомъ въ адуанской котловинѣ, хотя и освободился отъ соприкосновенія съ противникомъ, но шпіоны своевременно ставили императора въ полную извѣстность относительно происходившаго въ итальянскомъ лагерѣ. Также во-время негусъ былъ извѣщенъ о предположенномъ движеніи корпуса, почему въ ночь съ 23 на 24 февраля выдвинулъ 10,000 отрядъ подъ командою фитаурари Габаю къ Гунгету. Абиссинцы, перейдя рѣку Маребъ, заняли полицію на гундетскихъ высотахъ, ставъ въ угрожающее фланговое положеніе отступающимъ итальянцамъ, и генералъ Баратіери, во избѣжаніе могущихъ произойти отъ этого печальныхъ послѣдствій, долженъ былъ на разсвѣтѣ, 24 февраля, отмѣнить отданный наканунѣ приказъ. На смѣну первоначальнаго рѣшенія явились другія два: маіоръ Амеліо со своимъ баталіономъ и туземною бандою въ 500 человѣкъ и взводомъ 2-й туземной батареи (sezione), подъ командою поручика Бальди, былъ посланъ форсированнымъ маршемъ для того, чтобы предупредить Габаю и до его подхода занять хребетъ (извѣстія, полученныя генераломъ Баратіери, гласили, что абиссинцы находятся лишь на пути къ Гундету).

Но, какъ мы видѣли, маіоръ Амеліо опоздалъ и высоты уже были заняты почти въ пять разъ сильнѣйшимъ противникомъ. Впрочемъ, генералъ Баратіери и не разсчитывалъ на его своевременное прибытіе къ Гундету, потому что того же 24 числа произвелъ усиленную рекогносцировку противъ праваго фланга расположенія абиссинской арміи, дабы этимъ отвлечь ихъ силы отъ сѣвера и, заставивъ обойти отрядъ Габаю къ своему лагерю, открыть себѣ путь отступленія на Ади-Кайе. Въ этомъ смыслѣ 24 февраля, утромъ, были сдѣланы генераломъ Баратіери всѣ соотвѣтствующія распоряженія, и войска выступили въ 4 часа пополудни къ покинутымъ абиссинцами позиціямъ у проходовъ Ребби-Аріенне и Шидане-Меретъ, гдѣ итальянцевъ встрѣтили огнемъ незначительныя передовыя части противника, скоро отступившія къ своимъ главнымъ силамъ.

Рекогносцировка достигла своей цѣли, абиссинцы отошли отъ Гундета къ р. Маребу и въ итальянскихъ войскахъ распространился слухъ, что они будутъ атакованы негусомъ на слѣдующій день, 26 февраля. Весь этотъ день и ночь войска провели въ ружьѣ, но нападенія не послѣдовало. Тогда у генерала Баратіери явилась идея повторить эту усиленную рекогносцировку уже въ видѣ демонстративной атаки и по выполненіи таковой совершить заранѣе намѣченное отступленіе.

Такимъ образомъ, разбирая ходъ дѣйствій, предшествовавшихъ Адуанскому бою, мы логически наталкиваемся на первообразъ идеи генерала Батаріери, а именно, приковавъ демонстраціей противника къ его позиціи, совершить спокойно отступленіе къ Ади-Кайе. Но къ 29 февраля идея эта видоизмѣнилась и приняла слѣдующую формулу: не ограничиваясь демонстраціей, искать боя съ противникомъ. Какія же этому явились побудительныя причины? Безъ всякаго сомнѣнія, главнѣйшею изъ нихъ было то обстоятельство, что генералъ довѣрился показаніямъ шпіоновъ и перебѣжчиковъ (по словамъ абиссинцевъ, умышленно подсыла-

емыхъ негусомъ), которые доносили, что, во-первыхъ, большая половина арміи Менелика разбрелась въ дальнія провинціи для реквизицій (этому Баратіери могъ легко повѣрить, такъ какъ самъ страдалъ отъ недостатка продовольствія), что, кромѣ того, силы негуса крайне ослаблены многочисленными потерями въ бояхъ и отъ болѣзней, и что число бѣгущихъ воиновъ изъ его лагеря увеличивается съ каждымъ днемъ. Шпіоны увѣряли также Баратіери, что почти всѣ расы искренно желаютъ окончить тяжелую войну. Не надо быть большимъ психологомъ, чтобы понять, что̀ происходило въ душѣ итальянскаго генерала. Ему впервые явился случай, пользуясь настроеніемъ желавшихъ боя своихъ войскъ, попытаться атаковать противника, съ надеждой въ этотъ разъ на успѣхъ, такъ какъ онъ могъ считать враговъ почти въ равныхъ силахъ со своими войсками. Затѣмъ этою атакою онъ разрѣшалъ сразу критическій вопросъ о продовольствіи и съ бою вступилъ бы во владѣніе адуанской провинціей, которая дала бы ему необходимыя средства. Личный вопросъ самолюбія — возстановленіе своего престижа давно ожидаемою побѣдою, возвращеніемъ только-что отнятыхъ прежнихъ лавровъ съ прибавкою новыхъ, затмевающихъ своимъ блескомъ рядъ тяжелыхъ неудачъ—всѣ эти факторы мы ставимъ уже на послѣднемъ планѣ. Но и въ этомъ случаѣ, какъ мы увидимъ, итальянскій главнокомандующій не взялъ на себя иниціативы и предоставилъ рѣшеніе этого столь важнаго для него вопроса—„быть или не быть“—собранному имъ военному совѣту и только какъ бы покорился его почти единогласному рѣшенію.

Ко всему вышесказанному необходимо добавить, что выжидательное положеніе, въ которомъ оставались обѣ стороны до Адуанскаго сраженія, въ высшей степени утомляло и раздражало итальянскія войска, жаждавшія наконецъ, встрѣтиться съ кунктаторомъ Менеликомъ и отомстить за Амбаладжу и Макале. Дѣйствительно, подъ впечатлѣніемъ восторженныхъ манифестацій и торжественныхъ проводовъ съ

далекой родины, солдаты горѣли желаніемъ снова поднять престижъ своей страны и показать всему свѣту, что итальянцы умѣютъ драться и умирать за свое отечество, и вотъ, вмѣсто встрѣчи съ врагомъ, ихъ только утомляли, тяжелыми переходами подъ тропическимъ солнцемъ, заботами о вьюкахъ, вознею съ мулами,—а непріятеля нигдѣ и въ поминѣ не было. Поэтому неудивительно, что когда за недѣлю до Адуанскаго боя генералъ Баратіери предписалъ генералу Альбертоне сдѣлать рекогносцировку съ двумя баталіонами и одной батареей (какъ выражался послѣдній, à la Skobelleff), ему стоило большихъ трудовъ удержать свой отрядъ отъ того, чтобы предпринятая демонстрація для развѣдки расположенія противника не перешла въ горячее дѣло.

Горный кряжъ Сомайата, на которомъ находились теперь итальянскія войска, представлялъ всѣ выгоды прекрасной оборонительной позиціи съ громаднымъ обстрѣломъ и, по мнѣнію генерала Альбертоне, на ней и слѣдовало оставаться въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій и тутъ же и принять бой, если бы Менеликъ рѣшился атаковать итальянцевъ. Но тѣмъ не менѣе вышло совсѣмъ иначе. Генералъ Альбертоне, 29 февраля, послѣ обѣда, сидѣлъ въ офицерской столовой, когда вошедшій вѣстовой доложилъ ему, что его проситъ къ себѣ генералъ Баратіери. Когда онъ явился въ палатку главнокомандующаго, то засталъ тамъ генераловъ Дабормида, Аримонди, начальника штаба полковника Валенцано, маіора Зальца и нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба. Альбертоне сразу бросилось въ глаза торжественно серьезное выраженіе всѣхъ лицъ, что навело на мысль о важности причины внезапно собравшагося военнаго совѣта.

Когда всѣ приглашенные оказались на-лицо, генералъ Баратіери, со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, очертилъ обстановку, въ которой находились обѣ арміи, и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: „И такъ, наше положеніе таково: запасовъ продовольствія у насъ имѣется всего на

нѣсколько дней. На наши сообщенія дѣйствуютъ банды Агоса и расъ-Себата, такъ что невольно приходится подумать, какъ намъ придется отступить. Между тѣмъ, съ другой стороны, мною получены положительныя свѣдѣнія о томъ, что болѣе половины арміи негуса отправилось на дальнюю реквизицію, такъ какъ въ абиссинскихъ войскахъ также чувствуется большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; кромѣ того, по сообщеніямъ лазутчиковъ, между расами начались сильные раздоры. То же обстоятельство, что на реквизицію отправилось именно болѣе половины всѣхъ войскъ, подтверждается вполнѣ тѣмъ сопротивленіемъ, которое повсемѣстно оказываетъ войскамъ населеніе". Генералъ закончилъ свои соображенія постановкой вопроса о томъ, что теперь дѣлать, въ виду критичности положенія: оставаться-ли на позиціи въ ожиданіи подкрѣпленій, но съ рискомъ истощить всѣ запасы продовольствія и быть отрѣзанными отъ базы, имѣя передъ собою всю армію Менелика; отступать-ли къ Ади-Кайе, съ рискомъ быть атакованными на маршѣ, или же, пользуясь отсутствіемъ большей ея части, рѣшиться атаковать противника, разбить его, и тѣмъ открыть себѣ полную свободу для дальнѣйшихъ дѣйствій? Мнѣнія были собраны по обычаю, начиная съ младшихъ: маіоръ Зальца высказался противъ атаки, полковникъ Валенцано за нее, генералъ Альбертоне [1]) противъ нея, генералы Аримонди [2]), Эллена, Дабормида и другіе офицеры

[1]) Генералъ не сочувствовалъ колоніальной политикѣ, глубоко убѣжденный, что толка отъ Эритрейской колоніи не будетъ, а отъ ведущейся кампаніи—тѣмъ болѣе, но, какъ патріотъ и ранѣе знакомый со страною (онъ служилъ прежде въ африканскихъ войскахъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба) и желая принести какую-либо пользу своими свѣдѣніями, онъ одинъ изъ первыхъ просился на театръ военныхъ дѣйствій.

[2]) Генералъ Аримонди особенно настаивалъ на атакѣ, что психологически вполнѣ понятно. Почтенный воинъ стремился скорѣе, загладить новымъ боемъ впечатлѣніе дѣла подъ Амбаладжи гдѣ ему не удалось выручить маіора Тозелли.

горячо поддержали мнѣніе Валенцано. Не давая еще окончательнаго своего рѣшенія, генералъ захотѣлъ выслушать мнѣнія и другихъ опытныхъ африканскихъ офицеровъ, и въ палатку были приглашены: капитаны Ангера, Павонни, Бодреро, Санелли и Лукка, какъ особенно хорошо изучившіе страну. Когда имъ былъ предложенъ вопросъ: возможно-ли, находясь въ данномъ положеніи, рѣшиться атаковать противника?— всѣ эти лица въ одинъ голосъ высказались противъ этого предположенія, основываясь на скудости рекогносцировочныхъ свѣдѣній и на сопряженномъ съ этимъ фактомъ большимъ рискомъ атаки. Это мнѣніе совсѣмъ не совпадало съ настроеніемъ большинства членовъ военнаго совѣта и на совѣщаніе были приглашены офицеры, которыми эта мѣстность уже была пройдена, которые и дали свои свѣдѣнія въ смыслѣ возможности атаки. Послѣднее слово принадлежало Баратіери, но онъ его не произнесъ; нѣсколько минутъ царствовало глубокое молчаніе; на лицѣ его ясно виднѣлась борьба передъ такимъ важнымъ шагомъ, и онъ, наконецъ, рѣшившись, преклонился передъ совѣтомъ, какъ бы уступая его настояніямъ. Вотъ какова была обстановка рѣшенія, вызвавшаго Адуанскій бой; что же касается телеграммы, полученной будто бы изъ Рима и повлекшей за собою рѣшеніе сразиться съ абиссинцами, о таковой ничего не было извѣстно на совѣтѣ.

Для предстоявшаго боя генераломъ Баратіери была отдана слѣдующая диспозиція (ordine del Giorno):

29—II. 96. № 87.

„Сегодня вечеромъ операціонный корпусъ двинется къ Саурійской позиціи нижеслѣдующимъ порядкомъ. Правая колонна (генералъ Дабормида): 2-я пѣхотная бригада, батареи: 5-я, 6-я и 7-я. Средняя колонна (генералъ Аримонди): 1-я пѣхотная бригада, рота 5-го туземнаго баталіона, батареи 8-я и 11-я. Лѣвая колонна (генералъ Альбертоне): четыре туземныхъ баталіона и батареи: 1-я, 2-я, 3-я и 4-я.

Резервъ (генералъ Эллена): 3-я пѣхотная бригада, 3-й туземный баталіонъ, 2-я скорострѣльная и 9-я горная батареи, и рота саперъ.

„Колоннамъ генераловъ Дабормида, Аримонди и Альбертоне выступить въ 21 часъ [1]). Резерву тронуться часомъ позже выступленія хвоста средней колонны. Правой колоннѣ слѣдовать по дорогѣ черезъ холмы: Тзала, Голдамъ, Ребби-Аріенне. Средней колоннѣ и резерву слѣдовать по дорогѣ на Ади, Дихи Гандапта и холмы Ребби Ріуми. Лѣвой колоннѣ идти по дорогѣ на Сауріа-Эди-Щайрасъ, и холмы Шидане-Меретъ. Главная квартира будетъ находиться въ головѣ резерва.

„Первымъ объектомъ дѣйствій (primo obbiettivvo) будетъ—занятіе позиціи на высотахъ Шидане-Меретъ и Абби-Аріенне, между горами Сомайата и Энтишіо, причемъ колонна генерала Альбертоне расположится на лѣвомъ флангѣ, колонна генерала Дабормида—на правомъ и колонна генерала Аримонди—въ центрѣ. При этомъ, однако, будетъ достаточно, если колонны Альбертоне и Дабормида станутъ на позиціи позади вышесказанныхъ преградъ.

„*Примѣчанія*. Всѣмъ солдатамъ итальянскихъ войскъ взять съ собою каждому по 112 патроновъ, на два дня провіанта, плащъ и флягу.

„За всѣми итальянскими баталіонами слѣдовать въ хвостѣ каждой колонны по два вьючныхъ мула съ санитарными принадлежностями и по восьми—съ запасомъ провіанта (на каждый баталіонъ).

„Всѣмъ остальнымъ вьючнымъ животнымъ обоза съ людьми (по одному на каждыя пять штукъ) собраться по-баталіонно и батарейно, соотвѣтственно своимъ частямъ, собраннымъ въ Энтишіо, съ запасомъ провіанта, не считая сегодняшняго и завтрашняго дня, снарядовъ, палатками, одѣялами и прочими вещами, не слѣдующими съ отрядомъ. При обозѣ

[1]) 21 часъ соотвѣтствуетъ нашимъ 9 часамъ вечера.

каждаго полка находиться субалтернъ-офицеру, а при обозѣ 2-й бригады—капитану.

„Какъ упомянутымъ обозамъ, такъ и артиллерійскимъ полкамъ и этапнымъ командамъ, оставаться на мѣстѣ въ Энтишіо; двигаться лишь по полученіи особаго приказанія подъ прикрытіемъ 7-го пѣхотнаго баталіона, которому сегодня вечеромъ выступить изъ Май-Габета.

„Артиллерійскимъ батареямъ и туземнымъ баталіонамъ относительно обозовъ поступить во всемъ сообразно съ итальянскими баталіонами. Не допускается никакихъ отступленій отъ пунктовъ расположенія и движенія колоннъ.

„Начальнику инженеровъ распорядиться устройствомъ телеграфа вслѣдъ за главной квартирой и, по мѣрѣ возможности, устроить связь между боковыми колоннами съ помощью оптическаго телеграфа; начальникамъ всѣхъ колоннъ посылать возможно болѣе частыя донесенія въ главную квартиру и сосѣднія колонны.

„Генералъ-лейтенантъ Орестъ Баратіери. Начальникъ штаба полковникъ Р. Валенцано“.

Въ тотъ же день, 29 февраля, генералъ Баратіери телеграфировалъ главному корпусному интенданту подполковнику Рипамонти, взывая къ его всегдашней энергіи и самопожертвованію и прося его напречь всѣ силы для подвоза провіанта, дабы дать возможность отряду спокойно выполнить предположенную трудную задачу—атаку абиссинскихъ войскъ на ихъ позиціяхъ у Адуи. До какой степени колебался генералъ Баратіери, явствуетъ изъ двухъ его депешъ, одной, посланной въ Римъ 28 февраля, гдѣ онъ извѣщалъ правительство, что вынужденъ подчинить стратегическое соображеніе продовольственнымъ, и второй—въ день отданія самой диспозиціи для боя, т. е. 29 февраля, отосланной въ полдень, гдѣ сообщались свѣдѣнія второстепеннаго характера и ничего не говорилось объ ожидаемомъ столкновеніи съ противникомъ.

Ни солдаты, ни офицеры, до командировъ баталіоновъ включительно, не знали о цѣли движенія, такъ какъ диспозиція была роздана начальникамъ колоннъ. Была прекрасная лунная ночь, когда колонны потянулись къ назначеннымъ по диспозиціи пунктамъ; въ виду узкихъ тропинокъ, баталіонамъ пришлось сейчасъ же вытянуться по одному, что очень замедлило движеніе, такъ какъ головы колоннъ часто останавливались, дабы дать подтянуться хвостамъ. Кромѣ того, въ виду крайне небрежно и невѣрно составленныхъ кроки мѣстности, войска при самомъ началѣ движенія попали въ просакъ, въ виду того, что дороги, показанныя на кроки и по коимъ были двинуты колонны, на мѣстности скрещивались между собою, почему средняя колонна должна была значительно отстать отъ первыхъ двухъ, такъ какъ одинъ разъ ей преградила дорогу лѣвая, а потомъ правая колонны. Къ разсвѣту прежде всѣхъ достигла назначенныхъ пунктовъ колонна генерала Альбертоне и стала занимать позицію.

Такимъ образомъ, переходъ вмѣсто предполагаемыхъ четырехъ часовъ занялъ до восьми часовъ времени, и къ началу боя солдаты были утомлены какъ безсонною ночью, такъ и трудными подъемами и спусками.

Мѣстность, на которой разыгралось адуанское сраженіе, представлялась весьма гористою, причемъ нѣкоторыя вершины достигали 3,000 и болѣе метровъ высоты [1]). На сѣверо-востокѣ и востокѣ отъ Адуи возвышались горныя массы *Маріамъ-Чевіату*, *Сомайата*, между которыми по сѣдловинѣ пролегалъ горный проходъ Ребби-Аріенне, изобиловавшій крутыми спусками и подъемами. Къ югу-западу отъ Сомайата возвышались горы Абба-Гарима, образовавшія между первой группой проходы Шидане-Меретъ (въ абиссинскомъ произношеніи Кидане) и Энди-Шидане-Меретъ.

---

[1]) Такъ, гора Маріамъ-Чевіату 3,092 м., Шеллода 2,537 м., Абба-Гарима 2,616 метровъ.

Вся мѣстность была перерѣзана многочисленными притоками рѣки Маребъ, какъ-то: Май-Тога, Май-Чумбино Май-Сіеза, Ребби-Аріе и др., съ крутыми обрывистыми берегами, но не глубокими и въ это время года почти высохшими. Вышеупомянутыя горныя группы представляли собою рядъ позицій, не особенно выгодныхъ для итальянскихъ войскъ. Главнымъ ихъ недостаткомъ являлось значительное количество мертвыхъ пространствъ (благодаря крутымъ склонамъ), которыми абиссинцы въ бою пользовались съ большимъ успѣхомъ. Огонь артиллеріи могъ быть дѣйствителенъ лишь на большія разстоянія. Отъ вышеупомянутыхъ горъ начиналась котловина, въ которой былъ расположенъ г. Адуя, гдѣ и находился лагерь абиссинцевъ. Вся котловина была покрыта густымъ высокимъ кустарникомъ.

Кромѣ того, нужно замѣтить, что пути наступленія итальянскихъ колоннъ образовали секторъ, вершина котораго находилась близь Адуи, поэтому бригада генерала Альбертоне, ставшая впереди, такъ стѣснила остальныя три, что онѣ столпились вокругъ Ребби-Аріенне, почему генералъ Дабормида и долженъ былъ податься впередъ къ Адуѣ. Такимъ образомъ, въ виду того, что позиція была слишкомъ мала для развертыванія и свободнаго расположенія на ней четырехъ бригадъ, вышло то, что бригады генераловъ Аримонди и Эллены очутились осаженными назадъ, и расположенныя на позиціи войска образовали не исходящій уголъ съ отодвинутыми назадъ флангами, какъ то было предположено, а входящій, причемъ въ центрѣ образовалось значительное незанятое никѣмъ пространство, которымъ и воспользовались абиссинцы для охвата фланговъ бригадъ Альбертоне и Дабормида. Сверхъ всего этого, большимъ недостаткомъ позиціи являлась ея пересѣченность, устранявшая всякую возможность взаимной связи между колоннами, вслѣдствіе чего каждая изъ нихъ была разбита по частямъ.

Наконецъ, пути отступленія были чрезвычайно затруднительны, что гибельно отразилось на итальянскихъ войскахъ.

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что старшимъ начальникамъ не было совсѣмъ указано, куда отступать войскамъ, что не мало способствовало послѣдовавшей послѣ боя паникѣ, такъ какъ они сами не знали, куда направлять отступавшія части.

Силы обѣихъ сторонъ, принявшія участіе въ адуанскомъ сраженіи, были слѣдующія.

Итальянцы:

Правую колонну генерала Дабормида составляли:

		Челов.
2-я пѣхотная бригада.	3-й пѣхотный итальянксій баталіонъ.	500
	5-й » » »	500
	6-й » » »	500
	10-й » » »	500
	13-й » » »	500
	14-й » » »	500
	Батальонъ туземной милиціи	800
	Одна рота 5-го туземнаго баталіона.	200
		Орудій.
	5-я горная итальянская батарея	6
	6-я » » »	6
	7-я » » »	6

Итого 4.000 челов. и 18 оруд.

Но на самомъ дѣлѣ, въ виду некомплекта, вслѣдствіе убыли въ дѣлахъ и болѣзней, численность этой колонны была въ 3,050 человѣкъ и 18 орудій.

Среднюю колонну генерала Аримонди составляли:

		Челов.
1-я пѣхотная бригада.	2-й пѣхотный итальянскій баталіонъ	500
	4-й » » »	500
	9-й » » »	500
	1-й баталіонъ берсальеровъ	500
	2-й » »	500
	Рота 5-го туземнаго баталіона	200
		Орудій.
	3-я горная батарея.	6
	11-я » »	6

2.700 челов. и 12 оруд.

Силы этой колонны на самомъ дѣлѣ доходили только до 2,300 челов. и 12 орудій.

Лѣвую колонну генерала Альбертоне составляли:

	Челов
1-й туземный баталіонъ	1,200
6-й » »	1,200
7-й » »	1.200
8-й » »	1,200
1-я банда туземной милиціи	600
2-я » » »	600

	Орудій.
1-я туземная батарея	2
2-я » »	4
3-я » »	4
4-я » »	4
Всего 6,000 челов. и 14 оруд.	

Силы эти можно считать за участвовавшія въ бою, такъ какъ баталіоны незадолго передъ тѣмъ были сформированы.

Наконецъ, резервъ подъ начальствомъ генерала Эллены составляли:

		Челов.
3-я пѣхотная бригада.	7-й пѣхотный итальянскій баталіонъ	500
	8-й » » »	500
	11-й » » »	400
	15-й » » »	500
	16-й » » »	500
	Баталіонъ альпійскихъ стрѣлковъ.	500
	3-й туземный баталіонъ	800
	Одна рота саперъ	200

	Орудій.
1-я скорострѣльная батарея 42 мил.	6
2-я » »	6
9-я горная батарея	6
Всего 3,900 челов. и 18 оруд.	

Изъ этихъ силъ приняли участіе въ сраженіи 3,600 челов. и 18 оруд.

Складывая всѣ итоги отдѣльныхъ колоннъ, мы получимъ цифру въ 15,400, прибавивъ къ которымъ 2,000 человѣкъ на артиллерію и вспомогательные роды оружія, получимъ цифру въ 17,400 человѣкъ и 62 орудія.

Вотъ настоящая численность итальянскихъ силъ, принимавшихъ участіе въ Адуанскомъ боѣ.

Абиссинцы:

Собственныя войска.	Пѣхоты.	Конницы.	Орудій.
Негуса Менелика . . .	30,000 чел.	3,000 чел.	32
Императрицы Таиту. .	3,000 »	600 »	—
Расъ-Маконена	15,000 »	— »	4
Расъ-Мангаши.	12,000 »	— »	6
Расъ-Мангаши Атикемъ	6,000 »	— »	—
Расъ-Микаэля.	6,000 »	5,000 »	—
Расъ-Аллулы.	3,000 »	— »	—
Расъ-Себата.	5,000 »	— »	—
Итого	80,000 чел.	8,600 чел.	42 оруд.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію сраженія, скажемъ нѣсколько словъ объ участвовавшихъ въ немъ и съ честью исполнившихъ свой долгъ итальянскихъ генералахъ.

Главнокомандующій, генералъ-лейтенантъ Баратіери, родившійся въ Кондино въ 1841 году, считался въ Италіи однимъ изъ выдающихся стратеговъ и талантливымъ военнымъ писателемъ, причемъ во время франко-прусской войны написалъ нѣсколько, надѣлавшихъ много шуму, писемъ въ „Awwenere di Sardegna“, въ коихъ какъ бы предвидѣлъ какъ самый ходъ событій, такъ и печальную ихъ развязку для французовъ. Какъ офицеръ, Баратіери особенно отличился въ войнѣ за объединеніе Италіи и былъ посланъ въ Африку, гдѣ сначала такъ успѣшно дѣйствовалъ и куда въ 1890 году прибылъ полковникомъ (онъ командовалъ 2-мъ полкомъ берсальеровъ) и былъ назначенъ комендантомъ Массовы.

Генералъ-маіоръ графъ Дабормида, 53 лѣтъ, принадлежалъ также къ числу выдающихся генераловъ итальянской арміи. Уроженецъ Турина, сынъ бывшаго военнаго министра и потомокъ одной изъ древнѣйшихъ фамилій, онъ самъ просилъ назначенія въ Африку и получилъ, чтобы найти тамъ славную смерть. Генералъ былъ также извѣстенъ въ военной литературѣ, какъ талантливый писатель и особенно выдвинулся своими двумя рѣдкими трудами о мобилизаціи.

Генералъ-маіоръ Аримонди, 50 лѣтъ, уроженецъ Савигліано, воспитанникъ Моденской военной школы, былъ за-

каленъ въ бояхъ, сдѣлавъ кампаніи 1866, 1870 и 1887 годовъ въ Африкѣ, но особенно его имя прославилось въ

Генералъ-лейтенантъ Оресто Баратіери.

Италіи послѣ побѣды въ 1893 году при Агордатѣ надъ дервишами. Аримонди представлялъ изъ себя образецъ генерала, преданнаго своему долгу, обожаемаго своими подчиненными и умѣвшаго водить въ бой свои войска. Близко къ нему по

типу подходилъ генералъ Маттео Альбертоне, уже раньше служившій въ Африкѣ, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, и хотя не раздѣлявшій иллюзій правительства о Массовѣ, тѣмъ не менѣе считавшій долгомъ предложить свои услуги при началѣ войны. Отличительною его чертою было рѣдкое спокойствіе въ бою и способность не теряться ни при какихъ обстоятельствахъ, что онъ такъ блестяще проявилъ въ Адуанскомъ бою.

Генералъ-маіоръ Эллена былъ такъ же, какъ и генералъ Альбертоне, ранѣе знакомъ съ Африкой, но притомъ всегда защищалъ политику Криспи и былъ въ числѣ „африканистовъ", какъ звали въ Италіи всѣхъ сочувствовавшихъ идеѣ утвержденія на берегахъ Чермнаго моря.

Начальникъ штаба корпуса, полковникъ генеральнаго штаба Валенцано, родился въ Верчели въ 1847 году, участвовалъ въ кампаніи 1866 года и отличился въ сраженіи при Кустоццѣ. Въ 1874 году онъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ и былъ начальникомъ штаба пѣхотной дивизіи въ Равеннѣ, затѣмъ командовалъ 7-мъ пѣхотнымъ полкомъ, а въ 1888 г. снова вернулся въ генеральный штабъ; въ 1893 году былъ назначенъ начальникомъ штаба африканскаго корпуса.

Однимъ изъ выдающихся офицеровъ генеральнаго штаба отряда былъ маіоръ Сальза, все время исправлявшій должность начальника штаба корпуса во время экспедицій противъ дервишей въ 1892 и 1893 годахъ и остававшійся въ этомъ званіи вплоть до пріѣзда полковника Валенцано, причемъ впослѣдствіи не разъ исполнялъ дипломатическія порученія къ негусу Менелику.

Изъ этого бѣглаго очерка мы видимъ, что генералы, водившіе въ бой итальянскія войска, и ихъ начальникъ штаба, по своему прошлому, вполнѣ соотвѣтствовали своему назначенію, и вышеприведенными фактами, какъ намъ кажется, достаточно опровергаются нападки на несоотвѣтственныя назначенія въ Африку. Если кто и оказался не на высотѣ своего назначенія, то только генералъ Баратіери, но и то

его боевое прошлое и солидное военное образованіе, казалось, могли вполнѣ гарантировать его отъ такихъ печальныхъ случайностей, какъ адуанскій погромъ.

Для полноты картины взглянемъ теперь на то, что дѣлалось у абиссинцевъ.

Наканунѣ боя 28 февраля расположеніе абиссинскихъ войскъ претерпѣло значительныя измѣненія, такъ какъ часть всѣхъ силъ была отправлена въ окрестности г. Аксума для реквизицій провіанта. Эти реквизиціи съ нѣкотораго времени стали форсированными, такъ какъ расъ-Мангаша не могъ своею властью подавить корыстолюбія тигрейцевъ, патріотизмъ которыхъ былъ весьма ограниченъ и не доходилъ до отреченія отъ своей собственности на пользу арміи и общихъ интересовъ, связанныхъ съ ея операціями. Хотя скотъ жителей и былъ въ безопасности, вслѣдствіе строго соблюдаемаго въ эѳіопской арміи поста, но за то сѣно, солома, овощи брались въ произвольномъ количествѣ, что нерѣдко вызывало перестрѣлки между солдатами и балагерами (крестьянами), которые, чтобы спасти свое имущество, должны были зарывать его въ уединенныхъ, преимущественно лѣсныхъ мѣстахъ. Въ виду того, что ближайшія мѣстности около лагеря Менелика уже въ достаточной мѣрѣ испытали на себѣ всю тяжесть поборовъ и были ими значительно истощены, пришлось прибѣгнуть къ отправкѣ войскъ въ дальніе раіоны. Въ виду описаннаго ослабленія арміи, расъ-Мангашѣ, составлявшему авангардъ, было предписано негусомъ отступать на 12 верстъ назадъ къ главнымъ силамъ, причемъ связь съ итальянскими аванпостами этимъ отходомъ абиссинскаго авангарда сразу была нарушена. Вслѣдствіе же полученныхъ черезъ лазутчиковъ свѣдѣній о готовящейся атакѣ итальянцевъ и о намѣреніи ихъ совершить обходъ лѣваго фланга абиссинцевъ, расъ-Маконену было приказано занять позицію на лѣвомъ флангѣ расположенія, выдвинувшись нѣсколько впередъ и ставъ подъ угломъ къ остальной линіи войскъ.

Между тѣмъ негусъ точно былъ освѣдомленъ о положеніи дѣлъ въ итальянскомъ лагерѣ. Онъ зналъ, что провіантъ у генерала Баратіери на исходѣ, что ему не придется долго оставаться у Энтишіо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, его озабочивало, куда двинутся итальянцы. Одно, что было бы для него крайне невыгодно, это движеніе ихъ на Асмару, гдѣ они могли бы сильно укрѣпиться. Тогда слѣдовало бы или пытаться взять крѣпость, что для негуса было очень трудно, или же обложить непріятеля. Но это опять-таки представлялось затруднительнымъ для войскъ негуса, такъ какъ Асмара, страна, бѣдная провіантомъ, требовала бы подвоза его въ значительномъ количествѣ, что немыслимо было исполнить въ предстоявшій періодъ дождей. Принимая во вниманіе все высказанное, будетъ ясно, что негусъ очень обрадовался, узнавъ 27 февраля вечеромъ, что итальянцы рѣшились его атаковать. Насколько абиссинцы желали этого и долго мечтали о генеральномъ сраженіи, показываютъ курьезные слухи, ходившіе въ лагерѣ о громадной преміи негуса тому, кто найдетъ средство выманить „дженераль Барри“ [1]) въ открытое поле. Говорятъ, что нашелся мудрецъ, изыскавшій способъ повліять на генерала присылкой ему правдоподобнаго извѣстія о томъ, что почти вся армія негуса на реквизиціи, и кромѣ женщинъ и дѣтей никого тамъ не осталось, да кромѣ того, воскресный день обезпечивалъ полную недѣятельность врага. Насколько это вѣрно, конечно, судить трудно, но версія эта вмѣстѣ съ другими серьезными данными устанавливаетъ слѣдующіе два факта: 1) что генералъ Баратіери дѣйствительно былъ введенъ въ заблужденіе ложными донесеніями шпіоновъ, и 2) что негусъ Менеликъ зналъ о намѣреніи итальянцевъ, иначе трудно было бы объяснить ночное перемѣщеніе расъ-Маконена съ одной позиціи на другую, имѣвшее цѣлью противодѣйствіе вѣроятному

---

[1]) Такъ называли генерала Баратіери абиссинцы.

обходному движенію правофланговой колонны генерала Дабормида. Отводъ же къ главнымъ силамъ авангарда расъ-Мангаши можно объяснить желаніемъ дальше завлечь итальянцевъ въ ихъ наступленіи.

28 февраля было воскресенье и мѣсячный праздникъ Св. Георгія [1]). Судя по полному безвѣтрію и розоватому фону неба, день обѣщалъ быть знойнымъ. Императоръ Менеликъ, негусъ годжамскій Теклейманотъ, расъ-Мангаша, расъ-Микаэль, расъ-Атикемъ, расъ-Габаю и всѣ прочіе военачальники собрались къ утренней обѣднѣ въ церкви Георгиса, выдающейся по своей архитектурѣ, среди полуразрушенной старой Адуи. Служеніе, начавшееся въ 4 часа утра, совершалъ митрополитъ Аббуна Матеосъ и началъ проскомидію, когда въ растворенныя двери храма донеслись одинъ за другимъ два выстрѣла, обозначавшіе сигналъ тревоги. Расъ-Маконенъ быстро вышелъ изъ церкви и, скоро вернувшись, сообщилъ Менелику о приближеніи итальянцевъ. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на мужественномъ лицѣ негуса. Погрузившись въ раздумье, онъ черезъ нѣсколько минутъ подошелъ къ Аббунѣ и, переговоривъ съ нимъ шепотомъ, сталъ опять на свое мѣсто. Тогда митрополитъ съ крестомъ въ рукѣ, дрожащимъ голосомъ, прерывавшимся отъ слезъ и сдерживаемыхъ рыданій, сказалъ слѣдующее: „Дѣти мои, сегодня суждено свершиться суду Божьему: идите защищать нашу вѣру и нашего царя. Я отпускаю вамъ всѣ ваши грѣхи“.

Приложившись къ кресту, всѣ расы поспѣшили къ своимъ частямъ, кромѣ негуса и Теклейманота, который хотѣлъ дождаться причастія, но Менеликъ заставилъ его удалиться,

---

[1]) Св. великомученикъ и побѣдоносецъ Георгій считается наиболѣе почитаемымъ святымъ и патрономъ военныхъ у абиссинцевъ. Кромѣ большаго годоваго праздника, его празднуютъ въ Эѳіопіи еще каждый мѣсяцъ.

Абиссинская икона Божіей матери. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

говоря, что все равно, грѣхи ему уже отпущены, а каждая минута теперь дорога.

Въ лагерѣ, между тѣмъ, происходило быстрое изготовленіе къ выходу на встрѣчу врагу.

У итальянцевъ первою двинулась въ путь колонна генерала Альбертоне, въ авангардѣ, въ двухъ часахъ разстоянія, шелъ баталіонъ Турито, а въ главѣ главныхъ силъ—6-й

Генералъ-маіоръ Альбертоне.

баталіонъ маіора Коссу. Въ полночь на хребтѣ Гандапта былъ сдѣланъ небольшой привалъ. Послѣ крайне утомительнаго ночнаго перехода по каменистымъ тропинкамъ между горами Райо и Сомайата, генералъ Альбертоне, къ 5 часамъ утра, достигъ указаннаго по диспозиціи пункта и сталъ занимать позицію немного правѣе дороги изъ Антало, близь соединенія ея съ этой тропинкою, какъ выразился самъ генералъ, расположившись „à cheval sur la petite route“. Лѣвый флангъ его позиціи упирался въ обрывистый склонъ одного изъ отроговъ Сомайата и состоялъ изъ банды башибузуковъ и 7-го туземнаго баталіона. Далѣе расположились

въ одну линію $3^1/_2$ [1]) горныхъ батарей 4-хъ-орудійнаго состава; подъ угломъ къ этой части отряда сталъ правый его флангъ, состоявшій изъ банды баши-бузуковъ и 5-го и 6-го туземныхъ баталіоновъ. Всѣ эти части расположились по-ротно въ одну линію и за имѣвшимися на мѣстности закрытіями. Въ резервѣ за серединою боеваго порядка, но ближе къ его къ правому флангу, сталъ въ колоннѣ 8-й туземный баталіонъ. Вся позиція по фронту занимала двѣ версты и такимъ образомъ была слишкомъ растянута и несоразмѣрна съ количествомъ занимавшихъ ее войскъ. Въ виду нерасположенія генерала Альбертоне къ перемѣнѣ артиллеріей позицій въ бою, батареямъ было предписано оставаться на мѣстѣ.

Расположеніе частей артиллеріи подъ угломъ доставляло возможность хорошей фланговой обороны и перекрестнаго огня. Фланги позиціи были хорошо обезпечены: лѣвый считался неприступнымъ и для наблюденія за нимъ былъ назначенъ всего одинъ офицеръ съ четырьмя рядовыми, а правый, упиравшійся въ цѣпь невысокихъ холмовъ, наблюдался командою въ 100 человѣкъ, при одномъ офицерѣ, посланной для поддержанія связи съ колонною генерала Аримонди. Такимъ образомъ, позиція имѣла всѣ преимущества „входящаго“ угла, т. е. ея части обстрѣливали продольно другъ друга, и въ то же время давала перекрестную оборону значительной зонѣ атакуемаго участка. Но недостаткомъ ея являлись, вслѣдствіе характера мѣстности, значительныя мертвыя пространства [2]), которыми и воспользовались потомъ абиссинцы, а также и высокій кустарникъ, закрывавшій подступы къ позиціи. Словомъ, она была не изъ выгодныхъ.

---

[1]) Одна полубатарея незадолго до выступленія изъ Сауріо была придана къ баталіону маіора Амеліо, посланнаго въ Гундетъ.

[2]) Мертвымъ пространствомъ называется такое, гдѣ пули и снаряды летятъ выше человѣческаго роста, а потому не наносятъ никакого вреда находящимся тамъ войскамъ.

Но при всемъ томъ разстоянія всюду успѣли измѣрить, а часть мертвыхъ пространствъ парализовать должнымъ расположеніемъ стрѣлковыхъ цѣпей. Генерала Альбертоне обвиняли въ томъ, что онъ слишкомъ выдвинулся впередъ и тѣмъ подставилъ себя подъ удары непріятеля, потерявъ связь съ колонною генерала Аримонди; но начальникъ лѣвой колонны всецѣло отрицалъ это обвиненіе, утверждая, что онъ сталъ на позицію еще за три версты до указаннаго пункта, боясь именно потерять связь съ генераломъ Дабормида, который двигался крайне медленно, вслѣдствіе дурной дороги и пересѣченной мѣстности.

Когда колонна генерала Альбертоне заняла позицію, впередъ къ горному проходу былъ выдвинутъ одинъ баталіонъ подъ командою полковника Турито. Вскорѣ въ сторонѣ, куда онъ направился, послышалась оживленная перестрѣлка, и затѣмъ показались ряды быстро отступавшаго баталіона, за которымъ виднѣлись уже непріятельскія колонны. Дѣйствительно, только-что генералъ Альбертоне успѣлъ занять позицію, какъ передъ нимъ показались массы непріятеля, быстро наступавшаго густыми линіями, за кототорыми виднѣлись колонны. По нимъ тотчасъ же былъ открытъ огонь шрапнелью [1]). Тогда абиссинцы быстро разсыпались и, укрываясь за высокимъ кустарникомъ и отдѣльными деревьями, безостановочно стремились впередъ, причемъ конница ихъ, находившаяся за обоими флангами подъ общею командою деджаза Бешаа [2]), съ мѣста же предприняла обходное движеніе въ тылъ итальянцамъ. Войска абиссин-

---

[1]) Шрапнелей, какъ и ружейнаго огня, особенно не любили абиссинцы, которые совсѣмъ не боялись гранатъ, говоря, что хорошо издали видно, куда стрѣляютъ ими.

[2]) Деджазъ Бешаа, отецъ принца Белякіо, бывшаго въ составѣ петербургскаго посольства, считается Ахилломъ эѳіопской арміи, отличаясь необыкновенною отвагою, рѣшительностью и храбростью.

цевъ, наступавшія въ сказанномъ направленіи, состояли изъ отрядовъ: расъ-Габаю [1]), заключавшаго въ себѣ 10,000—12,000 человѣкъ, расъ-Микаэля—въ 16,000 человѣкъ, фитаурари Текла—съ 3,000 воиновъ и деджаза Тафари — съ 1,500 воинами. Въ резервѣ находились расъ-Мангаша Атикемъ съ 5,000 воиновъ.

Двигавшійся впереди расъ-Габаю попалъ подъ сильнѣйшій огонь и палъ мертвымъ во главѣ своихъ дружинъ, на которыхъ смерть любимаго начальника произвела такое сильное впечатлѣніе, что всѣ остановились, и, подобравъ трупъ начальника, стали отступать. Между тѣмъ, еще въ началѣ боя генералъ Альбертоне тотчасъ же увѣдомилъ генерала Баратіери о своемъ положеніи и о быстромъ наступленіи столь превосходныхъ непріятельскихъ силъ. Получивъ это донесеніе, главнокомандующій приказалъ генералу Аримонди занять сначала берсальерами, а потомъ и остальнымъ отрядомъ высоту противъ прохода Шидане-Меретъ, дабы поддержать генерала Альбертоне. Послано было приказаніе генералу Дабормида придвинуться ближе къ лѣвому флангу позиціи для поддержки лѣвой колонны. Но всѣ эти распоряженія вслѣдствіе пересѣченной и гористой мѣстности были приведены въ исполненіе очень медленно, а до Дабормида приказаніе совсѣмъ не дошло, между тѣмъ какъ атака на лѣвомъ флангѣ была произведена съ поразительною быстротою. Альбертоне послалъ вторичное донесеніе Баратіери съ просьбою о подкрѣпленіяхъ.

Смерть Габаю была прекраснымъ моментомъ для генерала Альбертоне и, будь онъ во-время поддержанъ генераломъ Аримонди, могъ бы перейти въ рѣшительное наступленіе, погнать отступавшихъ на колонны расъ-Микаэля и тѣмъ произвести панику въ ихъ рядахъ. Но подкрѣпленій не подходило, пришлось держаться на позиціи, а между

---

[1]) Фитаурари Габаю, отличившійся въ бою подъ Амбаладжи, былъ произведенъ за это дѣло въ расы.

тѣмъ абиссинцы цѣлыми роями постепенно скоплялись въ мертвомъ пространствѣ. Завязался ружейный и артиллерійскій бой. Батареи подъ командою капитановъ Фабри, Генри, Мазотти и Біанчини дѣйствовали безъ перерыва. Интересно то обстоятельство, что какъ только абиссинцы развернулись, съ лѣваго ихъ фланга, съ высотъ Шидане-Меретъ, раздалась пальба изъ орудій: это была императрица Таиту, выдвинувшая на позицію шесть пушекъ Гочкисса и лично распоряжавшаяся огнемъ, который, хотя и очень мѣткій, не наносилъ большаго вреда непріятелю, въ виду малаго калибра снарядовъ. Въ теченіе четырехъ часовъ продолжалась горячая перестрѣлка. Артиллерія прекрасно выполняла свой долгъ, и Альбертоне разцѣловалъ всѣхъ ея офицеровъ, изъ которыхъ нѣсколько часовъ спустя остался только одинъ въ живыхъ, взятый въ плѣнъ лейтенантъ Корделла. Еще разъ послалъ генералъ донесеніе Баратіери о своемъ критическомъ положеніи и выдвинулъ въ боевую линію весь свой резервъ, находившійся подъ начальствомъ маіора Коссу. Этому послѣднему было предписано занять вершину на правомъ флангѣ позиціи. Сначала въ бой введена была рота капитана Мартини, а три остались въ резервѣ подъ горой, но въ виду того, что непріятель наступалъ безостановочно, стараясь охватить фланги боеваго расположенія лѣвой колонны, и эти три роты влились въ боевую линію. Вскорѣ послышалась оживленная перестрѣлка правѣе баталіона Коссу: это были 1-й и 2-й баталіоны берсальеровъ, выдвинутые изъ колонны генерала Аримонди для поддержки лѣвой колонны. Огонь ихъ въ значительной степени помогъ 6-му баталіону дольше другихъ держаться на позиціи, а затѣмъ облегчилъ его отступленіе. Отчаянная борьба объяснялась тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь находились абиссинцы же и что послѣдніе знали, что въ случаѣ плѣна ихъ ожидаетъ тяжкая участь за измѣну своему отечеству. Но вотъ толпы непріятеля начали охватывать фланги. Въ 10 часовъ утра ясно обозначилось, что дѣло Альбертоне проиграно; брызнула

картечь изъ всѣхъ орудій, остановивъ на минуту наступленіе, но новыя войска абиссинцевъ надвигались все ближе и ближе, послѣдовалъ ожесточенный рукопашный бой, кончившійся тѣмъ, что итальянскіе баталіоны дрогнули. Первымъ отступилъ 8-й баталіонъ Гаммера, потомъ 7-й баталіонъ; началось безпорядочное бѣгство, причемъ всѣ орудія были оставлены абиссинцамъ. Сначала общее отступленіе прикрывали остальные два баталіона, особенно 6-й, но и они должны были уступить напору враговъ. Командиръ батареи Біанчини, начальствовавшій артиллеріею, хотѣлъ увезти орудія съ позиціи, но былъ убитъ на-повалъ. Офицеры сами подавали примѣръ, втаскивая на кручи орудія, но всѣ были перебиты. Прискакавшій адъютантъ Баратіери, капитанъ Амендуни, хотѣлъ передать приказаніе задержать отступленіе и занять новую позицію, но ему уже некому было передать его. Всѣ начальники и офицеры были убиты или ранены, солдаты падали отъ изнеможенія, и отступленіе продолжалось далѣе на Сауріатъ. Генералъ Альбертоне, рѣшивъ умереть на своемъ посту, собралъ послѣднюю кучку въ 400 человѣкъ, но и они были уже объяты паникой и, вмѣсто того, чтобы стрѣлять, цѣлясь, по выраженію генерала, „*pointaient la lune*“. Одинъ за другимъ рѣдѣли ряды послѣднихъ защитниковъ генерала, адъютантъ его былъ убитъ, офицеры падали подъ ударами страшныхъ абиссинскихъ мечей-шоталей. Наконецъ, и Альбертоне упалъ съ убитою подъ нимъ лошадью и былъ схваченъ непріятелемъ. Бѣжавшіе въ ужасѣ баши-бузуки и солдаты туземныхъ баталіоновъ бросились по направленію къ Аксуму, преслѣдовавщіе абиссинцы рубили и забирали ихъ въ плѣнъ. Тѣ же, кто успѣлъ счастливо достигнуть Аксума, устремились къ церкви и стали звонить въ колокола, что по обычаю освобождало ихъ отъ кары закона. Генералъ Баратіери довольно безучастно слѣдилъ за ходомъ дѣла въ колоннѣ генерала Альбертоне. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ участниковъ боя, Луиджи Меркателли, въ письмѣ своему товарищу

выразился, такъ: «Il Quartiere generale assiste passivo allo svolgersi dí guesta azione, pensando che il general Albertone si sarebbe accorto della sua posizione troppo avanzata e avrebbe ritirati un tempo prezioso prima che potesse portarsi sulla linea» [1]). (Главная квартира оставалась пассивною во все время боя, думая, что генералъ Альбертоне, находясь на сторожѣ на столь выдвинутой впередъ позиціи, всегда вовремя успѣетъ отойти на заранѣе предназначенную линію). Въ дѣйствительности, генералъ Альбертоне не получилъ ни одного приказанія, кромѣ посланнаго съ капитаномъ Амендуни около 10 часовъ утра, и которое, какъ мы видѣли, пришло уже слишкомъ поздно.

Генералъ-маіоръ Аримонди.

Колонна генерала Аримонди, при которой находился и генералъ Баратіери съ 20 лицами свиты (всѣ на мулахъ), выступила, согласно диспозиціи, въ 9 часовъ вечера и достигла на разсвѣтѣ Альбы. Все движеніе совершалось по одному вслѣдствіе состоянія дорогъ. Достигнувъ выше-

[1]) „La Guerra Italo-abissina".

сказаннаго пункта, колонна пріостановилась, но, услышавъ пальбу слѣва, генералъ Дабормида занялъ позицію въ Ребби-Аріенне, въ трехъ верстахъ впереди Альбы.

Расположеніе его было слѣдующее. На лѣвомъ флангѣ позиціи находились туземный баталіонъ подъ командою маіора Галліано, два баталіона берсальеровъ и двѣ батареи, причемъ послѣднія были очень неудачно поставлены на скатѣ горы одна въ затылокъ другой. На правомъ флангѣ на возвышенности крутой горы находился первый баталіонъ берсальеровъ, а за этой горой, въ резервѣ—второй баталіонъ; 2-й и 9-й баталіоны находились на позиціи близь батарей. При всемъ желаніи войти въ связь съ колонною генерала Альбертоне, генералу Аримонди это безусловно не удалось, вслѣдствіе крайне пересѣченной мѣстности. Между тѣмъ абиссинцы, разгромивъ Альбертоне, двинулись на него. Тогда берсальерскіе баталіоны открыли стрѣльбу частыми залпами, а батареи огнемъ шрапнели и гранатами нанесли противнику значительный уронъ, хотя сравнительно меньшій, чѣмъ бы то можно было ожидать, если бы мѣстность не была такъ маскирована густымъ кустарникомъ. Одно время войска Менелика пріостановились и дрогнули подъ сильными залпами итальянцевъ. Находившійся тутъ расъ-Мангаша, обратясь къ негусу, отпустилъ слѣдующую дерзкую фразу: Я восемь лѣтъ справляюсь съ итальянцами, а вы и одного дня не можете этого сдѣлать!“ Но это было несправедливо, такъ какъ наступленіе снова продолжалось. На Аримонди повелъ атаку самъ негусъ съ 30 тысячами войскъ. 2-й баталіонъ берсальеровъ, находившійся въ резервѣ подъ горой, замѣтивъ, что главный ударъ обрушивается на правый флангъ, бросился на гору, но едва двѣ первыя его роты успѣли взобраться на вершину, какъ были опрокинуты въ упоръ стрѣлявшими въ нихъ абиссинцами. Держался еще только баталіонъ Галліано изъ черныхъ войскъ и ему предписано было поддержать войска генерала Альбертоне. Баталіонъ этотъ, занявшій высоту на крайнемъ лѣвомъ флангѣ позиціи, отчаянно

дрался съ кружившими его со всѣхъ сторонъ врагами. Онъ почти весь былъ уничтоженъ, офицеры перебиты, а подполковникъ Галліано взятъ въ плѣнъ.

Охватываемая съ фланговъ колонна генерала Аримонди дрогнула и была готова отступить на резервъ генерала Эллены. Видя критическое положеніе колонны Аримонди, генералъ Баратіери приказалъ генералу Эллена выдвинуть въ боевую линію правѣе 2-го баталіона берсальеровъ 15-й баталіонъ, расположивъ за нимъ уступомъ 11-й баталіонъ и еще уступомъ за этимъ послѣднимъ à cheval прохода Ребби-Аріенне 7-й 8-й баталіоны. 16-й баталіонъ и альпійскіе стрѣлки были поставлены въ резервѣ за центромъ общаго расположенія колоннъ. Приливъ новыхъ войскъ и вызвалъ ту остановку атаки Менелика, о которой было упомянуто выше, но скоро новый дружный натискъ абиссинцевъ заставилъ обѣ колонны очистить занимаемую ими позицію.

При самомъ началѣ отступленія генералы Баратіери и Аримонди встрѣтились и, въ нѣмомъ отчаяніи пожавъ другъ другу руку, точно сговорившись, выхватили сабли и пытались остановить бѣгущихъ. Видя это, капитаны Ангера, Кавигліо и поручики Фіоккарди, Бодреро, Марацци и Павонни съумѣли удержать нѣсколько сотъ человѣкъ, но скоро ихъ увлекли новыя волны бѣгущихъ. Дольше всѣхъ держался полковникъ Нава со своими баталіонами, но въ концѣ концовъ части его были опрокинуты, а самъ онъ взятъ въ плѣнъ.

Рядомъ съ баталіонами Навы бились еще остатки берсальеровъ. Командиръ ихъ полковникъ Стефани взобрался на кручу, желая найти новую, болѣе неприступную позицію, но и она скоро была обойдена абиссинцами. Тогда находившійся здѣсь генералъ Аримонди посовѣтывалъ Стефани поторопиться отступать, такъ какъ все равно дѣло было проиграно. Стефани на это отвѣчалъ: „Мои берсальеры сдѣлаютъ все, что могутъ и что должны сдѣлать“. Черезъ нѣсколько мгновеній спустя, былъ убитъ генералъ Аримонди, и тогда

Стефани рѣшилъ, что ничего болѣе не остается, какъ отступать.

Остатки альпійскихъ стрѣлковъ продолжали еще отстрѣливаться, побуждаемые къ тому примѣромъ своего отважнаго полковника Менини, который, тяжело раненый въ ногу, волочился по землѣ, подбирая патроны съ мертвыхъ солдатъ и самъ продолжалъ стрѣлять, лежа, до тѣхъ поръ, пока не былъ раздавленъ нахлынувшею на него толпою своихъ и враговъ, которые быстро смяли и его, и славныхъ стрѣлковъ.

Послѣ геройской смерти всѣхъ начальниковъ произошла общая паника. Начальникъ штаба полковникъ Валенцано кое-какъ собралъ одну батарею и приказалъ находившимся при немъ трубачамъ играть „королевскую фанфару“ [1]) . . . Но она не произвела никакого впечатлѣнія, такъ какъ солдаты не могли отыскать оставшихся въ живыхъ офицеровъ, а тѣ, въ свою очередь, мало знали своихъ подчиненныхъ вслѣдствіе разнороднаго и новаго состава баталіоновъ. Бѣгство продолжалось...

Нѣсколько офицеровъ колоннъ генераловъ Аримонди и Эллена, а именно, полковники Брусати, Стефани, де-Боккера, маіоръ Сальза, поручикъ Бодреро (раненый въ руку), поручикъ Навони (раненый въ ногу), капитанъ Ковалли, поручикъ Морелли—собирали по дорогѣ бѣгущихъ, чтобы хотя какіе-нибудь остатки привести въ Ади-Кайе. Болѣе всѣхъ удалось это маіору Сальза, который собралъ и привелъ до 1,000 человѣкъ. Отступленіе вслѣдствіе развѣтвленія дорогъ совершилось по двумъ направленіямъ: одна часть бѣглецовъ направилась на Май-Гане, другая—на Ади-Кайе.

Когда началось безпорядочное отступленіе, итальянцы думали найти спасеніе за крутымъ хребтомъ, гдѣ снова заняли позицію, но, непривычные карабкаться по горамъ, они падали отъ изнеможенія, и ихъ тогда или просто брали въ

---

[1]) «Fanfara Reale»—сигналъ для сбора войскъ.

плѣнъ, или рубили разсвирѣпѣвшіе абиссинцы. Вся артиллерія Аримонди, которую начали уже вьючить на муловъ, досталась въ руки абиссинцевъ. Интересно, что въ реляціяхъ своихъ итальянцы доносили, что подъ Адуей была оставлена одна горная артиллерія, которую не успѣли навьючить, что давало поводъ предполагать, что другая артиллерія была спасена; въ доказательство, что погибли и другія орудія, приводимъ списокъ нумеровъ 12 скорострѣльныхъ стальныхъ орудій 42-хъ милиметровыхъ (системы Максима-Норденфельда), взятыхъ у генерала Аримонди: №№ 4259, 4332, 4270, 4330, 4303, 4315, 4322, 4333, 4233, 4317, 4312 и 4327.

Генералъ-маіоръ графъ Дабормида.

Согласно диспозиціи, бригада генерала Дабормиды выступила въ 9 часовъ вечера по дорогѣ на Ребби-Аріенне, имѣя въ головѣ колонны 13-й итальянскій баталіонъ. Сначала, на разсвѣтѣ, генералъ Дабормида занялъ было позицію, указанную въ приказѣ, но въ 7 час. утра, услышавъ перестрѣлку со стороны колонны Альбертоне, выдвинулъ впередъ и влѣво на высоты Маріамъ-Чевіату баталіонъ туземной милиціи. Съ большимъ трудомъ перейдя рядъ высотъ,

онъ едва успѣлъ занять позицію, какъ долженъ былъ вступить въ бой съ передовыми частями войскъ расъ-Маконена, всѣ силы котораго до 30,000 человѣкъ обрушились на бригаду генерала Дабормида. Сорокъ минутъ выдерживалъ баталіонъ натискъ абиссинцевъ, но, разстрѣлявъ всѣ патроны и понеся громадныя потери, сталъ отступать, преслѣдуемый непріятелемъ. Посланные въ помощь ему 6-й и 10-й баталіоны долго не могли открыть огня, такъ какъ пришлось бы стрѣлять по своему отступавшему баталіону; поражаемые огнемъ непріятеля, они вскорѣ должны были остановиться на одной изъ высотъ, не дойдя до цѣли. Вслѣдъ за ними на позицію у Маріамъ-Чевіату были выдвинуты батареи, а также 5-й, 14-й и 13-й батальоны, причемъ послѣдній былъ оставленъ въ резервѣ.

Батареи генерала Дабормида, не медля, открыли сильнѣйшій огонь по противнику, ни на минуту не прекращая его до самаго конца боя. Объ его силѣ можно достаточно судить по числу снарядовъ, выпущенныхъ изъ каждаго орудія. 5-я батарея выпустила ихъ по 120 изъ орудія, а 6-я и 7-я—по 126. Энергичныя дѣйствія правой колонны поколебали было абиссинцевъ, такъ какъ къ тому же они вступили въ бой по частямъ и главныя силы расъ-Маконена оставались назади. Былъ одинъ моментъ, когда генералъ Дабормида думалъ уже перейти въ наступленіе, но около 3-хъ часовъ новыя толпы абиссинцевъ показались на правомъ флангѣ, и начальникъ колонны пришелъ къ заключенію, что необходимо отступить. Продержавшись на позиціи съ 7 часовъ утра до 5 часовъ вечера, храбрый генералъ рѣшился уступить ее лишь тогда, когда всѣ заряды были разстрѣляны. Отступленіе велось въ большомъ порядкѣ, и бригада нѣсколько разъ ходила въ штыки, воодушевленная восклицаніями Дабормиды: „Впередъ, молодцы. Да здравствуетъ Италія, да здравствуетъ король!“ Бригада успѣла даже увезти всѣ орудія, но въ концѣ концовъ ихъ пришлось все-таки оставить въ рукахъ противника, у подошвы горы Са-

уріа, такъ какъ обезсиленные мулы ни шагу далѣе не могли сдѣлать. Во время этого блестящаго отступленія со славою героя погибъ во главѣ своей бригады генералъ Дабормида. Онъ сражался въ первыхъ рядахъ, палъ, покрытый множествомъ ранъ, взмахнувъ снятой съ головы каской и воскликнувъ: „Andate, giovinotti, jo resto!“ („Ступайте, молодцы, я остаюсь“). Такъ умеръ этотъ рыцарь безъ страха и упрека. О томъ, что долженъ былъ онъ переживать въ эти страшныя минуты неравнаго боя, свидѣтельствуютъ не разъ срывавшіяся у него съ языка во время сраженія однѣ и тѣ же фразы: „Какъ тяжко не знать даже, гдѣ главнокомандующій. Сколько разъ я просилъ помощи, оставили меня безъ приказаній, безъ подкрѣпленій. Ахъ, какъ это тяжело!“ Послѣ смерти Дабормиды въ командованіе бригадою вступилъ полковникъ Раньи, но онъ недолго могъ удержать въ порядкѣ свои части. Этому немало способствовало то обстоятельство, что на дорогу, по которой отступала бригада, хлынули толпы бѣжавшихъ аскаріевъ изъ колонны генерала Альбертоне. Тогда всѣмъ почти ротамъ, исключая фланговыхъ, пришлось взять ружья къ ногѣ, а когда съ рядами ихъ перемѣшались бѣглецы, всѣ дрогнули и стали къ нимъ присоединяться. Чтобы чѣмъ-либо остановить бѣгущихъ, полковникъ Раньи послалъ назадъ на сосѣднюю позицію ординардца и приказалъ водрузить на вершинѣ горы итальянское знамя для обозначенія мѣста сбора; но никто уже не могъ къ нему собраться. Присланный съ приказаніемъ отъ генерала Баратіери капитанъ Кавигліа не могъ уже черезъ толпы бѣгущихъ пробраться къ начальнику колонны.

Что касается остальныхъ частей резерва генерала Эллена, то онѣ были смяты вслѣдъ за разгромомъ колонны Аримонди въ верстѣ отъ горы Райо, а 9-я горная батарея, опоздавшая къ мѣсту боя, успѣла дать всего одинъ выстрѣлъ. Генералъ Эллена былъ при этомъ раненъ въ ногу.

Бѣжавшіе въ гору его солдаты задыхались и падали, и ихъ тутъ приканчивали страшные эѳіопскіе мечи. Пощады

не было никому, и разсвирѣпѣвшіе абиссинцы упивались побѣдою и смертью враговъ. Итальянцы кричали по абиссински: „Экзихой, экзихой“ (помилуй, во имя Бога) и падали на колѣни, сложивъ съ мольбою руки передъ своими неумолимыми побѣдителями. На уговоры доктора Тзарича остановить и собрать свои баталіоны, генералъ Эллена, видя, что все пропало, безнадежно проговорилъ: „Теперь намъ остается лишь отступать“.

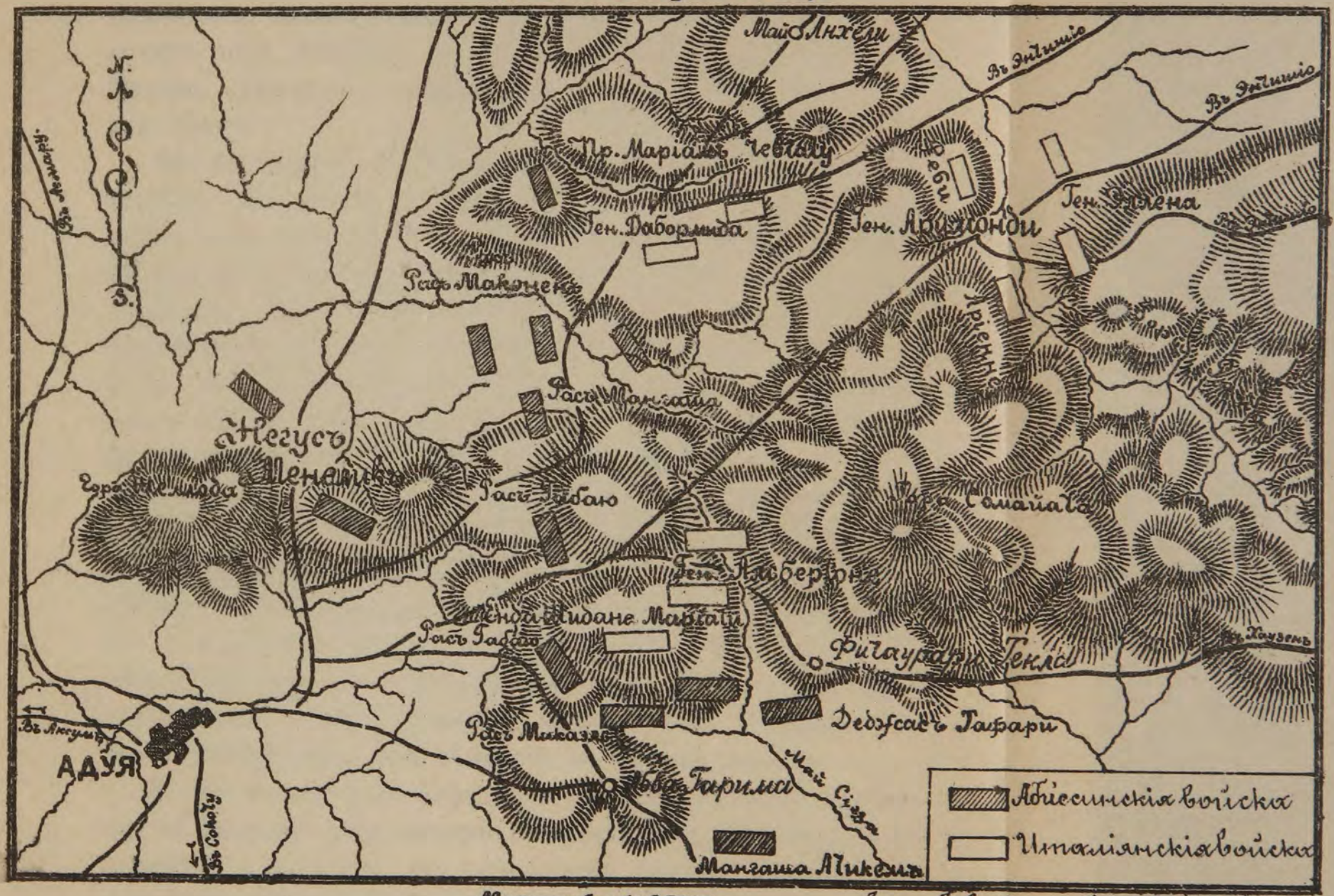
Генералъ-маіоръ Эллена.

Итальянскіе генералы и офицеры во все время боя вели себя какъ истые храбрецы и почти всѣ полегли на полѣ сраженія; въ плѣнъ взято было всего 42 человѣка, въ томъ числѣ 7 докторовъ. Вотъ имена плѣнныхъ офицеровъ: генералъ Альбертоне, полковникъ Нава, маіоры: Вилла (Пьетро), Лофеди (Винценто), Фіори (Энрико), Бранкато, Дабасфино и Ферари. Капитанъ Барбарусса, артил. поручикъ Болли (Пьетро), 13-го пѣх. бат., Фуссо Джіаконе, 1-го пѣх. бат., Гугліа (Фредерико), 7-го пѣх. бат., Кочанари (Анжело), 15-го

КРОКИ

Сраженія при Адуѣ.

7. Абба Гарима 7.



Масштабъ = 1: 25000.

Лит. А. Ф. Маркова, Невскій, 34.

пѣх. бат., Марельфи Энрико, альп. стр., Гольсети, 15-го пѣх. бат., Д'Агостино (Джіованни), 7-го пѣх. бат., Камери (Джузеппе), 8-го пѣх. бат., Ароберито ди-Женаіо, Картони, Ашатучи, Борози—берсальерск. бат., Пичинини (раненъ), 16-го пѣх. бат., Гальваньо Джіаконе, 4-го пѣх. бат. Наконецъ, девять офицеровъ, имена которыхъ не удалось узнать, вслѣдствіе потери ими сознанія. Доктора: Санторо, Ненса, Зенечи, Маджіо, Дематено, Альбетіони, и двое необъявившіе своихъ именъ.

Что же дѣлалъ во все время боя главнокомандующій? Назначивъ свое мѣсто во главѣ колонны резерва, онъ перемѣстился затѣмъ на позицію генерала Аримонди, но, какъ мы видѣли, ходомъ боя не руководилъ. Это странное явленіе можно объяснить слѣдующими обстоятельствами. Во-первыхъ, предпринимая его, генералъ не былъ вполнѣ увѣренъ, ограничится-ли все дѣло одною демонстраціею, или перейдетъ въ горячій бой, а потому и не подготовился къ послѣднему такъ, какъ бы слѣдовало. Съ другой стороны, мѣстность такъ раздѣлила всѣ три колонны, что онъ не могъ ни видѣть общей картины боя, ни своевременно посылать свои распоряженія. Наконецъ, вѣроятнѣе всего онъ такъ потерялся, видя подавляющее превосходство врага и неминуемую гибель отряда, что уже не могъ собрать ни мыслей, ни силъ, чтобы попытаться предотвратить катастрофу, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, онъ не далъ старшимъ начальникамъ никакихъ указаній относительно ихъ дѣйствій, въ случаѣ неудачи.

Когда же генералъ Баратіери увидѣлъ разгромъ Аримонди, то сказалъ: „Ну, теперь остается лишь спастись намъ самимъ“ [1]), и вмѣстѣ съ генераломъ Эллена ускакалъ въ Ади-Кайе, сдѣлавъ 105 километровъ въ 24 часа.

Потери итальянцевъ при Адуа были [2]) убитыхъ: генераловъ—2, штабъ и оберъ-офицеровъ—383 и нижнихъ чиновъ

---

[1]) Со словъ итальянскихъ плѣнныхъ офицеровъ.

[2]) По свѣдѣніямъ, полученнымъ негусомъ Менеликомъ.

убитыхъ и тяжело раненыхъ слишкомъ 11,000 человѣкъ. Плѣнныхъ: 42 офицера и 3,600 человѣкъ нижнихъ чиновъ. Вернулось въ Ади-Кайе 56 офицеровъ и до 2,500 нижнихъ чиновъ.

Таковы были въ общей сложности эти страшныя цифры. Вотъ нѣкоторыя данныя потерь, понесенныхъ отдѣльными частями. Болѣе всѣхъ пострадала 4-я туземная горная батарея и 11-й пѣхотный итальянскій батальонъ, которые потеряли весь составъ офицеровъ и три четверти нижнихъ чиновъ. Баталіоны: 1-й альпійскій, 7-й, 8-й, 9-й, 11-й и 15-й итальянскіе пѣхотные потеряли каждый по 400 человѣкъ, т.-е. по 80% своего состава. Въ 3-й, 4-й и 9-й горныхъ батареяхъ убыль дошла до 85% ихъ состава. Всѣ шесть туземныхъ баталіоновъ потеряли по 87% своего состава и, наконецъ, 9-й пѣхотный итальянскій баталіонъ потерялъ до 92% своего состава. Такимъ образомъ, отъ итальянскаго операціоннаго корпуса осталось почти одно воспоминаніе.

Потерями абиссинцевъ въ этотъ достопамятный день было 4,000 чел. убитыми и до 6,000 ранеными, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, доставленнымъ расами въ главную квартиру негуса [1]). Убиты были принцъ Дамто, бывшій чрезвычайный посолъ въ Петербургѣ, расъ-Габаю, деджазмечъ Бешаа, деджазмечъ Гача, деджазмечъ Машаша, кеньязмечи Тафаса и Абайно, кеньязмечъ Генемье былъ раненъ въ ногу.

У абиссинцевъ въ бою до такой степени каждый развивалъ свою собственную иниціативу и искалъ мѣста, гдѣ ему лучше драться или захватить во флангъ и тылъ противника. что подъ конецъ сраженія войска ихъ совсѣмъ перемѣшались. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, фактъ, что ге-

---

[1]) Въ виду того, что расы знали число воиновъ лишь приблизительно и не контролировали число ихъ постоянной убыли, цифры эти не должны быть значительны. Итальянцы опредѣляютъ ихъ 10,000 раненыхъ и 5,000 убитыхъ.

Бой при Адуа.

нералъ Альбертоне, находившійся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ позиціи итальянцевъ, былъ взятъ въ плѣнъ воинами расъ-Маконена, атаковавшаго правый флангъ итальянцевъ— бригаду Дабормида. Большою потерею для абиссинцевъ была смерть принца Дамто, все время храбро сражавшагося и уцѣлѣвшаго въ бою; но во время преслѣдованія онъ лично захватилъ въ плѣнъ итальянскаго капитана, который, выстрѣломъ въ переносицу, убилъ его на-повалъ. Трупъ принца Дамто съ военными почестями былъ похороненъ въ церкви Св. Георгія, въ Аксумѣ.

Въ то время, когда обѣ арміи дрались съ такимъ ожесточеніемъ, расъ-Себатъ съ 5,000 двинулся въ обходъ поля сраженія и напалъ на итальянскій лагерь, гдѣ застигъ врасплохъ 5,000 отрядъ, который отошелъ къ полю сраженія. Лагерь былъ разграбленъ воинами расъ-Себата и подожженъ. Нужно замѣтить, какъ мы уже это видѣли, что расъ-Себатъ, послѣ своей повинной, отличался необыкновенною предпріимчивостью и храбростью, и, дѣйствуя партизанскимъ способомъ, причинялъ немало вреда итальянцамъ. Этимъ поведеніемъ своимъ онъ хотѣлъ доказать свою преданность Менелику, противъ котораго раньше такъ сильно провинился.

Какъ только негусъ увидѣлъ, что побѣда рѣшительно склонилась на его сторону, онъ тотчасъ же разослалъ приказаніе не убивать сдавшихся въ плѣнъ. Женщины съ гомбо, наполненными водой, бросились въ ряды сражавшихся, и поставивъ свои ноши на землю, принялись помогать ловить плѣнныхъ. Абиссинская конница преслѣдовала бѣжавшихъ до Белезы, и если окончательно всѣхъ ихъ не уничтожила, то только потому, что ея было слишкомъ мало на полѣ сраженія, такъ какъ большая часть, вслѣдствіе безкормицы, ушла на реквизицію.

По окончаніи боя вся мѣстность представляла ужасное зрѣлище. Убитые лежали громадными грудами, потоки крови обратились въ цѣлые ручьи. Отъ гари, пороховаго дыма и испареній образовалось цѣлое облако тумана, и громадное

побоище какъ бы представляло собою ужасную шахматную доску, гдѣ роковая судьба безжалостною рукою перемѣшала въ страшной, послѣдней игрѣ—и черныхъ и бѣлыхъ.

Вмѣстѣ съ послѣдними пушечными выстрѣлами опьяненные побѣдители принялись за грабежъ, и началась работа на себя: съ убитыхъ и плѣнныхъ снималось платье, отбиралось оружіе. Отправились за добычею, далеко по пути бѣгства итальянцевъ, и тутъ случилось нѣчто оригинальное по своей обстановкѣ. Возвращаясь въ лагерь съ мародерства, абиссинцы подожгли траву, и когда пламя начало обнимать все большее и большее пространство, на кровавомъ заревѣ его стали вырисовываться точно изъ земли выроставшія тѣни: это были несчастные итальянцы, частью раненые, частью прикинувшіеся мертвыми, чтобы этимъ спастись отъ смерти, которыхъ огонь заставилъ воскреснуть. Ихъ ловили и отводили къ негусу, съ громкою военною побѣдною пѣснью: „Пойте, коршуны, пойте; въ пищу вамъ готово тѣло человѣческое!“

Но больше всѣхъ трепетали баши-бузуки [1]), которыхъ ожидала неминуемая смерть, какъ измѣнниковъ. Когда ихъ привели къ Менелику, онъ, согласно своему всегдашнему образу дѣйствій, не взялъ на себя иниціативы въ рѣшеніи вопроса, какъ поступить съ ними, и такъ какъ всѣ вокругъ кричали „вырѣзать ихъ!“—обратился за рѣшеніемъ къ митрополиту Аббуна, который заявилъ, что такъ какъ два раза они были уже прощены негусомъ, то теперь ихъ слѣдуетъ наказать отсѣченіемъ правой кисти и лѣвой ступни [2]). Мене-

---

[1]) Во времена владычества въ Массовѣ турецкихъ властей войска ихъ назывались баши-бузуками; названіе это сохранилось и перешло къ абиссинцамъ. Баши-бузуками банды комплектовались обыкновенно изъ Агаме, Керена и Асмары; тѣ, кто были наиболѣе обижены, нанимались на службу къ итальянцамъ.

[2]) Операція производится такъ: нагнувъ кисть, надрѣзаютъ небольшимъ, серповиднымъ ножемъ кожу и мясо до кости вокругъ, а потомъ кисть ломаютъ въ суставѣ; точно также производится отсѣченіе ступни.

ликъ утвердилъ это рѣшеніе и оно было приведено въ исполненіе надъ несчастными литаврщиками, всегда предназначаемыми для подобныхъ операцій. Многіе перенесли казнь съ истымъ стоицизмомъ, не издавъ ни единаго звука. Если, съ одной стороны, это было варварской расправой, то не нужно забывать, что въ европейскихъ войскахъ за измѣну своему отечеству полагалось бы разстрѣляніе, и что, такъ или иначе, драгоцѣннѣйшій даръ—жизнь была сохранена, а вмѣстѣ съ тѣмъ Менеликъ далъ этимъ удовлетвореніе не только всей своей арміи, но и цѣлому населенію. Общее возбужденіе противъ измѣнниковъ было таково, что имъ не давали даже воды и никто не хотѣлъ перевязать ихъ раны.

Между тѣмъ, неутомимый Менеликъ замѣтилъ, что очень мало приносится артиллерійскихъ снарядовъ. Тогда онъ сейчасъ же назначилъ за каждую штуку по талеру въ награду, благодаря чему въ какой-нибудь часъ ихъ нанесли цѣлыя тысячи, которые раньше были припрятаны сновавшими по полю балагерами.

Счастье и торжество абиссинцевъ были неописуемыя: они цѣловались, обнимали, поздравляли другъ друга, прыгали отъ радости—да и было чему радоваться. Грозный врагъ со всѣми его страшными пушками, какъ призракъ, томившій ихъ столько времени, не существовалъ, и родина была спасена. Отъ волненія никто не сомкнулъ глазъ во всю ночь послѣ боя. Глубоко религіозные абиссинцы вѣрили, что побѣдѣ много способствовало появленіе въ рядахъ войскъ митрополита Аббуны съ крестомъ, который принималъ личное участіе въ послѣдней атакѣ, а также и присутствіе въ войскахъ скрижали Моисея, вынесенной священниками къ мѣсту боя изъ Аксума, всѣ колокола котораго звонили во все время сраженія.

Императрица Таиту въ память славнаго боя вдѣла сво-

ему супругу въ ухо золотую серьгу [1]). Черезъ два дня послѣ боя въ Аксумскомъ храмѣ была отслужена торжественная обѣдня и молебенъ по случаю дарованія побѣды надъ врагами. Тѣмъ не менѣе ликованіе было непродолжительно: на другой же день вся армія облеклась въ трауръ, выраженіемъ котораго является въ Абиссиніи одѣваніе самаго стараго платья. Къ Менелику начали приводить плѣнныхъ со всѣхъ сторонъ; съ послѣдними каждый изъ ловившихъ поступалъ сообразно своимъ взглядамъ на отношеніе къ побѣжденному врагу: одни ухаживали за плѣнниками, сажали ихъ на муловъ, другіе же, наоборотъ, раздѣвали ихъ до нага. Интересенъ фактъ, что никто въ абиссинскихъ войскахъ не зналъ, гдѣ во время боя находился императоръ Менеликъ. Есть основаніе предполагать, что онъ находился на вершинѣ Абба-Гаримма, такъ какъ тамъ дѣйствовали митральезы Максима-Норденфельда, которыя ни на шагъ не отставали отъ негуса. Что касается до разсказовъ итальянцевъ, то всѣ они невѣрны, такъ какъ о присутствіи Менелика судили по его красному зонтику. Согласно же обычаю, подъ нимъ находился одинъ изъ ликамакуасовъ (генералъ-адъютантовъ императора), на обязанности коихъ состоитъ одѣваться, какъ негусъ, и замѣнять его особу въ бою въ то время, когда Менеликъ въ солдатской буркѣ гдѣ-либо въ сторонѣ слѣдитъ за ходомъ сраженія, какъ оно было и въ данномъ случаѣ.

Прежде чѣмъ закончить описаніе боя подъ Адуей, скажемъ нѣсколько словъ объ участи вторично попавшаго въ плѣнъ къ абиссинцамъ подполковника Галліано.

Всѣ европейскія газеты перепечатали итальянское сообщеніе о томъ, что Менеликъ учредилъ судъ надъ измѣнникомъ своему честному слову и что Галліано былъ пригово-

---

[1]) Что считается въ Абиссиніи признакомъ особаго подвига и отличія. Такъ, напримѣръ, серьга вдѣвается въ ухо тому, кто въ одиночку убьетъ льва или слона.

Оплакиваніе абиссинцами убитыхъ подъ Адуа. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

ренъ къ смерти и разстрѣлянъ. На самомъ дѣлѣ никакого суда не было. О смерти же Галліано явились двѣ версіи: одна—что его привели сильно израненнаго въ числѣ прочихъ плѣнныхъ къ Менелику. Негусъ тотчасъ же узналъ его и, обратившись къ провожатымъ, сказалъ имъ: „Зачѣмъ вы привели ко мнѣ этого человѣка?“ Эта фраза и была смертнымъ приговоромъ для Галліано. Его отвели къ опушкѣ лѣса тѣ самые воины, которые захватили его въ плѣнъ, и тамъ зарубили саблями. Версіи этой безусловно также нельзя вѣрить такъ какъ Менеликъ едва-ли такъ хорошо могъ запомнить Галліано, чтобы узнать его всего почернѣвшаго отъ пороха и покрытаго кровью отъ ранъ. Вторая версія являлась болѣе правдоподобною и была передана г. Леонтьеву солдатомъ по имени Авта-Маріамъ, который разсказалъ, что, когда онъ взялъ въ плѣнъ Галліано, тотъ былъ раненъ въ плечо пулей и совсѣмъ не могъ идти отъ потери крови, такъ что его еле-еле волокли. Тогда одинъ изъ товарищей Авта-Маріамъ, наткнувшись случайно на это зрѣлище, упрекнулъ его, говоря: „охота тебѣ съ нимъ возиться!“ и прежде чѣмъ тотъ успѣлъ что-либо отвѣтить, такъ ударилъ несчастнаго Галліано саблей по головѣ, что тотъ упалъ на землю безъ дыханія.

Между тѣмъ въ Италіи, до утра 3 марта ничего не подозрѣвали объ Адуанскомъ пораженіи. Король Гумбертъ, находившійся въ то время въ Неаполѣ, еще вечеромъ 2 марта не получилъ никакихъ свѣдѣній и легъ въ тотъ день спать ранѣе обыкновеннаго. Но ровно въ 11 часовъ явился взволнованный генералъ-адъютантъ Понціо Вагліа, приказалъ камердинеру разбудить короля, вслѣдствіе важныхъ вѣстей изъ Африки, и передалъ длинную телеграмму, только-что дешифрированную. Слѣдующая за нею была подана королю въ 3 часа утра, и онъ немедленно приказалъ приготовить экстренный поѣздъ въ Римъ, съ которымъ и отбылъ въ 7 часовъ утра, глубоко пораженный постигшимъ его страну несчастіемъ.

Впечатлѣніе, произведенное въ Италіи этимъ небывалымъ пораженіемъ, было громадное. Вечеромъ 3 марта во всѣхъ большихъ городахъ королевства произошли народныя демонстраціи, которыя въ Миланѣ сопровождались безпорядками. Все общественное мнѣніе страны требовало окончанія африканскихъ дѣлъ и немедленнаго оставленія стоившей столько крови сыновъ Италіи Эритрейской колоніи.

Печать архіепископа Аббуны.

Такъ закончилось Адуанское сраженіе, результатомъ котораго было почти полное уничтоженіе регулярныхъ войскъ великой Европейской державы полудикими полчищами абиссинцевъ. Причины этого рѣдкаго явленія многочисленны, и мы постараемся перечислить важнѣйшія изъ нихъ:

1) Полное незнакомство и нежеланіе его у итальянскихъ генераловъ со своимъ противникомъ и его качествами.

2) Большой численный перевѣсъ абиссинцевъ.

3) Несоотвѣтствіе плана генерала Баратіери относительно веденія этого боя дѣйствительному положенію дѣлъ. Желая стратегически наступать, а тактически обороняться, итальян-

Могилы убитыхъ абиссинскихъ воиновъ. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

скій главнокомандующій, въ свою очередь, былъ неожиданно атакованъ быстро изготовившимся къ бою противникомъ.

4) Неправильное примѣненіе принципа иниціативы начальниками отдѣльныхъ колоннъ, вслѣдствіе чего онѣ разновременно вступили въ бой.

5) Руководство боемъ не было сосредоточено въ рукахъ главнокомандующаго.

6) Небрежная рекогносцировка непріятельской позиціи, подступовъ къ ней и дорогъ, по которымъ должны были слѣдовать войска.

7) Отсутствіе связи между колоннами вслѣдствіе пересѣченной мѣстности.

8) Милиціонный составъ итальянскихъ войскъ, каковымъ можно было назвать его вслѣдствіе крайне короткихъ сроковъ службы, малаго періода боевой подготовки солдатъ и физической недоразвитости ихъ.

9) Непривычка ихъ къ знойному климату Африки и каменистой и песчаной почвѣ.

10) Отсутствіе, вслѣдствіе вышеупомянутыхъ двухъ причинъ, должнаго подъема духа войскъ, столь важнаго фактора побѣды.

11) Чрезвычайно быстрое наступленіе абиссинцевъ, что парализовало всѣ преимущества вооруженія итальянцевъ, такъ какъ періодъ артиллерійскаго и ружейнаго боя былъ слишкомъ незначителенъ.

12) Полное знакомство абиссинцевъ со страною и привычка ко всѣмъ условіямъ климата и обстановки.

13) Перевѣсъ въ силѣ и ловкости у абиссинцевъ въ рукопашной схваткѣ, въ которой собственно и заключался весь бой.

14) Высокій подъемъ духа абиссинскихъ войскъ, вызванный святою идеею—защиты своей родины.

Плѣнный генералъ Альбертоне на бивакѣ во время похода въ Энтото. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

ГЛАВА XVII.

Возвращеніе въ Шоа арміи Менелика.—Отношеніе къ итальянскимъ плѣннымъ г. Леонтьева.—Походная жизнь.—Торжественная встрѣча въ Энтото.—Трехдневный пиръ у негуса.—Итальянскій делегатъ—маіоръ Зальца въ лагерѣ негуса.—Переговоры о перемиріи.—Пріѣздъ въ Массову генерала Бальдиссера.—Его распоряженія и мѣры къ освобожденію Адиграта.—Очищеніе итальянцами этого пункта.—Эвакуація войскъ въ Италію.—Дизлокація колоніальныхъ войскъ къ 1 іюля 1896 года.

Адуанское сраженіе покончило войну по той простой причинѣ, что Менелику не съ кѣмъ уже было воевать. Но здѣсь въ упрекъ ему можно поставить, что онъ не воспользовался плодами своей блестящей побѣды, не развилъ до конца стратегическаго преслѣдованія и, стеревъ съ лица земли остатки

итальянскихъ гарнизоновъ Массовы, не сбросилъ окончательно своихъ противниковъ въ море.

Похоронивъ массу убитыхъ и оплакавъ ихъ, эѳіопская армія тронулась въ предѣлы Шоа. Переходы совершались небольшіе, по 4 и 5 часовъ времени. На каждомъ бивакѣ войска ожидало громадное „дурго“, въ избыткѣ сносимое жителями. Если солдатамъ попадалось на глаза „дурго“ негуса, то его безъ церемоніи разграбливали и съѣдали, на томъ основаніи, что все это отцовское, а дѣти у отца все могутъ брать. Страдали также и поля, мимо которыхъ шли воины: колосья срывались въ громадномъ количествѣ, тутъ же на ходу перетирались между каменьями и съѣдались. Итальянскіе плѣнные шли обыкновенно передъ аріергардомъ; всѣ они по 3, 4 или 5 человѣкъ были распредѣлены на поруки къ абиссинцамъ и каждый изъ послѣднихъ всецѣло отвѣчалъ за своихъ поднадзорныхъ. Большинство этихъ несчастныхъ шло въ однихъ лохмотьяхъ, за то абиссинцы тащили на мулахъ массу награбленнаго вражескаго имущества. По вечерамъ въ лагерѣ устраивался аукціонъ или, вѣрнѣе, базаръ, на которомъ торговали захваченными предметами, причемъ установились даже и цѣны на нихъ. Такъ, часы продавались за одну соль (брусокъ длиною около четверти аршина и толщиною въ полтора вершка), по цѣнѣ соотвѣтствовавшую 12 копѣйкамъ, тесаки шли по талеру, ружья—по три, фунтъ стерлинговъ, луидоръ—стоили пять талеровъ; здѣсь же можно было найти разрозненные башмаки, компасы, докторскія книги, столбы походнаго телеграфа, въ изобиліи вино „Кіанти“ и т. д. За итальянскими пушками абиссинцы ухаживали, какъ за барышнями: онѣ всѣ находились въ вѣдѣніи ликамакуаса Аббато, большого педанта, лагерь котораго, въ авангардѣ, всегда былъ въ блестящемъ порядкѣ, точно его, по образному выраженію г. Леонтьева, парикмахеръ причесалъ. Артиллерійскія сѣдла оказались велики для абиссинскихъ муловъ, поэтому въ походѣ ими не пользовались, а везли орудія и принадлежности на вьюкахъ.

Негусъ съ супругой на походѣ помѣщался въ трехъ

палаткахъ: бѣлой парадной съ тентомъ, малой бѣлой для императрицы и большой черной, кругомъ коихъ ставился заборъ изъ полотна. По приходѣ на бивакъ гвардія и плѣнные обѣдали всегда у Менелика, причемъ послѣдній возсѣдалъ на парадномъ тронѣ, устроенномъ изъ плетеной абиссинской кровати на четырехъ ножкахъ, покрытой дорогими индѣйскими парчами; слѣва отъ него помѣщался расъ-Маконенъ, справа— расъ-Микаэль, около нихъ другіе высшіе чины и остальная свита полукругомъ. Для г. Леонтьева ставился обыкновенно вѣнскій стулъ противъ трона негуса. Въ Камбольджи Менеликъ получилъ до 4,000 тысячъ поздравительныхъ писемъ изъ Англіи, Америки, Германіи, Швейцаріи и Франціи. Болѣе всего было посланій отъ швейцарцевъ, особенно сочувствовавшихъ негусу потому, что и онъ такъ же, какъ они нѣкогда, отстаивалъ свободу и цѣлость своей страны. Было также одно письмо изъ Россіи, отъ г. Попова изъ Аккермана, очень цвѣтистое по содержанію. Поздравляли и французскіе священники, прося при этомъ пожертвованій на какіе-то колокола. Нашелся и еврей, который послѣ обычныхъ поздравительныхъ формулъ предложилъ негусу слѣдить за roulement de ses capitaux. Менеликъ много смѣялся надъ ухищреніями европейцевъ воспользоваться случаемъ для извлеченія своихъ выгодъ и конечно ни на какія удочки не попался.

При г. Леонтьевѣ былъ назначенъ состоять племянникъ негуса Белляджіо; тотъ каждый день при остановкѣ на бивакъ являлся будто бы помогать людямъ г. Леонтьева ставить палатку. Что касается до присутствія въ арміи нашего энергичнаго путешественника и его малой, но отборной дружины, то они принесли громадную пользу плѣннымъ, перевязывая имъ раны, снабжая бѣльемъ, припасами, виномъ, словомъ—всѣмъ, чѣмъ только могли. Казакъ Константинъ Аздѣевъ былъ даже парикмахеромъ и стригъ обросшихъ до нельзя итальянцевъ. Всѣхъ случаевъ помощи нельзя конечно и перечислить, но вотъ нѣкоторые, наиболѣе характерные. Однажды къ г. Леонтьеву

Итальянскіе плѣнные на походѣ. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

явился плѣнный капитанъ Спрефико, съ простреленнымъ плечомъ; рана была прикрыта грязной тряпкой и единственная сорочка его покоробилась и пожелтѣла отъ матеріи. Когда фельдшеръ Семенъ обмылъ и дезинфекцировалъ рану и на несчастнаго надѣли чистое бѣлье, имъ овладѣла такая безумная радость, что онъ, со слезами на глазахъ, бросился обнимать всѣхъ русскихъ.

Другой офицеръ явился съ тряпкой на головѣ,—его тотчасъ снабдили шапкой. Многихъ офицеровъ г. Леонтьевъ поочередно звалъ къ себѣ обѣдать, и тѣ не могли въ себя прійти при видѣ накрытаго стола, стульевъ и прочихъ аттрибутовъ европейской обстановки.

Всѣ плѣнные возбуждали къ себѣ много симпатіи, въ особенности достойный генералъ Альбертоне, съ которымъ г. Леонтьевъ дѣлился коньякомъ, сардинами, лукомъ и дажнитками. Кромѣ того, больныхъ офицеровъ г. Леонтьевъ снабжалъ и своими мулами.

20 апрѣля армія достигла Бурхана, мѣстности ненадежной, населенной фанатиками-мусульманами, кои хотя по приказу и христіане, но повѣсили кресты на гвозди, а сами молятся Аллаху. Здѣсь стали принимать болѣе предосторожностей, и кромѣ всего раскладывали по ночамъ костры отъ львовъ, имѣющихся здѣсь въ большомъ количествѣ. Вскорѣ появилась эпидемія на муловъ, и весь путь арміи обозначался громаднымъ количествомъ павшихъ животныхъ, а отсутствіе травы губительно подѣйствовало на составъ кавалеріи, уменьшивъ ее почти на половину. По дорогѣ въ Антіохію нашли убитаго итальянца. Негусъ разгнѣвался страшно и назначилъ 10,000 талеровъ тому, кто найдетъ убійцу, что вскорѣ и было исполнено, и послѣдній, разумѣется, казненъ. Здѣсь пришлось нѣсколько дней остаться безъ мяса, такъ какъ жители, узнавъ о появленіи войскъ, далеко угнали весь скотъ. Въ Антіохіи негусъ отобралъ плѣнныхъ офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ, знающихъ какое-либо мастерство, и, оставивъ ихъ при себѣ, всѣхъ остальныхъ направилъ въ Сокоту. Пу-

тешествіе по странѣ Бурхана было также характерно и тѣмъ, что то и дѣло являлись женщины съ жалобой негусу на своихъ мужей, что тѣ не выполняютъ своихъ супружескихъ обязанностей. Отъ Евфрата потянулась вновь устроенная западная дорога въ видѣ просѣки въ 10 саженей шириною. Растительность состояла изъ кактусовъ, пальмъ, мимозъ, лимонныхъ деревьевъ, между коими плющъ образовалъ причудливыя арки. Г. Леонтьевъ во время похода больше ѣхалъ возлѣ негуса, но иногда для изученія нравовъ отъѣзжалъ въ стороны, чаще всего въ арріергардъ, гдѣ попадались наиболѣе интересные типы—мародеры, лѣнтяи, монахи, которыхъ много было при войскѣ и отсталые итальянцы. У послѣднихъ отъ жары сошла кожа и особенно пострадала обувь отъ каменистой почвы. Многіе окончательно потеряли европейскій обликъ: исхудалые, блѣдные, въ лохмотьяхъ, съ палками—они производили впечатлѣніе нищихъ.

Послѣ двухъ-недѣльнаго похода Менеликъ со своими побѣдоносными войсками приблизился, наконецъ, къ столицѣ своей Энтото, населеніе коей съ нетерпѣніемъ поджидало давно желаннаго возвращенія своихъ защитниковъ. Наканунѣ прихода въ городъ, а именно 9 мая, изъ Лага-Дади негусъ послалъ въ столицу приказаніе, чтобы всѣ безъ исключенія жители одѣлись по праздничному и были веселы, такъ какъ достаточно уже наплакались о потеряхъ и, все равно, мертвыхъ не воскресятъ. Этотъ же день въ лагерѣ ознаменовался слѣдующимъ эпизодомъ. Случайно загорѣлась трава, но пожаръ скоро былъ потушенъ, не водой, какъ это можно было бы предположить, такъ какъ ея не было, а плащами.

По мѣрѣ приближенія къ Энтото итальянцы ужасно волновались, думая, что ихъ ждутъ униженія и оскорбленія при торжественномъ въѣздѣ императора въ столицу, но страхи были напрасны, и Менеликъ поступилъ съ ними, какъ и всегда, по-рыцарски, и никакой обиды никому не было нанесено.

Итальянскій плѣнный въ пути. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

На другой день изъ лагеря выступили ровно въ 6 часовъ утра, при полной тишинѣ, безъ аффектаціи и бряцанья оружіемъ, какъ будто бы предстоялъ простой переходъ, а не тріумфальное шествіе къ столицѣ. Воинамъ даже не было приказано одѣться въ праздничное платье, а только быть чисто одѣтыми. Костюмъ негуса въ этотъ знаменательный день былъ слѣдующій: черная шляпа съ большими полями, бархатная накидка, покроя Louis XIII съ невысокимъ воротникомъ и золотымъ, рѣдкимъ шитьемъ; подъ ней длинная сирійская шелковая рубашка до икръ, съ разрѣзами по бокамъ, бѣлыя панталоны, черные башмаки и золотая прямая сабля, вся усыпанная драгоцѣнными камнями. Ѣхалъ онъ на мулѣ, покрытомъ бархатнымъ малиновымъ сѣдломъ съ индѣйскимъ выпуклымъ шитьемъ.

Верстахъ въ 10 отъ Энтото показалась торжественная процессія: это было духовенство въ полномъ облаченіи. Приблизившись къ нему, Менеликъ и его свита слѣзли съ муловъ и сѣли въ кружокъ. Началось богослуженіе (родъ молебна) съ приплясываньемъ священниковъ, по окончаніи котораго процессія присоединилась къ войскамъ, и всѣ двинулись далѣе. Въ пяти верстахъ отъ города Менеликъ былъ встрѣченъ десяти-тысячнымъ отрядомъ регента страны расъ-Даргэ. Когда войска эти по отданіи чести присоединились къ арміи, былъ данъ сигналъ перестроиться къ торжественному вступленію въ городъ. Впереди, въ ста шагахъ передъ негусомъ, стали сорокъ литаврщиковъ въ красныхъ плащахъ, усѣвшихся на крупахъ своихъ муловъ, за ними два знаменщика негуса со знаменами *). Затѣмъ двинулись Менеликъ со своей свитой, войска и позади всѣхъ—итальянскіе плѣнные. При встрѣчѣ войскъ расъ-Даргэ съ негусомъ и его арміей всѣ слѣзли съ лошадей и муловъ и произошло общее цѣлованье, сопровождавшееся возгласами: „Бадехна но?“ (хорошо-ли есть?) „Бадехна сембату?“ (хорошо-ли живется?).

*) Знамена состояли изъ шелковой матеріи національныхъ цвѣтовъ: малиноваго, желтаго и зеленаго.

Вблизи города негуса встрѣтила европейская колонія Энтото, состоявшая изъ французовъ Мондона, Савуре, Дюбуа, Стевенена, Трульи, двухъ армянъ и одного грека. Здѣсь же были выстроены, заранѣе отправленныя, отбитыя у итальянцевъ, орудія, къ которымъ пристроили и итальянскихъ плѣнныхъ, одѣтыхъ во все новое и получившихъ по три талера.

По мѣрѣ приближенія къ Энтото толпы народа все болѣе и болѣе увеличивались, горячо привѣтствуя своего монарха воемъ и крикомъ, причемъ женщины неистово визжали. По въѣздѣ въ городъ негусъ направился прежде всего къ церкви Св. Троицы, выстроенной въ его отсутствіе, приложился къ царскимъ вратамъ и выслушалъ краткую молитву. Ворота дворца брались съ боя, такъ какъ стража не допускала всѣхъ желавшихъ до самаго подъѣзда проводить Менелика. Тотчасъ по принятіи кортежа началась салютаціонная пальба изъ итальянскихъ орудій гранатами, произведенная плѣнными подъ командою артиллерійскаго офицера. Сигналъ къ началу стрѣльбы былъ данъ самимъ негусомъ, выстрѣлившимъ изъ ружья. Послѣ этого во дворцѣ состоялся обѣдъ всѣмъ воинамъ и плѣннымъ итальянцамъ. За обѣдомъ подавалось праздничное блюдо—„доро-дабо“ (пирогъ изъ курицы съ яйцами).

Три дня по прибытіи продолжались повальная ѣда и пьянство; всѣ, кто желалъ только, могли приходить къ негусу на обѣдъ, для котораго была заранѣе заготовлена масса скота.

Закончивъ описаніе возвращенія Менелика изъ похода противъ итальянцевъ, необходимо вернуться нѣсколько назадъ и разсказать о появленіи въ лагерѣ абиссинцевъ итальянскаго маіора Сальза или, какъ неправильно называли его въ газетахъ, Зальца. Вскорѣ послѣ боя подъ Адуей, а именно 9 марта, маіоръ Сальза въ сопровожденіи одного поручика,

Итальянскія орудія, взятыя въ бою при Адуа. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

двухъ переводчиковъ и абиссинскаго конвоя, высланнаго за нимъ въ Томай, прибылъ въ эѳіопскій лагерь. Онъ остался здѣсь два дня и уѣхалъ 11-го. Цѣлью его пріѣзда были переговоры о мирѣ, о чемъ Менеликъ сначала и слышать не хотѣлъ, но потомъ смягчился и въ эти два дня былъ выработанъ проектъ условій перемирія, заключавшійся въ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Очищеніе итальянцами Адиграта и всей территоріи по учіалійскому договору, то есть до р. Мареба.

2) Обмѣнъ раненыхъ плѣнныхъ итальянцевъ на кеньязмеча Гейле Маріама и всѣхъ плѣнныхъ абиссинцевъ.

3) Перемиріе на три мѣсяца до прибытія въ Энтото посольства съ полномочіями отъ короля Италіи для заключенія мирнаго договора.

Кромѣ того, негусъ далъ Сальза письмо къ Бальдиссера. Сальза долженъ былъ вернуться черезъ 8 дней съ отвѣтомъ отъ новаго главнокомандующаго, но вмѣсто этого въ лагерь Менелика пришелъ уклончивый отвѣтъ, что въ Массовѣ ожидаютъ личныхъ приказаній короля по вышеизложеннымъ вопросамъ. Тогда Маконенъ получилъ категорическое приказаніе негуса идти на обложеніе Адиграта, который попрежнему былъ занятъ итальянскимъ гарнизономъ. Когда маіоръ Сальза узналъ, что расъ-Маконенъ всего въ двухъ переходахъ отъ Адиграта, то поспѣшилъ къ нему въ лагерь и заявилъ, что высшее начальство отмѣнило распоряженіе очистить Адиграть, и онъ, маіоръ Сальза, не можетъ уже взять на себя выполненіе этого обѣщанія. Тогда расъ-Маконенъ предложилъ Сальза передать все это лично негусу.

Маіоръ сталъ было протестовать противъ этой поѣздки, говоря, что онъ посланникъ и свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, на что Маконенъ отвѣчалъ, что это имѣло мѣсто въ тотъ разъ, когда онъ являлся съ полномочіями отъ своего начальства, а что теперь онъ пріѣхалъ по своей иниціативѣ и долженъ исполнить то, къ чему его такъ настоятельно приглашаютъ. Только 3 апрѣля Сальза нагналъ главную квартиру негуса

въ Амбаладжи. Когда онъ тамъ появился, у него отобрали оружіе и негусъ при свиданіи съ нимъ сказалъ: „Васъ не выпустятъ отъ насъ, пока Адигратъ не будетъ очищенъ“.

Тогда Сальза сталъ просить позволенія переписаться со своимъ начальствомъ.

„Хорошо, сказалъ негусъ,—отправляйтесь въ Сокоту и если черезъ мѣсяцъ Адигратъ не будетъ очищенъ, вы вернетесь въ Шоа. Вы сильны только своими хитростями. Тѣло у васъ бѣлое, а душа—черная“.

Нужно при этомъ замѣтить, что это былъ единственный фактъ такого рѣзкаго обращенія негуса съ итальянскимъ делегатомъ за все время его отношеній съ Италіей.

Между тѣмъ 4 марта прибылъ въ Массову новый главнокомандующій генералъ Бальдиссера и вступилъ въ управленіе колоніей и командованіе остатками итальянскихъ войскъ.

Въ его распоряженіе поступило 4½ батальона въ Ади-Кайе, батальонъ въ Саганети, 12 батальоновъ и двѣ батареи въ Асмарѣ, находившіяся для связи съ этимъ пунктомъ и Массовой—два батальона по батальону въ Кенафена и Ади-Угри, батальонъ и полубатарея (sexione) въ Кассалѣ, обложенные абиссинцами въ Адигратѣ стрѣлковый батальонъ и этапныя части. Сверхъ того, въ различныхъ пунктахъ колоніи были сформированы отряды—родъ нашего ополченія—изъ итальянцевъ и туземцевъ. Изъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома Адуи чиновъ бывшаго корпуса Баратіери было составлено четыре пѣхотныхъ и одинъ стрѣлковый батальоны. Кромѣ того, генералъ Бальдиссера поспѣшилъ сформировать вновь 5 туземныхъ батальоновъ и изъ орудій форта Саганети—одну туземную батарею. Наконецъ къ 14 марта ожидалась изъ Италіи пѣхотная дивизія.

Конечно, не подлежало сомнѣнію, что эти силы не только не могли заставить отступить назадъ придвинувшуюся къ Массовѣ армію негуса, но и обороняться отъ сильнѣйшаго про-

Аудіенція маіора Сальза у негуса Менелика.

тивника при такомъ широкомъ фронтѣ, что теперь для итальянцевъ являлось насущнѣйшею задачею. Къ великому для нихъ счастью, негусъ наступленія своего не продолжалъ; наоборотъ, 12 марта онъ приказалъ расъ-Маконену, занимавшему Энтишіо, отступить къ главному лагерю, находившемуся въ Ферасъ-Май, а 20 числа началъ обратное движеніе въ Шоа, оставивъ въ Тигре, въ видѣ заслона, расъ-Мангашу и расъ-Аллулу съ ихъ войсками. Причины, заставившія негуса такъ поступить, были: скорое наступленіе періода тропическихъ дождей и вообще желаніе окончить кровопролитіе, къ которому Менеликъ никогда не чувствовалъ склонности, почему и удовольствовался полученными результатами, думая, что итальянцы достаточно уже были имъ наказаны. Что касается появившихся въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ соображеній, что къ этому его вынудили извѣстія о прибывавшихъ изъ Италіи подкрѣпленіяхъ и боязнь лишиться плодовъ своихъ успѣховъ,—то, конечно, таковыя могутъ вызвать лишь одну улыбку у каждаго, хотя немного знакомаго со всѣми предыдущими событіями.

Естественно, что первые свои шаги новый главнокомандующій направилъ къ освобожденію Адиграта. Гарнизонъ его, подъ командою храбраго маіора Престиніари, состоялъ изъ 43 офицеровъ, 2,250 нижнихъ чиновъ, сверхъ коихъ послѣ боя подъ Адуей прибавилось раненыхъ и больныхъ 5 офицеровъ и 62 нижнихъ чина. Хотя обложившіе Адиграть абиссинцы и не предпринимали ничего рѣшительнаго противъ осажденныхъ, не произвели ни одного штурма и что въ водѣ и запасахъ провіанта не чувствовалось первое время недостатка,—становилось тѣмъ не менѣе яснымъ, что рано или поздно гарнизонъ долженъ будетъ сдаться отъ голода, и что нужно принять всѣ мѣры къ его спасенію. Въ теченіе марта и апрѣля итальянцы подготовляли экспедицію для выручки форта. Такая медленность происходила главнымъ образомъ отъ наступленія дервишей къ Кассалѣ, къ сторонѣ коей требовалось выставить значительное количество войскъ,

дабы удержать ихъ при дальнѣйшемъ вторженіи. Этой медленности въ мобилизаціи экспедиціоннаго отряда не мало способствовалъ и недостатокъ вьючныхъ муловъ. Только въ концѣ апрѣля отрядъ придвинулся къ высотамъ Ади-Кайе, кои и занялъ, сильно ихъ укрѣпивъ. Въ составъ корпуса входили 24 пѣхотныхъ итальянскихъ батальона, 4 туземныхъ, 6 горныхъ батарей и 4 туземныя банды. Для введенія же въ заблужденіе противника относительно настоящаго направленія движенія итальянцевъ—по дорогѣ отъ Асмары, на Ади-Угри къ Адуѣ было двинуто 3 батальона, взводъ (sexione) горной батареи и двѣ банды.

Абиссинцы въ это время были расположены слѣдующимъ образомъ: расъ-Аллула (3,000 в.) у Дебра-Дамо, расъ-Мангаша (8,000) у Амба-Ціона, расъ-Себатъ (5,000) отъ Адиграта и вдоль сѣверной границы Агамеса. Вышеупомянутая демонстрація итальянцевъ увѣнчалась успѣхомъ и расъ-Аллула ослабилъ свои силы, выдвинувъ 2,000 ч. къ Адуѣ. Между тѣмъ операціонный корпусъ двинулся къ Ади-Кайе. Для обезпеченія этого марша былъ устроенъ въ Сенафе продовольственный магазинъ. 3 мая произошло небольшое авангардное дѣло, причемъ абиссинскіе передовые отряды отступили. 4 мая снова произошло нѣсколько стычекъ и сообщеніе съ Адиграторъ было возстановлено. Двѣ недѣли оставался близь форта отрядъ, и за это время раненые, больные, матеріальная часть форта и все имущество было увезено въ Массову. Долго генералъ Бальдиссера колебался, уступить-ли требованіямъ Менелика, но, видя непреклонное его рѣшеніе и грозившую отъ упорства Италіи затяжку военныхъ дѣйствій, 18 мая передалъ фортъ абиссинцамъ, кои и не замедлили срыть его укрѣпленія на нѣтъ. Тогда получилъ свободу и маіоръ Сальза.

Съ половины мая началась отправка на родину въ Италію присланныхъ подкрѣпленій, которыя черезъ мѣсяцъ закончились и въ колоніи итальянскихъ войскъ осталось всего 4 баталіона, три роты саперъ и двѣ горныхъ батареи. Къ

Генералъ Бальдиссера.

1 іюля 1896 года дисиозиція колоніальныхъ войскъ была слѣдующая:

1-й туземный батальонъ	въ	Ади-Угри.
2-й [1])	„	„	Асмарѣ.
3-й [2])	„	„	Керенѣ.
4-й [3])	„	„	Керенѣ.
5-й	„	„	Аркико и окрестн. пункт.
6-й	„	„	Кассалѣ.
7-й	„	„	Ади-Кайе и окр. пункт.
Стрѣлковый батальонъ		„	Асмарѣ.
Пѣхотный	„	„	Массовѣ.
Стрѣлковый	„	„	Керенѣ.
Альпійскій	„	„	Саганети.
Туземная батарея [4])		„	Керенѣ.
1-я горная		„	Асмарѣ и Ади-Угри.
2-я „		„	Ади-Кайе и Саганети.
Рота артиллеріи		„	Асмарѣ, Керенѣ, Ади-Угри,
		„	Кассалѣ, Саганети.
1-я саперная рота		„	Асмарѣ, Керенѣ, Кассалѣ.
2-я „ „		„	Асмарѣ, Керенѣ, Массовѣ.
3-я „ „		„	Ади-Кайе.
Взводъ кавалеріи		„	Керенѣ.

Въ Италіи были приняты сверхъ того мѣры къ мобилизаціи и быстрой эвакуаціи въ Массову въ случаѣ надобности значительныхъ силъ.

---

[1]) Одна рота его въ Гиндѣ.

[2]) Одна рота въ Ацъ-Теклесанѣ.

[3]) Два взвода изъ него въ Агордатѣ.

[4]) Одинъ взводъ ея въ Кассалѣ.

ГЛАВА XVIII.

Желаніе негуса ознаменовать день Св. Коронованія Императора Всероссійскаго освобожденіемъ части итальянскихъ плѣнныхъ.—Рыцарскій поступокъ генерала Альбертоне.—Миссія, данная негусомъ г. Леонтьеву въ С.-Петербургъ, Римъ и Константинополь.—Милости и подарки негуса г. Леонтьеву.—Выраженіе ему чувствъ итальянцевъ въ письмѣ лейтенанта Корделла. — Выборъ 50 плѣнныхъ и снаряженіе отряда г. Леонтьева. — Выступленіе его въ Джибути.— Встрѣча г. Леонтьева въ пустынѣ съ г. Булатовичемъ. — Письмо папы римскаго къ негусу и миссія монсиньора Макарія.—Появленіе въ Зейлѣ маіора Нерадзини.

Вскорѣ по возвращеніи Менелика изъ его побѣдоноснаго похода, насталъ день Священнаго Коронованія Императора Всероссійскаго. Утромъ этого дня негусъ потребовалъ къ себѣ г. Леонтьева и, послѣ поздравленій съ нашимъ всенароднымъ праздникомъ, заявилъ, что желалъ бы ознаменовать его возвращеніемъ свободы всѣмъ плѣннымъ офицерамъ, согласно обычаю европейскихъ армій — на честное слово. Въ этомъ смыслѣ онъ поручилъ ему составить формулу обѣщанія, подъ которой должны были подписаться всѣ офицеры.

Она была составлена на французскомъ языкѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Nous sousignés officiers de l'armée italienne, désirant répondre à la gracieuse intention de Sa Majesté l'Empereur d'Ethiopie de nous donner la liberté sur parole—prenons l'en-

gagement formel de ne plus lever les armes en guerre avec Sa Majesté et de ne rien entreprendre contre la sureté de son pays.

Тогда императоръ Менеликъ, найдя текстъ ея вполнѣ сообразнымъ съ его желаніями, приказалъ перевести ее на абиссинскій языкъ и написать оба текста на пергаментѣ.

Видя каждый день тяжелое нравственное состояніе генерала Альбертоне, и его офицеровъ, г. Леонтьевъ былъ несказанно радъ возвѣстить имъ, какъ можно скорѣе, неожиданную новость и, пока еще бумага переписывалась, отправился въ изодранную палатку генерала, отстоявшую отъ его ставки всего въ двадцати шагахъ. Генералъ до слезъ былъ тронутъ вниманіемъ Менелика. Но вскорѣ лицо его приняло серьезное выраженіе и, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ твердымъ голосомъ, исключавшимъ всякую возможность возраженій, произнесъ: „я вполнѣ понимаю и дорого цѣню ваше участіе въ этомъ дѣлѣ, но прошу васъ передать его величеству, что ни я, ни мои офицеры не считаемъ себя въ правѣ дать обязательство, несогласное съ нашимъ военнымъ уставомъ“.

Объ этомъ отвѣтѣ г. Леонтьевымъ было доложено императору, который былъ крайне озадаченъ поступкомъ Альбертоне и, на другой день, желая чѣмъ-либо выразить свое уваженіе къ этому рѣдкому въ военныхъ лѣтописяхъ факту, далъ въ честь генерала Альбертоне, офицеровъ и всѣхъ плѣнныхъ парадный обѣдъ.

Всѣмъ вышесказаннымъ въ полной мѣрѣ объясняется для многихъ, можетъ быть, странное обстоятельство, что въ числѣ пятидесяти освобожденныхъ и доставленныхъ г. Леонтьевымъ плѣнныхъ не было ни одного офицера.

Сверхъ того, Менеликъ далъ г. Леонтьеву важныя дипломатическія порученія въ С.-Петербургъ и Римъ, и въ знакъ признательности за преданность г. Леонтьева, не оставлявшаго негуса въ самыя трудныя минуты, когда всѣ почти

бывшіе при немъ европейцы сочли за лучшее ретироваться, пожаловалъ его впервые учрежденнымъ въ Абиссиніи титуломъ графа Абай. Дипломъ на это званіе былъ врученъ г. Леонтьеву съ многочисленнымъ конвоемъ, окружавшимъ домъ расъ-Микаэля, гдѣ имѣлъ мѣстопребываніе г. Леонтьевъ, и отдавшимъ честь троекратнымъ залпомъ изъ ружей.

Порученія, данныя Менеликомъ г. Леонтьеву и командированному съ нимъ секретарю негуса Ато-Іосифу, были слѣдующія:

1) Отвезти письмо Менелика къ Его Величеству Государю Императору и поднести подарокъ негуса, заключавшійся въ слонѣ, участвовавшемъ въ адуанскомъ бою и сдѣлавшемъ весь военный походъ, и подарокъ расъ-Маконена, заключавшійся въ щитѣ.

2) Отвезти и сдать итальянскому правительству 50 плѣнныхъ, отпущенныхъ Менеликомъ въ честь Св. Коронованія Ихъ Величествъ.

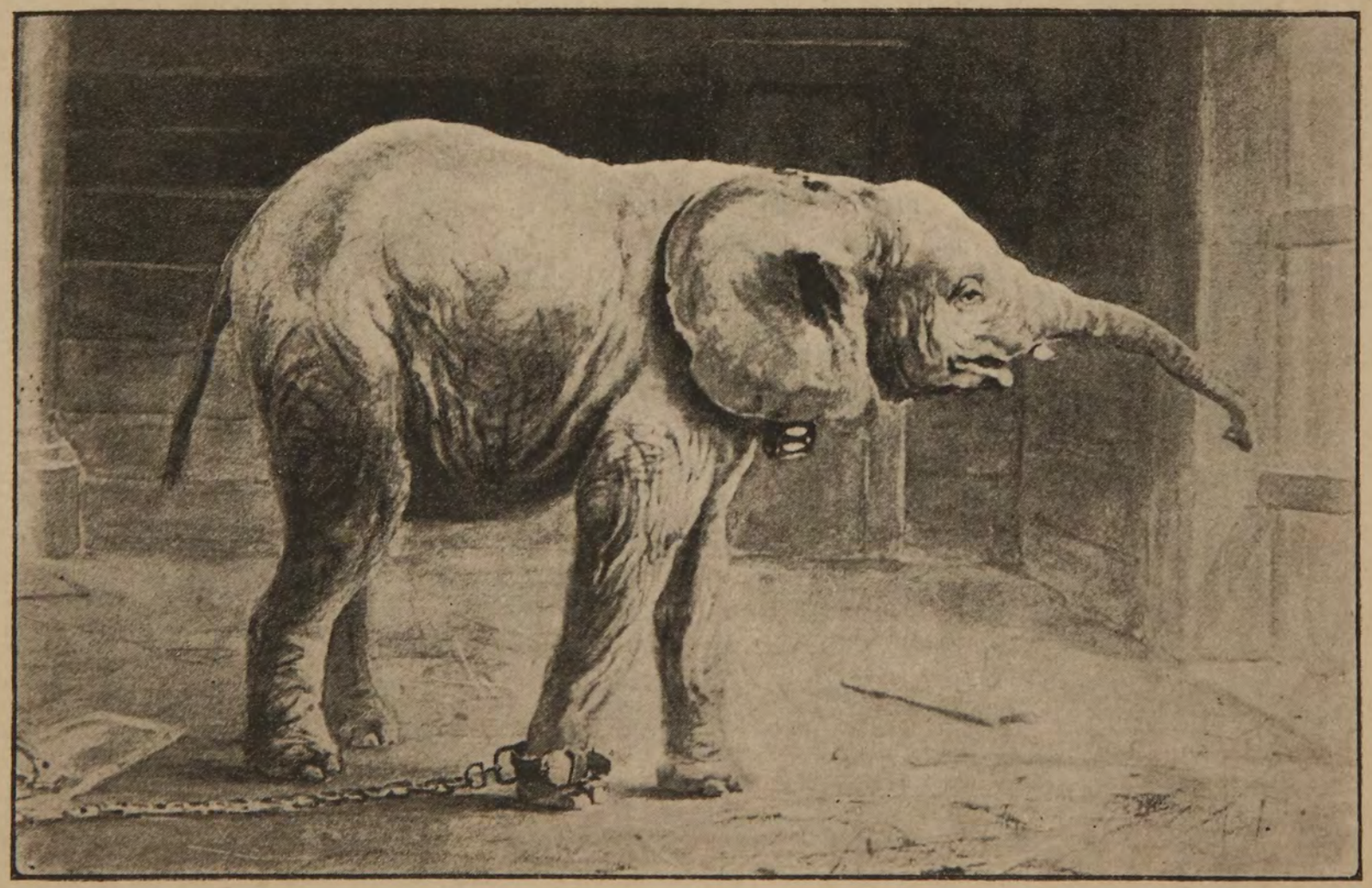
3) Войти въ сношенія съ итальянскимъ правительствомъ для поставленія его въ извѣстность относительно крайнихъ желаній негуса въ смыслѣ заключенія мира съ Италіей.

4) Исполнить дипломатическое порученіе къ султану турецкому относительно изъятія абиссинскаго Іерусалимскаго монастыря отъ подчиненности коптскому армянскому патріарху.

Передъ отъѣздомъ негусъ щедро одарилъ г. Леонтьева. Ему были поднесены лошадь съ сѣдломъ и сбруею, сабля, щитъ, два животныхъ рѣдкой, неизвѣстной въ Абиссиніи породы, привезенныхъ королемъ Джиммы Абба-Джиффаромъ, 6 муловъ, четыре шкуры черныхъ пантеръ, двѣ львиныхъ, и отъ императрицы Таиту—два серебряныхъ рога съ медомъ.

Передъ отъѣздомъ г. Леонтьева негусъ принялъ его и въ прощальной аудіенціи подтвердилъ все, что ему предстояло сдѣлать.

Генералъ Альбертоне, которому расъ-Маконенъ не позволилъ проститься съ г. Леонтьевымъ, выразилъ свои чув-



Слонъ, принесенный въ даръ негусомъ Менеликомъ Государю Императору Николаю Александровичу. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

ства, черезъ лейтенанта Корделла, въ слѣдующемъ письмѣ, которое мы приводимъ не отступая отъ подлинника и не дѣлая его корректуры.

Monsier le Comendant.

Le General Albertone m'a prié de vous exprimer son deplaisir parce qu'l n'a pas obtenu au Ras Makonen de vous venir saluer et d'exprimer au nom des prisonnies italiens la reconnaissance pour les actes de générosité et d'humanité que vous faisiez tous les jours pour eux. Il ferait connaitre a S. M. le Roi d'Italie et au Ministère vos nobles actions. Je puis en particulière manière vous être bien reconnaissant pour le mulet que vous m'avez donné pour marcher, et je puis vous dire, qne vous m'avez redonné la vie et en effet ma santé m'a déjà gagné. J'esperè un jour vous rencontrer en Europe et vous dire de ma vive gratitude.

Agréez mes hommages et mes saluts.
Ernest Cordella.
Lieutenant d'Artillerie.

Тѣмъ не менѣе, почти всѣ итальянскіе офицеры пришли украдкою, ночью, проститься съ г. Леонтьевымъ и поблагодарить его за все для нихъ сдѣланное, причемъ онъ, по просьбѣ ихъ, роздалъ имъ шейные крестики, такъ какъ иначе абиссинское населеніе не хотѣло признавать ихъ христіанами.

При выборѣ 50 плѣнныхъ руководствовались состояніемъ ихъ здоровья, причемъ, дабы не смущать остальныхъ, причину отбора сохраняли строго въ тайнѣ. Помѣстили ихъ въ отдѣльномъ лагерѣ, причемъ несчастные долго думали, что ихъ ждетъ смертная казнь, пока, наконецъ, на походѣ г. Леонтьевъ не объявилъ имъ настоящую причину. Само собою

разумѣется, что счастье ихъ не поддавалось никакому описанію.

Для сопровожденія плѣнныхъ по пустынѣ, негусъ далъ г. Леонтьеву конвой изъ 60 человѣкъ абиссинцевъ. При нашемъ же отважномъ путешественникѣ находилось еще и четверо русскихъ людей, а именно: состоящіе въ запасѣ арміи: урядникъ конвоя Его Величества Константинъ Адзѣевъ, гв. конной артиллеріи фейерверкеръ Василій Коркуновъ, лейбъ-гв. семеновскаго полка унтеръ-офицеръ Ѳедоръ Петровъ и ротный фельдшеръ Семенъ Бузасъ.

Для несенія вещей, такъ какъ до Бальчи нельзя было достать верблюдовъ, было назначено 400 человѣкъ галасовъ. Проводникомъ къ слону до самаго Петербурга былъ назначенъ молодой абиссинецъ Алямо.

Въ пятницу, 31 мая 1896 года, въ 9 часовъ утра, г. Леонтьевъ выступилъ со своимъ отрядомъ въ Харраръ, а черезъ три дня послѣ этого, 2 іюня, въ 11 часовъ утра, произошла, вѣроятно, первая встрѣча двухъ русскихъ путешественниковъ въ Африкѣ: г. Леонтьева съ поручикомъ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка Булатовичемъ, совершившимъ смѣлый рейсъ, который могъ стоить ему жизни, по Данакильской пустынѣ всего въ сопровожденіи 7—8 человѣкъ конвоя. Поручикъ Булатовичъ ѣхалъ съ порученіемъ отъ нашего отряда „Краснаго Креста“ къ негусу и былъ ограбленъ въ дорогѣ данакильцами, которые отобрали у него всѣ вещи и муловъ. Г. Леонтьевъ, радушно принявъ своего соотечественника, снабдилъ его всѣми недостававшими ему вещами и далъ рекомендательныя письма къ жившимъ въ Энтото французамъ Клошету и Мондону, а Ато-Іосифъ— письмо къ гразмечу Негуссіэ. Г. Булатовичъ отправился въ дальнѣйшій путь, а г. Леонтьевъ въ тотъ же день соединился съ расъ-Маконеномъ въ Шонкара, откуда уже вмѣстѣ съ ними двинулся далѣе въ Харраръ.

Между тѣмъ, папа римскій Левъ XIII, узнавъ объ освобожденіи негусомъ 50 плѣнныхъ, возымѣлъ намѣреніе явиться

Алямо, проводникъ слона. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

ходатаемъ за остальныхъ итальянцевъ, томившихся въ неволѣ у абиссинцевъ.

Святой отецъ, убѣжденный въ томъ, что правитель христіанской страны отнесется съ полнымъ вниманіемъ и готовностью къ его совѣту, написалъ Менелику письмо, въ которомъ совѣтовалъ освободить всѣхъ итальянскихъ военноплѣнныхъ. Смыслъ этой новаго рода энциклики былъ таковъ: послѣднія-де событія до того *возвеличили и прославили* Менелика въ глазахъ цѣлаго свѣта, что ему остается лишь увѣнчать пріобрѣтенныя имъ симпатіи всего цивилизованнаго міра гуманнымъ актомъ освобожденія всѣхъ военно-плѣнныхъ, которые если въ чемъ и виноваты, то только въ томъ, что были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего правительства. Заканчивая письмо обѣщаніемъ высокой награды на небесахъ за это доброе дѣло и размышленіемъ на тему, что, въ сущности, всякое земное царствованіе есть преходящее и не отъ міра сего, папа выразилъ увѣренность, что просьба его будетъ исполнена. Вмѣстѣ съ тѣмъ на монсиньора Макарія возложено было порученіе надоумить императора Менелика обратиться къ его святѣйшеству и просить посредничества въ дѣлѣ о мирѣ съ Италіею. Этимъ сразу былъ бы поднятъ престижъ Ватикана. Квириналъ считалъ бы себя обязаннымъ и въ долгу у папы, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегченъ былъ бы въ значительной степени вопросъ о допущеніи католическихъ миссіонеровъ въ Эѳіопію, изъ которой они лѣтъ 15 тому назадъ были удалены Менеликомъ. Трудная миссія эта была возложена на коптскаго католическаго епископа Макарія, молодого еще, энергичнаго и очень образованнаго человѣка, въ надеждѣ, что не-итальянское его происхожденіе внушитъ къ нему болѣе довѣрія негуса и послужитъ къ вящему успѣху его предпріятія. Насколько, впрочемъ, въ Римѣ были убѣждены въ успѣшномъ исходѣ миссіи, ясно свидѣтельствуетъ фактъ, что встрѣтившійся въ пустынѣ съ отрядомъ г. Леонтьева монсиньоръ Макарій поспѣшилъ спросить у него совѣта и

указаній относительно порядка эвакуированія плѣнныхъ, способовъ ихъ довольствія и устройства эшелоновъ. Когда до Италіи дошли смутные слухи о неуспѣхѣ переговоровъ, все же въ католическомъ мірѣ всѣ были убѣждены, что негусъ не осмѣлится отпустить, хотя бы однимъ плѣннымъ меньше, чѣмъ онъ сдѣлалъ это въ честь Русскаго Царя, исходя изъ присущей католикамъ точки зрѣнія, что папа по своему положенію стоитъ выше монарховъ.

Эти надежды, однако, были въ полномъ противорѣчіи со взглядами Менелика, который разумно не желалъ умалять значенія акта, совершеннаго имъ въ честь Россійскаго Императора, и далъ папскому делегату всего двухъ больныхъ, изъ которыхъ одинъ умственно, разстроенный докторъ Маджи, былъ поставленъ на ноги, благодаря лишь неусыпнымъ попеченіямъ о немъ членовъ экспедиціи г. Леонтьева.

Въ то же время докторъ Нераццини, трансформированный въ маіора и чрезвычайнаго посланника короля Гумберта, но безъ особыхъ правъ и полномочій, въ маѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Зейлу и отправилъ письмо къ негусу о томъ, что онъ явился для переговоровъ.

Это послѣднее было написано изъ предосторожности, дабы получить оффиціальный пропускъ, гарантирующій неприкосновенность личности, въ виду участи военнаго делегата послѣ Адуи, маіора Сальза.

Пока письмо дошло до негуса и получили отъ него отвѣтъ, прошло цѣлыхъ два мѣсяца. Въ это время произошло арестованіе итальянцами „Doelwick'a“ съ грузомъ ружей для Абиссиніи, и когда получилось письмо Менелика съ согласіемъ на пріемъ маіора Нераццини, харрарскій губернаторъ расъ-Маконенъ задержалъ письмо, не объясняя его содержанія Нераццини и, въ виду новыхъ осложненій вопроса вслѣдствіе инцидента съ кораблемъ, обратился за дальнѣйшими инструкціями къ своему императору; но негусъ, слѣдуя своему всегдашнему правилу выслушать каждаго, къ нему обращающагося, приказалъ пропустить маіора Нерац-

цини, но предварительно предупредилъ его, что переговоры о мирѣ не будутъ совсѣмъ имѣть мѣста, и что онъ, негусъ, войдетъ въ таковые инымъ путемъ. Но вслѣдствіе миссіи г. Леонтьева въ Римъ, имѣвшей цѣлью поставить Квириналъ въ извѣстность относительно крайнихъ желаній Менелика, роль маіора Нераццини измѣнилась, и ему поручено было про-

Лагерь отряда «Краснаго креста» у Лега Корсо. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

зондировать и подготовить почву для дѣйствій генерала Валлеса, который долженъ былъ явиться, какъ посолъ съ чрезвычайными полномочіями, кончить дѣло на мѣстѣ, но временно остался въ Массовѣ, дожидаясь увѣдомленія о пріемѣ его негусомъ.

Послѣ недѣльнаго путешествія, и будучи уже недалеко отъ Харрара, расъ-Маконенъ узналъ о приближеніи русскаго

отряда „Краснаго Креста“ и обратился съ просьбою къ г. Леонтьеву, написать генералу Шведову и передать ему желаніе Маконена — подождать его съ отрядомъ въ Харрарѣ и остаться тамъ на весь періодъ дождей. Г. Леонтьевъ исполнилъ просьбу раса и послалъ письмо впередъ съ нарочнымъ. Когда при дальнѣйшемъ пути отряды пришли въ имѣніе расъ-Маконена „Куни“, имъ была устроена для г. Леонтьева грандіозная охота на слона, причемъ нашему соотечественнику приданъ былъ конвой изъ ста галасскихъ всадниковъ и назначены охотники-спеціалисты этого труднаго и опаснаго дѣла. Результатомъ трехъ-дневной охоты были два громадныхъ слона, которыхъ едва уложили сорока пулями каждаго. Послѣ этой остановки путешествіе продолжалось далѣе по широкой новой дорогѣ, устроенной кеньязмечемъ Бантье, и г. Леонтьевъ могъ во-очію убѣдиться по большому количеству каравановъ, что война вовсе не нарушила правильнаго теченія торговой жизни страны. По прибытіи въ свое другое имѣніе, „Кулюби“, расъ-Маконенъ къ удивленію своему узналъ, что „Красный Крестъ“ уже выступилъ изъ Харрара и находится въ одномъ переходѣ въ Лега-Карса.

Въ данномъ случаѣ, разныя причины повліяли на его разочарованное настроеніе: во-первыхъ, онъ очень желалъ, чтобы русскіе были свидѣтелями его тріумфальнаго въѣзда въ Харраръ; во-вторыхъ, по его словамъ, онъ боялся, что изъ Энтото всѣ разъѣдутся по случаю дождливаго времени и русская миссія встрѣтитъ много неудобствъ, и въ-третьихъ, онъ думалъ въ Харрарѣ, большомъ населенномъ пунктѣ, найти широкое примѣненіе для дѣятельности врачебнаго персонала отряда.

Можетъ быть тутъ игралъ роль и еще одинъ факторъ— нѣкоторое чужеземное вліяніе противъ сближенія съ Россіей, и съ этимъ вліяніемъ г. Леонтьеву пришлось бороться при дворѣ Менелика и передъ своимъ отъѣздомъ убѣдить негуса, во что бы то ни стало допустить отрядъ до Энтото.

Расъ-Маконенъ обратился съ просьбою къ г. Леонтьеву поѣхать впередъ и задержать русскій отрядъ на бивакѣ до его прибытія. По ошибкѣ, нашего путешественника приняли за раса, и онъ нашелъ отрядъ выстроеннымъ передъ двумя ровными линіями педантично разбитыхъ палатокъ. Послѣ встрѣчи двухъ русскихъ отрядовъ въ Африкѣ,—навѣрно впервые отъ сотворенія міра,—и взаимныхъ привѣтствій, г. Леонтьевъ разбилъ свой лагерь неподалеку отъ отряда генерала Шведова, а черезъ шесть часовъ появился расъ-Маконенъ со своими воинами и сталъ лагеремъ рядомъ съ г. Леонтьевымъ. Многочисленное „дурго", приготовленное для него жителями, было предложено отряду „Краснаго Креста"; послѣдовали взаимные визиты между расомъ и генераломъ Шведовымъ. Всѣ три отряда простояли сутки вмѣстѣ, причемъ для Харрара, по просьбѣ Маконена, была выдѣлена часть медицинскаго персонала, состоявшаго подъ начальствомъ врача-хирурга Д. Л. Глинскаго, изъ двухъ докторовъ гг. Бобина и Кречинскаго, двухъ фельдшеровъ и двухъ санитаровъ. 11 іюня генералъ Шведовъ двинулся далѣе къ окончательной цѣли своего многотруднаго и доблестнаго путешествія, а г. Леонтьевъ и расъ-Маконенъ—направились въ Харраръ, куда и прибыли 22 іюня, а 24 числа правителемъ страны былъ предложенъ всѣмъ русскимъ парадный обѣдъ. Отдѣленіе „Краснаго Креста" тотчасъ же открыло свою плодотворную дѣятельность и быстро завоевало довѣріе и всѣ симпатіи туземцевъ, такъ что вскорѣ число посѣтителей стало доходить до 300 въ день [1]).

Передъ выѣздомъ своимъ изъ Харрара, г. Леонтьевъ отдалъ всѣ свои врачебные матеріалы „Красному Кресту". При разставаніи, расъ-Маконенъ подарилъ г. Леонтьеву

---

[1]) Говоря о врачебной помощи, нельзя не отмѣтить характернаго факта, что въ Абиссиніи какой бы то ни было гонораръ врачамъ совершенно отсутствуетъ, такъ какъ предполагается, что, врачуя больныхъ, доктора „спасаютъ этимъ свою душу".

золотой крестъ, ружье и саблю, которыми онъ сражался въ бою при Адуѣ, нѣсколько щитовъ, сабель, двухъ быковъ, корову, пять львиныхъ шкуръ и двѣ пантерныя. Онъ настоялъ отложить отъѣздъ на нѣсколько дней, дабы успѣть пошить итальянскимъ плѣннымъ новое платье изъ бѣлой бумазеи. При выступленіи г. Леонтьева въ дальнѣйшій путь до Джибути его провожалъ за три версты отъ города русскій персоналъ отряда и всѣ его харрарскіе друзья. Плѣнные были сведены въ полу-роту, начальникомъ коей назначенъ былъ одинъ изъ унтеръ-офицеровъ (caporal Madjiore). Вечеромъ и утромъ всѣмъ дѣлалась перекличка, на что каждый отвѣчалъ: „presente".

Караванъ г. Леонтьева при выступленіи изъ Харрара состоялъ: изъ 4-хъ русскихъ унтеръ-офицеровъ, Ато-Іосифа, секретаря негуса, 72 человѣкъ конвоя, сорока семи итальянцевъ [1]) и четырехъ абиссинскихъ слугъ, сорока двухъ муловъ, 36 верблюдовъ, слона и 36 сомалійцевъ, вооруженныхъ пиками. Походный порядокъ былъ всегда таковъ: впереди слонъ, мулы съ частью прислуги, итальянцы, г. Леонтьевъ со своимъ конвоемъ, верблюды съ сомалійцами. Переходъ начинался въ четыре часа утра, продолжался до девяти, затѣмъ, до трехъ часовъ назначался отдыхъ, отъ трехъ до четырехъ вьюченіе и выступленіе въ дальнѣйшій путь—до 8 вечера, когда становились на ночлегъ.

5 іюля, въ Арту, г. Леонтьевъ встрѣтился съ экспедиціей папскаго посланца монсиньора Макарія. При немъ находился патеръ Дабоди-Гиньоли, шесть муловъ съ проводниками, два верблюда и одна палатка. Плѣнныхъ подвели подъ благословеніе о. Макарія и дозволили отыскать свои письма въ числѣ 6,000, везомыхъ имъ съ далекой родины.

---

[1]) Трое плѣнныхъ бѣжали и спрятались въ какомъ-то погребѣ въ Харрарѣ, думая, что ихъ ждетъ печальная участь, и только нѣсколько дней спустя были найдены и отправлены вдогонку отряду.

Г. Леонтьевъ предложилъ обѣдъ монсиньору и узналъ отъ него о печальной участи аббата Верцовича, умершаго 1 іюля отъ солнечнаго удара.

Отецъ Макарій, довольно полный мужчина лѣтъ тридцати пяти, оказался очень веселымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ, отлично владѣющимъ французскимъ языкомъ.

Г. Леонтьевъ, найдя, что бѣдная обстановка его путешествія отнюдь не можетъ содѣйствовать успѣху его миссіи, далъ ему шесть человѣкъ конвоя.

До глубокой ночи просидѣли у костра въ пустынѣ, живо бесѣдуя между собою, два путешественника, коихъ проказницѣ-судьбѣ угодно было столкнуть на знойной почвѣ далекой Африки. На другой день монсиньоръ Макарій отправился далѣе со своимъ караваномъ, который заключалъ въ себѣ обильные дары для плѣнныхъ, принесенные дамами Рима. Всѣ же необходимые предметы и провіантъ для плѣнныхъ отряда г. Леонтьева были сосредоточены, по его просьбѣ; въ Мордале, такъ какъ тамъ по разсчету, запасы, взятые изъ Энтото, должны были истощиться.

Всѣмъ этимъ озаботился патеръ Oudint, ранѣе списавшійся съ г. Леонтьевымъ.

По мѣрѣ приближенія къ Джибути итальянскіе плѣнные дѣлались все радостнѣе и оживленнѣе; на бивакахъ у костровъ все чаще и чаще слышались звуки пѣсни: „Nu jorno me ne iete da la casa“. Этой веселости способствовало и то, обстоятельство что г. Леонтьевъ кормилъ всѣхъ ихъ, какъ на убой, и стада барановъ все время слѣдовали за отрядомъ. Благодаря этому и можно было требовать отъ отряда сорокаверстныхъ переходовъ. 9 іюля караванъ прослѣдовалъ черезъ Далай-Малай, гдѣ когда-то погибъ отъ жары цѣлый отрядъ египтянъ. Эта стоянка ознаменовалась тѣмъ, что ночью гіенны съѣли всѣхъ барановъ, и пришлось бы остаться безъ мяса, если бы не выручили сомалійцы, продавъ нѣсколько штукъ. 10 іюля г. Леонтьевъ прошелъ черезъ Біа-Кабоба, послѣдній пунктъ съ абиссинскимъ гарнизономъ въ 12 че-

ловѣкъ, и 11-го вступилъ въ Мордале, гдѣ итальянцамъ объявили, что они уже на французской землѣ. Восторгъ ихъ положительно не зналъ предѣловъ. Отсюда г. Леонтьевымъ была послана телеграмма королю Италіи о прибытіи въ Джибути къ 18 іюля. 12 іюля въ Аджинѣ ознаменовалось благодѣтельнымъ ливнемъ, выпавшимъ при 50° жары и образовавшимъ цѣлыя озера сажени въ $1^1/_2$ глубиною, въ которыхъ съ наслажденіемъ всѣ выкупались. Здѣсь также впервые за весь путь отъ Мордале нашли траву. При приближеніи къ Амада встрѣтили двухъ курьеровъ: одного—отъ г. Мониго, исправлявшаго должность губернатора Джибути за отсутствіемъ г. Лагарда, а другаго—отъ маіора Нераццини. Итальянскій уполномоченный просилъ объявить плѣннымъ письмо слѣдующаго содержанія.

„Шлю вамъ прежде всего привѣтъ дальней родины и увѣдомляю васъ, что я нахожусь въ Джибути для пріема васъ на итальянскій военный корабль, который немедленно доставитъ васъ въ отечество. Какъ представитель правительства короля, отъ котораго я здѣсь явился, встрѣчаю васъ: добро пожаловать, съ выраженіемъ желанія, чтобы вы, какъ можно скорѣе встрѣтились съ вашими храбрыми товарищами. Правительство наше сдѣлало мнѣ честь возложить на меня это и другое порученіе. Надѣюсь, что переговоры съ его величествомъ императоромъ Эѳіопіи удадутся. Я васъ обнимаю, восклицая: да здравствуетъ Италія! да здравствуетъ король!

„Маіоръ Нераццини.

„Уполномоченный его величества короля Италіи.

„P. S. Старшій изъ васъ въ чинѣ пусть составитъ скорѣе списокъ съ обозначеніемъ именъ и званій плѣнныхъ, который прошу васъ передать г. Леонтьеву, который мнѣ его перешлетъ“.

Что касается до письма Мониго, то оно заключало въ себѣ разрѣшеніе прослѣдовать отряду по французской терри-

торіи и готовность во всемъ содѣйствовать его благополучному прибытію.

Необходимо отмѣтить здѣсь, что письмо маіора Нерацини произвело совсѣмъ не тотъ эффектъ, на который онъ вѣроятно разсчитывалъ. Фраза: „къ храбрымъ товарищамъ"— была понята ими въ томъ смыслѣ, что ихъ хотятъ везти въ Массову и присоединить къ ея гарнизону, и всѣ стали умолять г. Леонтьева взять ихъ въ Италію. Конечно, недоразумѣніе это было быстро разсѣяно и г. Леонтьевъ послалъ маіору Нерацини письмо слѣдующаго содержанія.

M-r le Major.

Apprenant votre présence à Djibouti, j'ai l'honneur de vous signaler l'arrivée lundi matin de 50 prisonniers de guerre italien, mis en liberté à l'occasion du couronnement de mon Auguste Maître l'Empereur de Russie. Chargé par S. M. l'Empereur Menélik de les repatrier, c'est certainement avec vous, que j'aurai le plaisir de régler quelques détailles, concernantes l'affaire en question. Sous ce plis vous trouverez la réponse du plus ancien en grade des prisonniers.

Agréez Monsieur le Major l'expression de ma parfaite considèration.

N. Léontieff.

M-r le Major Nerazzini.
Envoyé de S. M. le Roi d'Italie.

14 іюля въ Беаде былъ полученъ транспортъ отъ патера Oudint, состоявшій изъ 60 шляпъ, очковъ, предохраняющихъ отъ сильнаго солнечнаго свѣта, консервовъ, минеральной воды, чаю, уксусу, табаку и соли; для начальника отряда не были забыты пате фуа гра, спаржа, мадера и даже шампанское. Сверхъ того, прибыло 25 ословъ, на которыхъ и сажали по очереди плѣнныхъ.

Послѣдній переходъ итальянцы шли, задыхаясь отъ жары и волненія: всѣмъ грезилось море. И вотъ, наконецъ, когда

перевалили черезъ хребетъ Гарумо, чарующе сверкнула серебристая полоса океана!

Въ двухъ верстахъ отъ форта Джабадіэ остановились, чтобы подтянуться и выстроиться. Около форта уже ожидалъ прибытія своихъ соотечественниковъ пріѣхавшій туда въ экипажѣ маіоръ Нераццини. Послѣ радостной взаимной встрѣчи маіоръ передалъ г. Леонтьеву телеграмму г. Висконти Веноста, заключавшую въ себѣ благодарность короля Гумберта за доставку плѣнныхъ, редактированную въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Maggiore Nerazzini.

Djibuti.

Quando arriverà alla costa il signor Leontieff voglia prisentargli i nostri ringraziamenti, per l'assistenza prestata e per le cure avute per i nostri prigionieri durante il viaggio.

Visconti Venosta.

Здѣсь было рѣшено, что Леонтьевъ сдастъ ему свой отрядъ вечеромъ на бортъ парохода „Эджитто". Нераццини, подойдя къ плѣннымъ, поздоровался съ ними и поздравивъ съ возвращеніемъ на родину, предложилъ, какъ представителя короля Италіи, прокричать „E viva!" въ честь Его Величества Императора Всероссійскаго, которому они обязаны были своимъ освобожденіемъ. Вслѣдъ затѣмъ предложено было „E viva„ за императора Менелика II. Простившись съ г. Леонтьевымъ, Нераццини уѣхалъ въ Джибути, откуда выслалъ на всѣхъ плѣнныхъ платье и вино. Итальянскій уполномоченный предложилъ пароходъ въ распоряженіе г. Леонтьева и его свиты, но послѣдній отклонилъ это предложеніе.

Въ 5 часовъ вечера послѣдовало вступленіе отряда въ Джибути; по дорогѣ еще онъ былъ встрѣченъ графомъ Шуазель и патерами Cyprien и Oudint, а у воротъ города ожидали гг. Мониго и Нераццини. Здѣсь всему отряду былъ

Вступленіе въ Джибути отряда Н. С. Леонтьева. Съ фотографіи Н. С. Леонтьева.

предложенъ обѣдъ въ „Hôtel de France“. На немъ же присутствовали Нерацдини, оба патера и командиръ и офицеры съ „Egitto“, французскія же власти почему-то уклонились отъ присутствія на банкетѣ. Послѣ обѣда состоялось прощаніе г. Леонтьева съ плѣнными, которые горячо обнимали его и благодарили за отеческую заботливость. Каждая шлюпка отплывала при несмолкаемыхъ кликахъ: „E viva il conte Leontieff!“. На палубѣ „Egitto“ сдѣлали перекличку— всѣ оказались на лицо, и г. Леонтьевъ еще разъ простился со всѣми, благодаря за ихъ примѣрное поведеніе во все время похода и сердечное къ нему отношеніе, о которомъ онъ сохранитъ наилучшія воспоминанія. При этомъ г. Леонтьевъ поднялъ бокалъ и провозгласилъ: „E viva!“ за короля Гумберта.

Этимъ закончилось интересная и небывалая эпопея *доставленія русскимъ путешественникомъ итальянскихъ солдатъ изъ абиссинскаго плѣна,* и г. Леонтьевъ отправилъ на имя г. министра иностранныхъ дѣлъ князя Лобанова-Ростовскаго телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Имѣю счастіе донести Его Величеству Государю Императору о благополучной сдачѣ итальянскихъ плѣнныхъ на бортъ корабля „Эжитто“.

ГЛАВА XIX.

Телеграммы Менелика и маіора Нераццини въ Римъ о заключеніи мира—Подписаніе мирнаго договора въ Аддисъ-Абабъ.—Восемь его пунктовъ.—Конвенція о плѣнныхъ:—Телеграммы Императору Всероссійскому и президенту французской республики Значеніе договора для Менелика.—Исторія съ пароходомъ „Doelwyck". Заключеніе.

Давно уже умолкли бранные звуки на границахъ Эритреи, прошло цѣлое лѣто 1896 года, наступила осень, а ничего не было слышно объ исходѣ мирныхъ переговоровъ между Италіею и Абиссинію, которые велъ отъ лица своего правительства маіоръ Нераццини. Но наконецъ 14 октября Менеликъ послалъ королю Гумберту изъ Аддисъ-Абаба телеграмму слѣдующаго трогательнаго содержанія:

„Я счастливъ, что могу довести до свѣдѣнія вашего величества, что мирный договоръ сегодня подписанъ. Да сохранитъ насъ Богъ друзьями навсегда. Такъ какъ мнѣ извѣстно, что 8-го (20-го) октября состоялось въ августѣйшей семьѣ вашей великое торжество [1]), то я радуюсь, что королевскою волею вашего величества и благодаря осмотрительности и серьезному характеру полномочнаго посланника Нераццини, намъ представилась возможность превратить этотъ достопамятный день въ день ликованій для отцовъ и матерей итальянскихъ плѣнныхъ. Да хранитъ Господь ваше величество многая лѣта".

---

[1]) Бракосочетаніе наслѣднаго принца съ княжною Черногорскою.

Въ свою очередь маіоръ Нераццини большою телеграммою поставилъ свое правительство въ извѣстность о всѣхъ деталяхъ мирнаго договора и конвенціи о плѣнныхъ, которые были подписаны обѣими сторонами въ столицѣ Негуса, при самой торжественной обстановкѣ. Но, какъ утверждаетъ г. Леонтьевъ, обо всемъ происшедшемъ король Гумбертъ еще ранѣе былъ увѣдомленъ своимъ посланникомъ въ Петербургѣ.

Мирный договоръ состоялъ изъ слѣдующихъ восьми пунктовъ:

1) Постановленіе о прекращеніи военнаго положенія и возобновленія на вѣчныя времена мира и дружбы между Абиссиніей и Италіей.

2) Отмѣна учіалійскаго договора.

3) Признаніе Италіей полной независимости Абиссиніи.

4) Отсрочка на годъ опредѣленія точной границы между двумя государствами путемъ дружескаго соглашенія и временное оставленіе пограничной линіи Маребъ-Белеза-Муна, въ силѣ status quo ante.

5) До окончательнаго опредѣленія границъ *обязательство Италіи* не дѣлать никакихъ территоріальныхъ уступокъ какой либо другой державѣ и въ случаѣ такого факта поступленіе территоріи подъ власть Эѳіопіи.

6) Установленіе для развитія торговыхъ и промышленныхъ отношеній особой конвенціи.

7) Поставленіе великихъ державъ обѣими сторонами въ извѣстность о заключеніи мирнаго договора.

8) Обязательство обѣихъ сторонъ ратификаціи договора мѣсяцъ спустя по его подписаніи.

Конвенція объ освобожденіи плѣнныхъ заключала въ себѣ слѣдующіе 3 пункта.

1) Вслѣдствіе заключенія мира всѣ плѣнные получаютъ свободу и отправляются въ Зейлу черезъ Хараръ, какъ только будетъ получена по телеграфу ратификація мирнаго договора.

2) Итальянскому обществу „Краснаго Креста“ разрѣшается отправить отрядъ на встрѣчу плѣннымъ до Гильдесы.

3) Въ виду того, что содержаніе плѣнныхъ стоило большихъ расходовъ Эѳіопіи—таковые должны быть возмѣщены Италіею. Нужно при этомъ замѣтить, что сумма не была опредѣлена Менеликомъ, которой, вполнѣ полагаясь на чувства справедливости Итальянскаго правительства предоставилъ сдѣлать это ему самому.

О заключеніи мира Негусъ увѣдомилъ телеграммами Его Величество Императора Всероссійскаго и Президента французской республики, г. Фора, которому написалъ слѣдующее:

„Такъ какъ Богу было угодно возвратить народу нашему миръ, благодаря состоявшемуся сегодня подписанію мирнаго договора съ уполномоченнымъ его величества короля Италіи—мы почтемъ за счастье, если друзья наши возрадуются вмѣстѣ съ нами“.

Президентъ Форъ отвѣтилъ: „Я былъ очень тронутъ тѣмъ, что ваше величество поспѣшили увѣдомить меня о возстановленіи мира. Сердечно васъ поздравляю и радуюсь вмѣстѣ съ вами столь счастливому результату, какъ сосѣдъ и какъ другъ“.

Несомнѣнно, что столь желанный для Италіи исходъ изъ неопредѣленнаго и тяжелаго для обоихъ воюющихъ государствъ положенія объяснялся тѣмъ обстоятельствомъ, что итальянское правительство снабдило маіора Нераццини въ послѣднюю минуту добавочными полномочіями, чѣмъ избѣгло необходимости посылать въ Эѳіопію генерала Валлеса, миссія котораго являлась бы лишь дополнительною къ тѣмъ недостаточнымъ полномочіямъ маіора Нераццини, вслѣдствіе которыхъ Негусъ продержалъ итальянскаго уполномоченнаго почти два мѣсяца въ Зейлѣ, не желая переговариваться съ лицомъ, не имѣющимъ права кончить всѣ вопросы о мирѣ на мѣстѣ въ Энтото.

Относясь критически къ условіямъ мирнаго договора, нельзя не признать, что императоромъ Менеликомъ были извлечены изъ него всевозможныя для Абиссиніи выгоды, при чемъ вопросы, которые могли до безконечности затянуть пе-

реговоры, были имъ оставлены пока открытыми, что, впрочемъ, не помѣшало Негусу пребывать относительно этихъ послѣднихъ во всеоружіи своихъ правъ. Этимъ ловкимъ маневромъ онъ какъ бы уступилъ итальянцамъ, собственно фактически, не отрѣшаясь отъ тѣхъ правъ, которыя были ненарушимы въ глазахъ всего абиссинскаго народа. Такимъ образомъ, временная граница Маребъ-Белеза-Муна, представляющая въ сущности естественную демаркаціонную линію между двумя воевавшими сторонами, осталась временно въ томъ же видѣ, хотя абиссинцы и имѣли полное право отодвинуть ее далѣе Эритрейской колоніи и опять занять свои земли, которыя были захвачены итальянцами передъ послѣднею войною. Это былъ, выражаясь образно, одинъ изъ сводовъ того золотого моста, который выстроилъ итальянцамъ Менеликъ, можетъ быть, для того чтобы съ большими удобствами и безъ хлопотъ впослѣдствіи самому по немъ пройти. Дѣйствительно, враждебная министерству Рудини партія Криспи обвиняла его съ пѣною у рта въ чрезмѣрныхъ уступкахъ Абиссиніи, между тѣмъ оказалось по результатамъ мира какъ бы приращеніе Эритрейской колоніи, и итальянцамъ по договору ничего не пришлось отдавать назадъ.

Это затягиваніе вопроса о границахъ, съ одной стороны, очень устраивало Менелика возможностью заключить давно желанный миръ, а съ другой—позволяло пока не трогать самаго больнаго мѣста абиссинцевъ — вопроса о границахъ, такъ какъ малѣйшее измѣненіе ихъ не въ пользу страны вызвало бы цѣлую бурю негодованія въ Эѳіопіи. До какой степени высоко развита въ абиссинцахъ заботливость о неприкосновенности территоріи явствуетъ изъ того, что любимыя имена, даваемыя наслѣдникамъ престола, означаетъ „Асфауасенъ“: охранитель границъ.

Такимъ образомъ, осуществленіе перваго пункта договора о вѣчной дружбѣ и мирѣ между Абиссиніей и Италіей находится подъ сильнымъ сомнѣніемъ.

Что касается 2-го и 3-го пунктовъ трактата, т.-е. учіалій-

скаго договора и признанія независимости Эѳіопіи, то оба они, конечно, представляли полное торжество императора Менелика, положившаго навсегда конецъ толкамъ о какомъ-то протекторатѣ Италіи надъ Абиссиніей, которая побѣдоносно и торжественно передъ всею Европою отнынѣ вошла въ семью независимыхъ державъ. Пятый пунктъ договора, гласящій, что до окончательнаго опредѣленія пограничной черты Италія обязуется не дѣлать никакихъ территоріальныхъ уступокъ другой державѣ, а если и пожелаетъ это сдѣлать, то уступленная территорія вновь должна перейти подъ владычество Эѳіопіи— если и могъ кого затронутъ и огорчить, то, конечно, только Англію.

Къ шестому пункту договора, который гласилъ, что для развитія торговыхъ и промышленныхъ отношеній между Абиссиніей и Италіей можетъ быть заключена особая конвенція, нужно добавить, что этотъ пунктъ ни одну изъ договаривающихся сторонъ ни къ чему серьезному не обязываетъ, и если что и обращаетъ на себя вниманіе въ этомъ пунктѣ, такъ это то обстоятельство, что право содержанія консуловъ въ немъ совсѣмъ не выговаривается, а потому и на будущее время этотъ весьма тревожный для Менелика и желательный для Италіи вопросъ остается закрытымъ.

Что же касается конвенціи относительно освобожденія плѣнныхъ, то и здѣсь императоръ Менеликъ остался на высотѣ своего положенія и вѣрнымъ своему всегдашнему девизу: извлекать наибольшія выгоды для своей страны, оставаясь въ то же время всегда рыцаремъ безъ страха и упрека.

Во время описываемыхъ событій, незадолго до заключенія мирнаго договора итальянцами былъ арестованъ въ Красномъ морѣ голландскій пароходъ „Doelwyck“, на которомъ найдено было 30,000 ружей, 5.000,000 патроновъ и 5,000 сабель; грузъ этотъ фактически оказался запроданнымъ французу Шернё, на самомъ же дѣлѣ направлялся въ распоряженіе Негуса Менелика. Фактъ этотъ возбудилъ массу толковъ о томъ, откуда

это оружіе, и имѣли ли право Итальянцы арестовать его по прекращеніи военныхъ дѣйствій съ Абиссиніей, и вопросъ долгое время оставался спорнымъ пока не наступилъ часъ подписанія договора, однимъ изъ *не гласныхъ* пунктовъ котораго было возвращеніе по принадлежности груза Doelwyck'a, что въ точности и было исполнено, и инцидентъ съ пароходомъ этимъ и закончился.

Прослѣдивъ шагъ за шагомъ всѣ перепетіи абиссино-итальянской войны мы не могли не замѣтить какъ жестоко оправдалась на итальянцахъ народная пословица: „На начинающаго Богъ". Но горькій урокъ, полученный итальянскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе помѣшалъ ему съ честью выйти изъ своего затруднительнаго положенія, удержать за собой мѣсто среди великихъ державъ и уберечь достоинство своего государства. Что касается Абиссиніи, она съ мечомъ въ рукѣ отстояла свои человѣческія и нравственныя права, упрочила свою независимость и этимъ же мечомъ прорубила себѣ двери въ цивилизованный міръ, съ удивленіемъ и восторгомъ привѣтствовавшій рыцаря Менелика и его достойный народъ.

Пожелаемъ же отъ души Эеіопіи и ея мудрому правителю, чтобы черезъ эти двери—общенія съ Европою—полились въ Абиссинію волны цивилизаціи и культуры!

С.-Петербургъ,
6-го января 1898 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо Папы римскаго Льва XIII Негусу Менелику II.

AU TRÈS PUISSANT

MÉNÉLIK

NÉGUS NEGESTI

Empereur d'Ethiopie

LÉON XIII PAPE.

Très Puissant Négus Negesti salut et prospérité.

Il vous a plu jadis de saluer par un acte spontané le commencement de Notre Pontificat, et dix ans après, à l'occasion de Notre Jubilé sacerdotal, Vous Nous avez offert un nouveau témoignage de Votre courtoisie. Ces preuves de bienveillance ont réjoui Notre cœur; elles honorent le Vôtre. Aussi, est-ce à Votre cœur de Monarque et de chrétien que s'adresse aujourd'hui Notre parole pour vous engager à un acte de générosité souveraine.

La victoire a laissé en vos mains de nombreux prisonniers. Ce sont des jeunes gens vigoureux et dignes de respect, qui, à la fleur de l'âge et à l'aurore des plus belles espérances, ont été enlevés à leurs familles et à leur patrie.

La captivité n'augmente ni la mesure de Votre puissance, ni l'étendue de Votre prestige; mais plus elle se prolonge, plus vive est la douleur dans l'âme de milliers de mères et d'épouses innocentes.

Pour Nous, pénétrés de la sainte mission, que Nous a confiée Notre Seigneur Jésus-Christ, et qui s'étend à toutes les nations chrétiennes, Nous les aimons, comme des fils. Agréez donc la demande que le coeur d'un Père vous fait, au nom de la Vierge bénie, au nom de tout ce qui Vous est plus cher en ce monde: Veuillez sans retard leur rendre la liberté.

Très Puissant Négus Negesti, ne Vous refusez pas à Vous montrer magnanime aux yeux des nations. Enregistrez cette page glorieuse dans les annales de Votre règne! Que sont après tout les droits impitoyables de la guerre à côté des droits et des devoirs de la fraternité humaine?

Dieu Vous en rendra une riche récompense, car il est le Père miséricordieux! Mille voix s'élèveront en chœur pour Vous bénir, et la Nôtre se fera entendre la première. En attendant, implorons du ciel sur la famille Royale tous les biens désirables.

Donné à Rome, près Saint Pierre, le 11 Mai de l'année 1896, de notre Pontificat la dix--neuvième.

Leo P. P. XIII.

Письмо Негуса Менелика II къ Папѣ римскому Льву XIII.

Lion Vainqueur de la tribu de Juda Menelih élu du Seigneur Roi des Rois d'Ethiopie.

Parvienne à Sa Sainteté

LÉON XIII PAPE

Salut!

J'ai reçu par Monseigneur Macaire la lettre paternelle, où Votre Sainteté, après avoir rappelé gracieuesment Nos relations antérieures, faisait appel à Mes sentiments de clémence en faveur des prisonniers italiens, que la volonté de Dieu a mis entre Mes mains. J'ajoute que Votre Sainteté ne pouvait choisir pour interpréter Ses sentiments un envoyé plus éloquent et plus sympathique, que Son Excellence Monseigneur Cyrille Macaire.

J'ai été vivemeut ému, en lisant l'admirable lettre du Pére commun des chrétiens et en écoutant le language de son illustre Envoyé, et le premier mouvement de Mon cœur avait été de donner à Votre Sainteté la satisfaction qu'Elle Me damandait si noblement; car, Moi aussi Je pleure sur les nombreuses et innocentes victimes de cette guerre cruelle, que j'ai conscience de n'avoir point provoquée.

Malheureusement, mon vif désir de réaliser les vœux de Votre Sainteté a été contrarié par l'attude du Gouvernement italien, qui, après m'avoir exprimé de faire la paix et de rétablir les bonnes relations entre nous, continue à agir à mon égard, comme si nous étions en état de guerre.

Mon devoir de Roi et de Père de mon peuple M'interdit, en ces circonstances, de sacrifier la seule garantie de paix, qui se trouuve entre Mes mains, à la satisfaction d'être agréable à Votre Sainteté et à Moi-même.

C'est avec larplus profonde tristesse que, après avoir tout pesé, dans Ma conscience de Monarque et de Chrétien, Je suis contraint de renvoyer à des temps meilleurs le témoignage d'affection et de haute estime, que J'aurals souhaité donner à Votre Sainteté.

J'espèrè que la grande voix de Votre Sainteté que tous les chrétiens entendent avec respect, s'élèvera en faveur de la justice de ma cause, qui est celle de l'indépendance du peuple, dont Dieu m'a confié le Gouvernement et qu'Elle rendra ains très prochaine la réalisation de Notre commun désir de rendre à leurs familles ceux qui en sont séparés.

Je puis, en attendant, rassurer Votre Sainteté sur le sort des prisonniers italiens, que Je n'ai cessé de protéger et traiter selon les devoirs de la charité chrétienne, et auxquels, à la considération de Votre Sainteté, J'accorderai encore, s'il esf possible, des adoucissements.

Écrit à Notre Ville d'Addis-Abeba le 22 Mascaram, en 1889, de l'an de Grâce (1 er octobre 1896).

Оглавленіе.

ГЛАВА I.

стр.

Введеніе.—Африка и европейцы.—Ихъ захваты и появленіе на сцену Италіи.—Роль Англіи и ея цѣли.—Стремленія Италіи.—Судьба Массовы.—Торговая компанія Рубатино.—Утвержденіе Италіи въ Массовѣ.—Научныя экспедиціи.—Первыя столкновенія съ абиссинцами. — Возникновеніе Эритрейской колоніи.—Учіалійскій договоръ . . . 1— 12

ГЛАВА II.

Трагическая смерть царя Ѳеодора и воцареніе Іоанна II.—Усиленіе короля Шоа—Менелика.—Его повинная и брачный договоръ.—Возстаніе махдистовъ.—Борьба съ ними Іоанна и кончина его.—Менеликъ—императоръ Эѳіопіи.—Итальянская политика.—Графъ Антонелли и 17-й пунктъ учіалійскаго договора.—Отношеніе къ нему европейскихъ державъ.—Пріѣздъ гр. Саламбини.—Его миссія и разрывъ съ Менеликомъ.—Вторичный пріѣздъ гр. Антонелли и оставленіе Эѳіопіи

итальянцами.—Миссія маіора Пьяно.—Вторженіе генерала Баратіери въ Тигре.—Повинная расъ Мангаши Менелику. — Уступка Италіи области Окулукузай и отложеніе расъ Себата . . . . . 13—22

ГЛАВА III.

Абиссинскія легенды о Россіи.—Пріѣздъ экспедиціи Н. С. Леонтьева.—Журнальная противъ нея война въ Италіи.—Происки итальянцевъ въ Эѳіопіи.—Встрѣча экспедиціи въ Джибути, Харрарѣ и Энтото.—Рѣшеніе Менелика.—Военный совѣтъ.—Планъ войны съ Италіей. . . . . 23—32

ГЛАВА IV.

Положеніе негуса Менелика относительно европейскихъ державъ и чрезвычайное посольство въ Россію.—Пребываніе его въ Петербургѣ.—Пріѣздъ въ Римъ генерала Баратіери.—Оваціи и пріемъ его правительствомъ и обществомъ. — Планъ войны итальянцевъ и ихъ силы въ Африкѣ.—Итальянскіе агенты и ихъ дѣятельность.—Инженеръ Капуччи и судъ надъ нимъ Менелика . . . . . 33—52

ГЛАВА V.

Императоръ Менеликъ. — Ранняя его молодость.—Почетный его плѣнъ у короля Ѳеодора.—Бѣгство Менелика и завоеваніе Шоа.—Расправа съ своимъ предмѣстникомъ.—Смерть царя Ѳеодора.—Вступленіе на престолъ Іоанна.—Его само-

убійство.—Менеликъ на престолѣ Эѳіопіи.—Реформы въ странѣ.—Характеръ новаго государя.—Его образованіе.—Придворный штатъ.—Рабочій день Императора.—Его резиденція.—Вѣротерпимость Менелика и отношеніе его къ европейскимъ новшествамъ. . . . . 53—66

ГЛАВА VI.

Императрица Таиту.—Ея прошлое и характеристика.—Придворный штатъ и армія.—Ея образъ жизни.—Расъ-Маконенъ.—Его характеристика.—Отношеніе къ европейцамъ. — Дипломатическія дарованія.—Образъ жизни и отношеніе къ двору императора.—Расъ-Даргэ.—Его характеръ и выдающіяся качества.—У-аль де-Георгисъ.—Расъ-Микаэль. — Расъ-Оліэ. — Расъ-Мангаши. — Расъ-Алула.—Расъ-Себахъ. — Разъ-Мешаша. — Негусы Годжама и Джиммы, Теклейманотъ и Абба Джиффаръ.—Отношенія и зависимость расовъ отъ императора.—Общій выводъ изъ ихъ характеристики по отношенію къ войнѣ съ Италіей . . . . . 67—81

ГЛАВА VII.

Театръ военныхъ дѣйствій.

Границы Эѳіопіи.—Характеръ страны.—Тигре, какъ театръ военныхъ дѣйствій.—Горы, почва, рѣки, растительность, пути сообщенія.—Населенные пункты.—Крѣпости.—Стратегическіе пункты. — Разсмотрѣніе театра войны по отношенію къ наступающему и обороняющемуся.—Заключеніе . 82—88

ГЛАВА VIII.

Абиссинская армія.

Численность арміи, ея составъ. — Военная іерархія.—Комплектованіе, продовольствіе и снаряженіе войскъ.—Содержаніе оружія.—Команды и сигналы.—Отличія и награды.—Смотры начальниковъ.—Военное судопроизводство.—Крѣпости . 89—102

ГЛАВА IX.

Тактика эѳіопскихъ войскъ.

Раздѣленіе арміи на роды оружія.—Пѣхота: ея вооруженіе, одежда, тактическія единицы, строи, боевые и бивачные порядки.—Конница.—Ея организація и снаряженіе.—Конскій составъ.—Артиллерія, какъ исключительный родъ оружія.—Ея организація.—Личный составъ.—Стрѣльба.—Пороховой заводъ.—Мастерскія динамита.—Походные порядки.—Организація продовольствія въ походѣ. — Расположеніе бивакомъ. — Бой. — Построеніе боеваго порядка.—Дѣйствіе огнемъ.—Питаніе патронами. — Веденіе боя. — Взаимныя дѣйствія трехъ родовъ оружія.—Атака.—Преслѣдованіе.—Прокаженные на службѣ въ арміи.—Заключеніе . . . . . 103—122

ГЛАВА X.

Приготовленія Менелика къ походу противъ итальянцевъ.—Народное настроеніе.—Устройство базы.—Манифестъ негуса о войнѣ.—Мѣры къ

сохраненію порядка въ странѣ. — Регентъ ея расъ-Даргэ . . . . . 123—131

ВЛАВА XI.

Движеніе генерала Баратіери внутрь страны.— Преслѣдованіе войскъ расъ-Мангаши. — Бой у Дебро-Айла.—Переходъ на сторону итальянцевъ расъ-Себата и деджаза Али.—Иллюзіи генерала Баратіери.—Засѣданіе палаты депутатовъ въ Римѣ и рѣшеніе по эритрейскому вопросу.—Движеніе императора Менелика къ Бурамеду. — Походная обстановка абиссинцевъ.—Родственники негуса. . 132—143

ГЛАВА XII.

Движеніе отряда маіора Тозелли къ Амбаладжійскому ущелью.—Появленіе передъ нимъ силъ расъ-Маконена.—Занятіе Тозелли позиціи.—Бой при Амбаладжи. — Разгромъ итальянцевъ. — Потери . . . . . 144—153

ГЛАВА XIII.

Абиссинская реляція о боѣ при Амбаладжи.— Дѣйствія генерала Аримонди. — Форсированный маршъ изъ Макале. — Встрѣча его съ противникомъ. — Перестрѣлка. — Отступленіе генерала Аримонди. — Результатъ его марша на помощь Тозелли . . . . . 154—161

ГЛАВА XIV.

Исторія принца Гуксы.—Принцъ—воспитан-

никъ инженера Илька. — Интрига доктора Траверси.—Водвореніе принца въ Римѣ.—Его кандидатура на эѳіопскій престолъ. — Воздѣйствіе итальянцевъ на отца принца — расъ-Даргэ. — Обмѣнъ письмами Нераццини и расъ-Даргэ. — Водвореніе принца Гуксы въ Массовѣ.—Письма его къ Менелику. — Возвращеніе принца въ Швейцарію . . . . . 162—165

ГЛАВА XV.

Занятіе итальянцами форта Макале.—Описаніе его. — Военный совѣтъ у генерала Аримонди. — Движеніе абиссинскихъ войскъ. — Блокада форта расъ-Маконеномъ.—Появленіе арміи Менелика.— Донесеніе Галліано генералу Баратіери.—Полное обложеніе Макале.—Неудачная вылазка итальянцевъ. — Расположеніе абиссинцевъ. — Идеи генерала Баратіери.—Итальянскій агентъ Фельтеръ и его дѣятельность.—Выкупъ гарнизона Макале.— Отступленіе батальона Галліано и фланговый маршъ негуса къ Адуа.—Реляція Менелика объ осадѣ Макале.—Впечатлѣнія въ Массовѣ и Италіи, вызванныя сдачею Макале . . . . . 166—184

ГЛАВА XVI.

Бой при Адуа.

Обстановка, въ которой находились обѣ воюющія стороны передъ Адуанскимъ сраженіемъ.— Рѣшеніе Баратіери отступить къ Ади-Кайе.—Отмѣна этого рѣшенія.—Военный совѣтъ въ итал-

янскомъ лагерѣ и его результаты. — Диспозиція генерала Баратіери на 29 февраля. — Описаніе мѣстности, на которой разыгралось сраженіе. — Силы обѣихъ сторонъ въ бою подъ Адуей.—Характеристика итальянскихъ генераловъ.—Тревога въ абиссинскомъ лагерѣ. — Наступленіе итальянскихъ колоннъ.—Бой колонны генерала Альбертоне. — Атака абиссинцами колоннъ генерала Аримонди и Эллены.—Бой колонны генерала Дабормиды.—Бѣгство итальянцевъ.—Потери обѣихъ сторонъ. — Рейдъ расъ-Себата. — Расправа съ плѣнными башибузуками. Дѣятельность Менелика послѣ боя. — Участь подполковника Галліано. — Впечатлѣніе, произведенное Адуанскимъ боемъ въ Италіи . . . . . 182—237

ГЛАВА XVII.

Возвращеніе въ Шоа арміи Менелика.—Отношеніе къ итальянскимъ плѣннымъ г. Леонтьева.— Походная жизнь. — Торжественная встрѣча въ Энтото.—Трехдневный пиръ у негуса.—Итальянскій делегатъ—маіоръ Зальца въ лагерѣ негуса.— Переговоры о перемиріи.—Пріѣздъ въ Массову генерала Бальдиссера.—Его распоряженія и мѣры къ освобожденію Адиграта.—Очищеніе итальянцами этого пункта. — Эвакуація войскъ въ Италію. — Дислокація колоніальныхъ войскъ къ 1 іюля 1896 года. . . . . 238—259

ГЛАВА XVIII.

Желаніе негуса ознаменовать день Св. Коронованія Императора Всероссійскаго освобожде-

ніемъ части итальянскихъ плѣнныхъ.—Рыцарскій поступокъ генерала Альбертоне.—Миссія, данная негусомъ г. Леонтьеву въ С.-Петербургъ, Римъ и Константинополь. — Милости и подарки негуса г. Леонтьеву. — Выраженіе ему чувствъ итальянцевъ въ письмѣ лейтенанта Корделла. — Выборъ 50 плѣнныхъ и снаряженіе отряда г. Леонтьева.— Выступленіе его въ Джибути. — Встрѣча г. Леонтьева въ пустынѣ съ г. Булатовичемъ. — Письмо папы римскаго къ негусу и миссія монсиньора Макарія.—Появленіе въ Зейлѣ маіора Нерадзини. 260—281

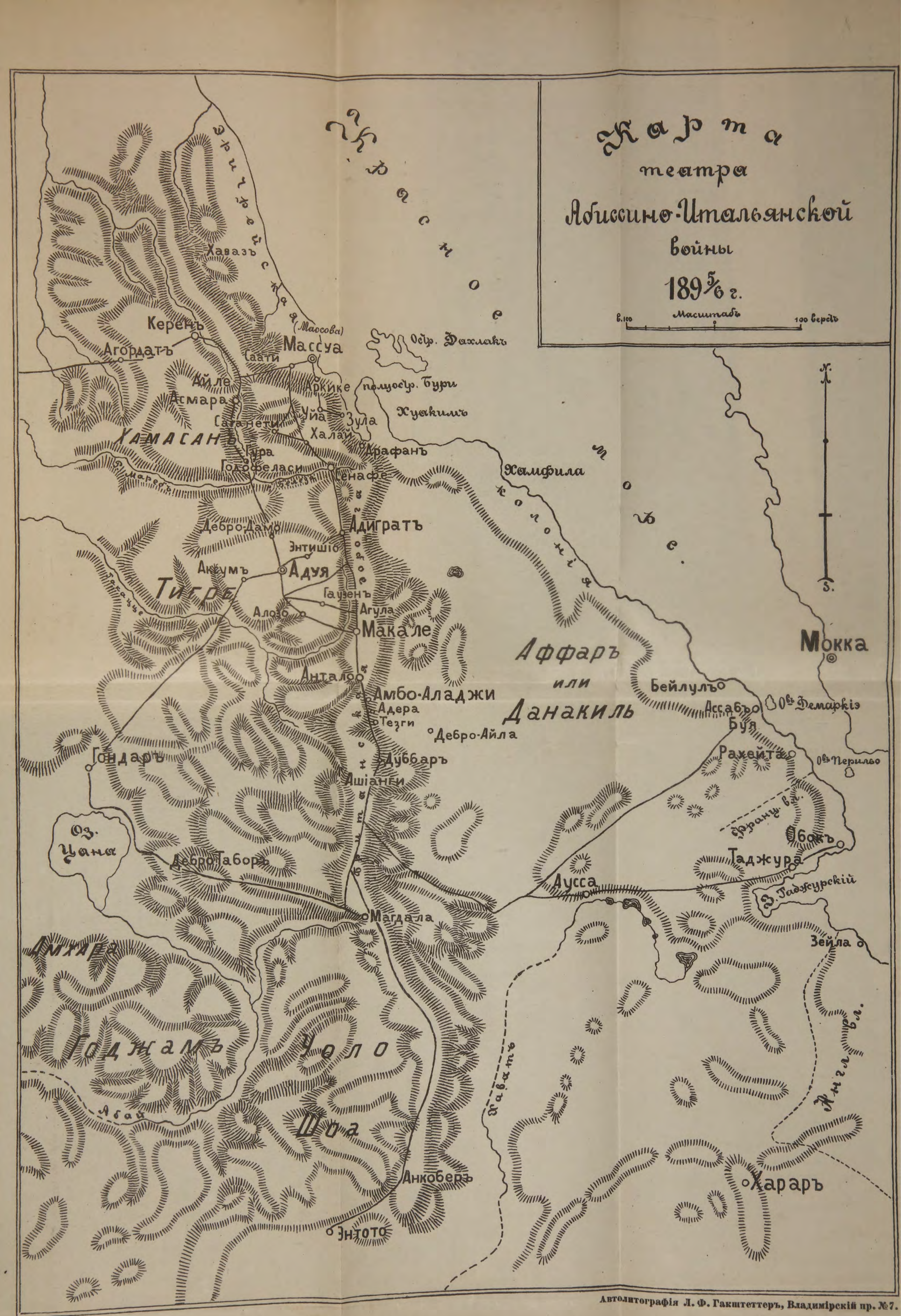
ГЛАВА XIX.

Телеграммы Менелика и маіора Нераццини въ Римъ о заключеніи мира. Подписаніе мирнаго договора въ Аддисъ-Абабъ. — Восемь его пунктовъ. — Конвенція о плѣнныхъ. — Телеграммы Императору Всероссійскому и президенту французской республики.—Значеніе договора для Менелика. — Исторія съ пароходомъ „Doelwyck“.— Заключеніе. . . . . 282—287

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Письмо папы римскаго Льва XIII негусу Менелику II. . . . . 291—292

Письмо негуса Менелика II къ папѣ римскому Льву XIII . . . . . 293—294


Карта
театра
Абиссино-Итальянской
войны
189 5/6 г.
Масштабъ
в. 100
100 верстъ
Красное
море
Остр. Дахлакъ
полуостр. Бури
Хуакилъ
Хамфила
Колонія
Эритрея
Massova
Massua
Керенъ
Агордатъ
Саати
Айле
Асмара
Аркике
Уйа
Зула
Сагатети
Халай
Арафанъ
Гура
Годофеласи
Сенафе
Хамасанъ
Дебро-Дамо
Адиграть
Энтишіо
Адуя
Аксумъ
Тигрь
Гаузенъ
Агула
Алозо
Макале
Аффаръ
или
Данакиль
Анталоо
Амбо-Аладжи
Адера
Тезги
Дебро-Айла
Бейлулъ
Ассабъ
Буя
Рахейта
Гондаръ
Дуббаръ
Ашіанги
Оз. Цана
Дебро-Таборъ
Магдала
Аусса
Таджура
Обокъ
Оз. Таджурскій
Зейла
Амхара
Годжамъ
Шоа
Анкоберъ
Энтото
Харарь
Мокка
Масштабъ
Автолитографія Л. Ф. Гакштеттеръ, Владимірскій пр. №7.

ЕЛЕЦЪ

ИМПЕРАТОРЪ

МЕНЕЛИКЪ

М. Ф.